

1, 2016

РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ
RUSSIAN POLITICAL SCIENCE

тема номера:

«МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР XXI ВЕКА»

Содержание номера

От редакции	4
1. Россия в многополярном мире: внешняя политика и двустороннее сотрудничество	5
Горохов Андрей Анатольевич	Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века 5
Ефанова Елена Владимировна, Глазков Аркадий Алексеевич	Образ России в системе международных отношений: содержание имиджевой стратегии 15
Косоруков Артём Андреевич	Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути 25
Перус Маркос Агустин Куерва, Дашкина Ирина Владимировна	Мексика — Россия: перспективы взаимоотношений 36
Цуй Чжэн	Китайская внешняя политика и российско-китайские отношения в многополярном мире 43
2. Проблемы международной безопасности и устойчивого мирового развития	51
Васецова Елена Сергеевна	Исламистские организации Центральной Азии 51
Капицын Владимир Михайлович	Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия 57
Манойло Андрей Викторович	Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман») 69
Саква Ричард	Образы мирового порядка после холодной войны 80
Столетов Олег Владимирович	Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн» 88
Телин Кирилл Олегович	Исламизм и политические институты Ближнего Востока 98
3. Современные проблемы мировой политики и информационные технологии	105
Убрира Изабелла Феликсовна, Горохов Андрей Анатольевич	Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв. 105
Федорченко Сергей Николаевич	Информационная империя: миф или новый сетевой мир? 114
Фельдман Павел Яковлевич	Информационно-коммуникационные технологии в реализации внешнеполитической стратегии США 120
Хауер-Тюкаркина Ольга Михайловна	Европейский союз как политический миф 124
Хордецки Бартош	Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций 137
4. Политическая наука в российских университетах	147
Факультет политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова	147
Кафедры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова	155
5. Summary	161
Информация для авторов. Оформление статей	167
Редакционный совет	169
Редакционная коллегия	171
Редакция	173

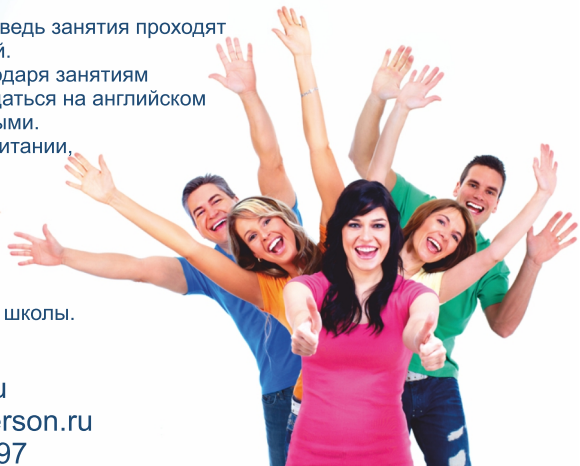
Онлайн
школа
Speakerson:

Перевод статей в журнале осуществлен при поддержке школы Speakerson.

- Обучение английскому и русскому языкам;
- Бизнес английский и подготовка к международным экзаменам (TOEFL, IELTS);
- Подготовка к собеседованию;
- Перевод любых документов и текстов;
- Профессиональный перевод научных статей.

ВСЕ НАШИ ПРЕИМУЩЕСТВА

- В нашей школе работают только высококвалифицированные дипломированные педагоги.
- Занятия английским из любого места и в удобное для вас время.
- Мы обращаем особое внимание на ваши потребности и пожелания к содержанию курса, учитывая ваши индивидуальные цели.
- Вы гарантированно достигнете результата ведь занятия проходят с учетом ваших персональных особенностей.
- Больше никаких языковых барьеров! Благодаря занятиям в нашей школе вы сможете с легкостью общаться на английском языке и избавиться от страха быть непонятыми.
- Общение с носителями языка из Великобритании, США, Австралии и Канады.
- Мы даем 100% гарантию качества.
- Бесплатные учебные пособия.
- Личный кабинет, с помощью которого вы сможете отслеживать свое расписание, контролировать занятия с преподавателем, оплачивать уроки, знакомиться с новостями школы.

Приходите к нам:
www.speakerson.ru
email: moderator@speakerson.ru
Тел: 8 (800) 505 25 97

Уважаемые политологи!

Представляем вам первый номер журнала «Русская политология». На страницах журнала мы будем публиковать актуальные статьи политологов России и зарубежных стран. Считаем, что сотрудничество ученых-политологов, представляющих разные научные школы, разные континенты и страны, поможет формированию более стабильного, безопасного и предсказуемого мира.

Каждый номер журнала будет посвящен определенной теме или проблеме. Начинаем мы с проблемы современного мироустройства, с международной политики и международных отношений. Мы считаем, что в XXI веке складывается многополярный мир — мир, в котором происходит сложный диалог различных политических центров.

Но современный мир сталкивается со многими угрозами — это, прежде всего, международный терроризм, экологические проблемы, распространение оружия массового уничтожения, национальная и религиозная нетерпимость. Современная политическая наука в России и за рубежом стремится найти способы решения данных проблем.

Главными задачами журнала являются знакомство мировых научных центров с исследованиями российских политологов, а также налаживание научного диалога между политологами различных стран. Для решения таких задач журнал будет издаваться на двух языках: русском и английском. Количество языков, на которых будет выходить журнал, по мере развития издания будет увеличиваться.

Политическая наука в России имеет свою историю, которая, как нам представляется, начинается с первого университета в России. Мы считаем, что политическая наука без университетского образования и университетских научных школ невозможна. Михаил Васильевич Ломоносов, великий русский ученый, один из основателей Московского университета, предложил учредить среди первых десяти кафедр — кафедру политики. Именно данная кафедра является точкой отсчета русской политической науки, которая сегодня развивается как в МГУ, так и в других университетах страны.

Надеемся, что наш журнал сможет объединить исследователей политики российских и зарубежных научных центров. Приглашаем политологов к сотрудничеству!

Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века

Аннотация. Статья посвящена великому государственному деятелю СССР и России Евгению Максимовичу Примакову. В статье анализируется многополярная система международных отношений, которую отстаивал в своих книгах и статьях Е. М. Примаков. Многополярная система, по мнению Примакова, не задает тенденцию к столкновению между разными полюсами и центрами силы в мире. Причины такой тенденции — это интеграционные процессы между государствами и транснационализация предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: Россия, Примаков Е. М., многополярный мир, США, Китай, Индия, унилатерализм.

Автор

Горохов Андрей Анатольевич,

кандидат политических наук,
начальник научного отдела
факультета политологии Московского
государственного университета имени
М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Евгений Максимович Примаков (1929–2015) — академик Российской академии наук, государственный и общественный деятель, ученый, политик и дипломат, директор Института востоковедения и Института мировой экономики и международных отношений (1985–1989), председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1988–1991), директор Службы внешней разведки Российской Федерации (1991–1996), министр иностранных дел (1996–1998), председатель Правительства России (1998–1999), депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (1999–2001), президент Торгово-промышленной палаты (2001–2011).

В 2014 г. за значительный вклад в научно-аналитическое обеспечение внешней

политики России был удостоен Государственной премии Российской Федерации.

В 2014 г. стал Почетным президентом Российского общества политологов. Почетный профессор (с 1998), почетный доктор (с 2006) Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Миротворчество

Евгений Максимович будучи ученым и политиком уделял большое внимание миротворческой деятельности — был активным участником международного миротворческого движения. С 1970 г. был участником Пагуошского движения ученых¹.

¹ Пагуошское движение ученых (Pugwash Conferences on Science and World Affairs) —

Примаков внес значительный вклад в деятельность Советско-американской Пагуошской группы по разоружению и исследованию конфликтов¹, в подготовку Договора между СССР и США по противоракетной обороне и соглашений по стратегическим наступательным вооружениям. В 1970–2015 гг. Примаков был членом Советского, с 1991 г. — Российского Пагуошского комитета, в 2002–2014 гг. являлся членом Президиума этого комитета.

Напомним, что в основополагающем документе Пагуошского движения, в Манифесте Рассела — Эйнштейна (1955), говорилось: «Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять

международная неправительственная научная организация. Движение получило название от местечка Пагуош (Новая Шотландия, Канада), где 7–10 июля 1957 г. состоялась первая встреча ученых, на которой обсуждались важнейшие аспекты мировой политики, а также угроза ядерной войны.

¹ В 1964 г. после долгих дискуссий и в связи с расширением Пагуошского движения Постоянный комитет принял решение о создании совместной советско-американской Пагуошской группы по разоружению и контролю над вооружениями. Ее сопредседателями стали М. Д. Миллионщиков, возглавивший в том же году Советский Пагуошский комитет, и американский профессор-биохимик П. Доти (См.: Пагуошское движение ученых — одна из старейших и ведущих международных научных организаций в области проблем безопасности, разоружения и научного сотрудничества — лауреат Нобелевской премии мира 1995 г. // Сайт Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской академии наук. — URL: <http://www.pugwash.ru/history> (дата обращения: 21.06.2016).

Е. М. Примаков на лекции на факультете политологии в МГУ имени М. В. Ломоносова. Апрель 2011 г.

для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?» [1]. Нам кажется, что именно на последний вопрос всю свою жизнь, при возникновении международных политических или военных конфликтов, пытался ответить Евгений Максимович Примаков, а после получения ответа соответствующим образом действовать — действовать ради мира.

Евгений Максимович многое сделал для налаживания политического диалога между СССР и США, а затем Россией и США. Участвовал в советско-американских Дартмутских встречах², являлся сопредседателем рабочей группы по конфликтным ситуациям. По итогам работы этой группы

² Дартмутские встречи (конференции) — конференции представителей советской и американской общественности, созываемые попеременно в СССР и США. Первая встреча состоялась в 1960 г. в США в Дартмутском колледже (г. Хановер, штат Нью-Гэмпшир). Вторая Дартмутская встреча состоялась в СССР, в Крыму, в мае 1961 г. Участники второй встречи высказались за достижение соглашения на переговорах о прекращении ядерных испытаний, которые велись между СССР, США и Великобританией с 1958 г. С 1960 по 1990 г. состоялось 17 встреч. (См.: История США: в 4 т. Т. 4: 1945–1980. — М.: Наука — 1987. — 744 с.).

Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века

*Е. М. Примаков, ректор МГУ В. А. Садовничий (слева), декан факультета политологии МГУ
А. Ю. Шутлов (справа) перед лекцией в МГУ. Апрель 2011 г.*

были разработаны меры нормализации обстановки на Ближнем Востоке.

В 2007 г. Примаков стал сопредседателем российско-американской группы общественного диалога «Россия — США: взгляд в будущее». Группа была нацелена на улучшение российско-американских отношений и разработку соответствующих рекомендаций для политических лидеров двух стран. С американской стороны группу возглавлял бывший госсекретарь США Генри Киссинджер. В повестке дня группы были следующие вопросы: геополитические обзоры с акцентом на взаимоотношения России и США, мировая экономика, нераспространение ядерного оружия, энергетика, совпадение интересов России и США.

Многополярный или однополярный мир?

В России Евгений Максимович является еще и теоретиком концепции многополярного мира. Данная концепция предполагает развитие всего человечества мирным путем. Однополярная модель развития приводит

к подавлению независимых политических и экономических центров (в том числе и с применением военной силы), которые взаимодействуют с мировым сообществом не через единый центр, а самостоятельно. Многополярное мироустройство является ареной различных мировых акторов, которые могут через диалог в рамках международных формальных и неформальных организаций (ООН, «Группа двадцати» (G20) и др.) согласовывать свою внешнюю политику.

Альтернативой концепции многополярного мира выступает доктрина однополярного мира. Как считал Примаков, главными идеологами однополярного мира выступают американские неоконсерваторы, которые разработали доктрину американского унитаризма.

Согласно этой доктрине, США после окончания холодной войны берут на себя право определять, какие государства угрожают мировому сообществу, и без решения Совета Безопасности ООН, а также без согласования с союзниками по блоку НАТО, могут применять против таких государств вооруженную силу.

*Е. М. Примаков на факультете политологии в МГУ имени М. В. Ломоносова.
Апрель 2014 г.*

Такая доктрина поддерживалась следующими аргументами:

1. США выиграли холодную войну и поэтому в мире осталась одна доминирующая сила;
2. США после холодной войны сохранили количественные и качественные показатели сверхдержавы и объединяют ряд государств, которые для обеспечения своей безопасности пошли на подчинение в вопросах внешней политики Соединенных Штатов.

Что касается первого аргумента, то и в период холодной войны существовало более двух мировых центров, так как существовали страны, входящие в Движение неприсоединения¹. В отношении победы

США в холодной войне стоит отметить, что по мнению Примакова, «распад СССР нельзя отнести к категории его поражения в холодной войне» [2], так как бывшие республики Советского Союза не погрузились в хаос, а ракетно-ядерный потенциал был полностью перебазирован и сохранен в России (правопреемнице СССР).

В отношении второго тезиса можно отметить следующее: сплоченность вокруг США возможна только при наличии глобальной или региональной военной угрозы от какой-либо страны (группы стран). Если нет такой угрозы, то ее необходимо создать и поддерживать, в том числе и используя инструменты средств массовой информации, иначе партнеры США не будут нуждаться в чрезмерной опеке. Не в этом ли настоящая причина того, что Соединенные Штаты делают попытки создать такую угрозу из России, особенно в глазах европейцев? Мнимая военная угроза со стороны России позволяет США развивать военно-политический блок НАТО, а также воздействовать на военные и экономические потенциалы европейских государств.

¹ Начало истории Движения неприсоединения ведется с сентября 1961 г., когда в Белграде по инициативе Неру, Нкрума, Насер, Тито, Сухарто состоялась первая конференция глав развивающихся стран. Конференция глав государств и правительств Движения неприсоединения является вторым после ООН по числу участников международным форумом. В настоящий момент в Движение неприсоединения входят 120 государств.

Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века

*Выступление Е. М. Примакова на конференции Российского общества политологов
«Трансформация роли государства в современном мире» в МГУ.*

*В рамках конференции состоялась презентация книги Е. М. Примакова
«Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России».*

На фотографии: Е. М. Примаков (слева) и С. В. Степашин (справа).

Декабрь 2014 г.

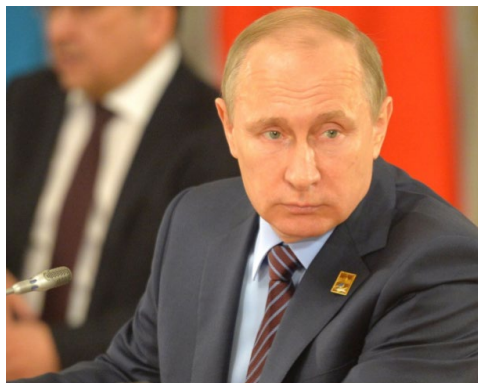
Примаков считал, что два аргумента, которыми обосновывается доктрина американского унилатерализма, несостоятельны и приводил мнения американских политиков, которые отрицали доктрину однополярного миропорядка. Среди таких политиков можно выделить бывшего посла в Москве Джека Мэтлока¹, а также уважаемого политика Джорджа Кеннана².

¹ Джек Мэтлок (Jack F. Matlock, 1929) — посол США в СССР в 1987–1991 гг. Автор фундаментальных исследований: о крахе СССР — «Смерть империи» (Autopsy on an Empire — 1995 г.), об окончании холодной войны — «Рейган и Горбачёв» (2004) и об ошибках внешнеполитического курса США при президенте Джордже Буше-младшем — «Иллюзии сверхдержавы» (Superpower illusions — 2010).

² Джордж Фрост Кеннан (George F. Kennan, 1904–2005) — посол США в СССР 14 мая — 19 сентября 1952 г. За свою жизнь Д. Кеннан написал 21 книгу. Автор внешнепо-

В одной из бесед Мэтлок отметил, что «Советский Союз распался не из-за внешнего давления. Да и холодная война закончилась не из-за распада Советского Союза. Она закончилась в силу договоренности, пошедшей на благо обеим сторонам. Конец коммунистическому правлению наступил благодаря тому, что Михаил Горбачёв своими действиями лишил его единоличной власти... Мысль о том, что Соединенные Штаты каким-то образом победили Советский Союз, привела к ошибочной и обанкротившейся политике Вашингтона... США не одерживали победу в холодной войне, но американские руководители начали вести себя так, будто они победили» [3].

литической доктрины «сдерживания» СССР. В 1974–1975 гг. Кеннан основал Институт перспективных российских исследований имени Кеннана (Kennan Institute for Advanced Russian Studies). Свое название институт получил в честь Джорджа Кеннана-старшего.

Президент России Владимир Владимирович Путин:

— Современный мир действительно многополярен, сложен и динамичен, это объективная реальность. И попытки построить модель международных отношений, в которой бы все решения принимались в рамках единственного полюса, неэффективны, то и дело дают сбой и в конечном счете обречены на неудачу¹.

В свою очередь, Дж. Кеннан назвал «глупостью и ребячеством» предвыборное выступление в 1992 г. Буша-старшего, заявившего о победе США в холодной войне.

Однополярная доктрина выразилась в следующих односторонних и агрессивных действиях США:

- в расширении НАТО и включении в его состав стран, в том числе и входящих в бывший СССР, хотя были даны заверения советскому руководству, что расширения НАТО не будет;
- в выходе Соединенных Штатов из Договора по ПРО. Договор сдерживал гонку вооружений;
- в бомбардировке Югославии без санкции ООН и вопреки мнению лидеров стран, входящих в НАТО;
- в оккупации Ирака, которая была совершена вследствие фальсификации, произведенной американскими спец-

службами, утверждавшими, что Ирак производит ядерное оружие.

Очевидно, что США после окончания холодной войны совершили много ошибок, основанных на доктрине однополярного мира. При этом, такая доктрина не делает мир более безопасным, а, наоборот, создает условия для возникновения военных конфликтов. И совершенно верно в книге «Иллюзии сверхдержавы» Д. Мэтлок отметил, что Соединенные Штаты в своей внешней политике после краха Советского Союза не сумели воспользоваться возможностями, открывшимися после окончания холодной войны.

Более того, в результате только военных действий в Ираке США потеряли около 5 тысяч солдат и офицеров убитыми и 32 тысячи ранеными. А Ирак потерял свою государственность, и, по разным оценкам, от сотни тысяч до миллиона убитых иракцев. Также военные действия США в Ираке нарушили баланс сил в регионе, что стало причиной возникновения группировки «Исламское государство» (запрещена в России). Представляется, что это является следствием реализации Соединёнными Штатами доктрины однополярного мира. Вероятно, в этой же доктрине заключена причина кризиса взаимоотношений США и России, так как Россия придерживается концепции многополярного мироустройства. Президент России Владимир Путин неоднократно говорил о приверженности такой системе международных отношений, в частности, в одном из интервью в преддверии саммита БРИКС, в 2014 г. [4].

Примаков обозначил несколько объективных факторов, которые свидетельствуют о том, что мир становится многополярным, а не однополярным.

Во-первых, экономические показатели подтверждают, что США утрачивают свое лидерство в мировой экономике.

Действительно, по данным Международного валютного фонда², в 2015 г. лиде-

¹ Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru> (CC BY 4.0).

² World Economic Outlook Database, April 2016 // Сайт Международного валютного

Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века

ром общемирового ВВП является Китай с долей в 17,08 %. США на втором месте с долей в 15,81 %.

Во-вторых, изменяется место развивающихся стран в системе общемировых финансовых потоков. Развивающиеся страны становятся инвесторами, которые вкладывают свои финансовые ресурсы по всему миру.

Примером такого инвестирования является покупка в 2010 г. китайским концерном Geely у американского Ford шведской компании Volvo. Стоимость сделки составила 1,8 млрд долларов. Ранее, в 2008 г., индийская Tata Motors перекупила у Ford английские автомобильные компании Jaguar и Land Rover. Стоимость этой сделки — 2,3 млрд долларов.

В-третьих, доля США в мировых затратах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР) падают, в отличие от Китая и других стран.

Исследователь Я.И.Никонова, опираясь на объективные данные, утверждает, что «в формирующемся многополярном мире к 2011 г. сложились четыре главных центра научного прогресса — США (31 % мировых расходов на НИОКР по паритету покупательной способности), Европейский союз (24 %), Китай (14 %) и Япония (11 %)» [5].

Многополярность современного мира подтверждается и в рейтинге самых инновационных государств мира, который составляется агентством Bloomberg. В 2016 г. самой инновационной страной была признана Южная Корея. Затем идут Германия, Швеция, Япония и Швейцария. США занимает 8-е место, Россия — 12-е, Китай — 21-е, Индия — 45-е¹.

фонда — URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/index.aspx> (дата обращения: 21.06.2016).

¹ These Are the World's Most Innovative Economies // Сайт агентства Bloomberg — URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-19/these-are-the-world-s-most-innovative-economies> (дата обращения: 21.06.2016).

Согласно прогнозу Примакова, США в первые два десятилетия XXI в. будут еще являться самой сильной в военном и экономическом плане страной. В то же время будут расти новые центры силы — Бразилия, Южная Африка, продолжатся интеграционные процессы в Латинской Америке, Азии, Африке и на Ближнем Востоке, что приведет к формированию новых «групповых» центров мировой экономики и политики.

Также необходимо отметить очень важную характеристику современного многополярного мироустройства. Евгений Максимович утверждал, что многополярность не задает тенденцию к столкновению между разными полюсами и центрами силы в мире. Причины такой тенденции — это интеграционные процессы между государствами и транснационализация предпринимательской деятельности.

Многополярный или «бесполярный» мир?

В книге «Мысли вслух» Евгений Максимович писал, что «после окончания холодной войны начала складываться многополярная мировая система» [6].

Вследствие складывания такой системы, по мнению Примакова, приходит формирование интеграционных объединений государств в области экономики и политических соглашений, что ведет к стабилизации в различных регионах мира. И именно в целях стабилизации отношений в обширном евразийском регионе была предложена Примаковым идея стратегического треугольника: Россия — Индия — Китай. И такая идея, по его мнению, будет способствовать сближению Китая и Индии, и уменьшению напряженности между этими великими странами.

Примаков отмечал, что «переход к многополярной системе — это процесс, а не одноразовое изменение, имеющее законченный характер. Поэтому большое значение приобретают различные тенден-

Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин:

— *Дальнейшее развитие российско-китайского всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, основанное на общих интересах, продиктованное необходимостью способствовать справедливости и равенству в мире, обеспечению мира на планете, потребности в осуществлении совместного процветания Китая и России, является неизбежным выбором, вытекающим из процесса формирования многополярного мира¹.*

ции, подчас противоречивые, проявляющиеся по мере этого перехода. Некоторые из них имеют своим источником неравномерность развития государств, успехи или неудачи интеграционных объединений. Непосредственно сказывается и подвижное соотношение между, условно говоря, курсом на перезагрузку отношений и унаследованной у холодной войны инерционной линией поведения государств, укоренившейся во время периода откровенной конфронтации. Это соотношение двух тенденций проявляется и в политической, и в военной, и в экономической областях. Поэтому правильный вывод, что многополярное мировое устройство само по себе в условиях глобализации не ведет к конфликтным ситуациям, военным стол-

Премьер-министр Индии Нарендра Моди:

— *Я вижу в России значительного партнера в экономической трансформации Индии и в создании сбалансированного, стабильного, инклюзивного, многополярного мира².*

кновениям, не исключает весьма сложной обстановки, в которой осуществляется процесс перехода к такой системе» [7].

Однако не все теоретики международных отношений согласны с тезисами о многополярном мире Е. М. Примакова. Президент Совета по международным отношениям (США) Ричард Хаас рассматривает современное мироустройство как «бесполярное». Такая система предполагает, что в мировых отношениях доминируют различные акторы (государства, международные организации, общественные организации, вооруженные группы, корпорации, международные сети СМИ и т. д.). Такое предположение делается на основе следующего утверждения: «В сегодняшнем мире сила не сконцентрирована, она все больше рассредоточивается» [8]. Но Примаков видел за идеей «бесполярности» попытку восстановить однополярную систему. Идеологи «бесполярности» видят итог ее развития в дестабилизации и хаосе, что создаст предпосылки для выстраивания новой системы глобального управления Соеди-

¹ Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru> (CC BY 4.0).

² Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru> (CC BY 4.0).

Евгений Максимович Примаков о многополярном мире XXI века

ненными Штатами. В своей статье Хаас, действительно, отмечает, что «бесполярность» приведет к необходимости создания «согласованной бесполярности», которая предполагает «создание центральной группы» из государств и других акторов — приверженцев мультилатерализма [8].

Е. М. Примаков высказывал несогласие с позицией Хааса по вопросу снижения влияния национальных государств в международных отношениях. Именно национальные государства, по мнению Примакова, сохраняют доминирующее влияние в разрешении различных конфликтов.

К идеологам «бесполярного» мира Примаков относил и американско-российского публициста Николая Злобина, автора книги «Второй новый миропорядок» [9]. Злобин рассматривает современный мир,

в котором повестка задается не сверхдержавами, а средними и малыми государствами, а также региональными конфликтами. Такая оценка современного мира, согласно Примакову, является весьма поверхностной.

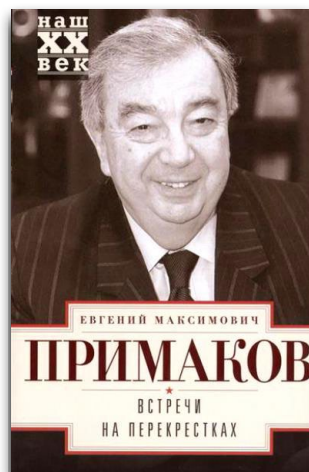
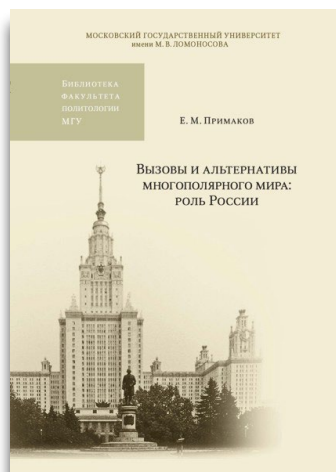
Идею о том, что современный мир становится многополярным, сегодня поддерживают лидеры многих ведущих государств мира.

В мае 2014 г. о приверженности многополярного мироустройства говорил Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин [10], в декабре 2015 г. — Премьер-министр Индии Нарендра Моди [11].

Такие заявления мировых лидеров подтверждают, что Евгений Максимович был прав в своих оценках современного мира — мира многополярного.

Рекомендуем следующие книги Е. М. Примакова:

- Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. — М.: Издательство Московского университета, 2014. — 320 с. (Библиотека факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова).
- Мысли вслух. — М.: Российская газета, 2011. — 207 с.
- Встречи на перекрестках. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. — 607 с.

Литература

1. Манифест Рассела — Эйнштейна, 1955 г. // Сайт Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской академии наук. — URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html> (дата обращения: 11.06.2016).

-
2. *Примаков Е. М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. — С. 15.
 3. *Kingsbury A.* Why Neither Reagan Nor the United States Won the Cold War. Jack Matlock discusses Superpower Illusions // сайт U. S. News & World Report L. P. — URL: <http://www.usnews.com/opinion/articles/2010/01/22/why-neither-reagan-nor-the-united-states-won-the-cold-war-2> (дата обращения: 11.06.2016).
 4. Интервью российскому информационному агентству ИТАР-ТАСС // Сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46218> (дата обращения: 11.06.2016).
 5. *Никонов Я. И.* Компаративный анализ подходов к организации финансирования стратегии инновационного развития национальных экономик за рубежом // Вестник Томского государственного университета. — 2015. — № 392. — С. 145.
 6. *Примаков Е. М.* Мысли вслух. — М.: Российская газета, 2011. — С. 157.
 7. *Примаков Е. М.* Мысли вслух. — М.: Российская газета, 2011. — С. 159–160.
 8. *Хаас Р.* Эпоха бесполярного мира // Россия в глобальной политике. — 2008. — № 4. — URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11144 (дата обращения: 12.06.2016).
 9. *Злобин Н. В.* Второй новый миропорядок: геополитические головоломки. — М.: Эксмо, 2009. — 316 с.
 10. Начало российско-китайских переговоров в расширенном составе // Сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21050> (дата обращения: 12.06.2016).
 11. Заявления для прессы по итогам российско-индийских переговоров. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51011> (дата обращения: 12.06.2016).
 12. Пагуошское движение ученых — одна из старейших и ведущих международных научных организаций в области проблем безопасности, разоружения и научного сотрудничества — лауреат Нобелевской премии мира 1995 г. // Сайт Российского Пагуошского комитета при Президиуме Российской академии наук. — URL: <http://www.pugwash.ru/history> (дата обращения: 11.06.2016).

Образ России в системе международных отношений: содержание имиджевой стратегии

Аннотация. Анализ эволюции образа российского государства в системе международных отношений показал, что образ России динамично видоизменяется на протяжении всей истории. Образ России, с одной стороны, определяется особенностями отношения к своему государству самих граждан РФ, а с другой — характером отношения к России иных государств. Результаты общественно-политических исследований показывают, что для российских граждан образ национального государства отождествляется с Президентом страны, сильной властью, великой державой. За рубежом российское государство воспринимают как супердержаву с богатой историей, однако ряд иностранных государств воспринимают Россию как страну с высоким уровнем коррупции.

Ключевые слова: международные отношения, образ государства, имиджевая стратегия, российское государство, Россия.

Авторы

Ефанова Елена Владимировна,

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия).

Глазков Аркадий Алексеевич,

студент направления подготовки «Политология» Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия).

В современном социогуманитарном пространстве отмечаются тенденции к возрастанию роли символической политики, базирующейся на различных субъектах политического процесса, а также формируемых вокруг них стереотипов и мифов. По словам И. Ю. Киселева, проблема образа государства приобрела актуальность, «когда стало очевидно, что восприятие государства далеко не всегда осуществляется в соответствии с создаваемым им имиджем, а направляется образами, которые возникают у других участников международных отношений» [1].

Общефилософский подход (С. В. Беспалов, Э. А. Галумов, Л. А. Микешина) под «образом» понимает результат и идеальную модель отражения объекта в сознании индивида, возникающую в процессе исторической практики, на основе знаковых систем. Образ — это ощущения, восприятия и представления. Поэтому данная категория есть нечто субъективное. Однако, однажды возникнув, образ приобретает самостоятельный характер, занимает активную роль в поведении индивидов.

В рамках политологического анализа имеется разнообразие исследований «образа государства»: политико-психологические, медийные, культурологические, маркетинговые, социологические, дискурсологические. И. В. Фомин [2] полагает, что при изучении феномена «образа государства» исследователи выбирают один из двух путей. Первая группа ученых описывает содержание данной категории через перечисление близких по смыслу терминов (символ, знак, представление). Вторая — определяет «образ государства» через комплекс элементов (география, культура, экономика, действия, статус), отражаемых в образе.

Интересную концепцию образа государства выдвигает И. Ю. Киселев, полагая, что оно может быть представлено сразу на двух уровнях. Первый уровень — государство на внутреннем уровне — «для себя», когда его члены идентифици-

руют себя как «Мы», в качестве единого, состоящего из многих элементов. Государство на внешнем уровне становится «Я» в международной системе. «Я-образ» включает в себя следующие компоненты: — идентичность (история; общие ценности; особенности политического устройства);

— статус государства на международной арене;

— роли, которые государства занимают в системе международных отношений.

При доминировании того или иного компонента, по мнению автора, можно говорить о трех типах образа государства — «Я»:

— идентификационный паттерн (внешняя политика такого государства основана, прежде всего, на ценностях, которые зиждятся на его историческом прошлом, культуре, социально-политической системе);

— статусный паттерн (такой тип государства на первый план ставит отношения с другими государствами в международной системе);

— ролевой паттерн (прежде всего, делается упор на реализацию государством принятых им обязательств) [3].

Иные компоненты в структуре образа государства выделяет Э. А. Галумов. С точки зрения автора, образ государства представляет собой сочетание имиджевых компонентов: политико-географического, природно-ресурсного, цивилизационно-культурного, социетальный, производственно-экономического, национально-ценностного. В структуре образа государства А. Э. Галумов выделяет такие компоненты как:

1. «Условно статичные», данные компоненты никогда не изменятся (природные ресурсы, культурно-историческое наследие, географическое положение, базовая форма политической системы);

2. «Условно динамичные», действуют в настоящий момент времени:

— «корректируемые» социологические факторы (настроение в обществе,

Образ России в системе международных отношений: содержание имиджевой стратегии

- модели общественно-политического взаимодействия, особенности и стиль реализации политической власти);
- «корректируемые» институциональные факторы (политика, экономика, право — факторы, оказывающие ключевое воздействие на общественное мнение);
 - «перспективы развития», планируемые и ожидаемые в перспективе [4].
- Иные составляющие в структуре образа государства предлагает Ф. Е. Перж:
- процесс становления государственности (историческая память — ключевые события, которые повлияли на институционализацию политической системы);
 - коммуникативные факторы (объективность/необъективность средств массовой информации);
 - тип политической культуры;
 - трансформация массового сознания (переменные процессы, которые приводят к психологическому напряжению в обществе) [5].

Образ государства во внешнеполитическом пространстве является ключевым элементом в процессе взаимодействия с иными субъектами международной системы. Любая артикуляция начинается с первично возникающего образа оппонента. Как справедливо отмечает К. О. Перцовская: «пространство внешнеполитических связей не становится исключением, ведь именно то, как воспринимается страна, ее образ, является основой для формирования внешнеполитических и экономических отношений с мировым сообществом» [6]. Создание позитивного образа — приоритетное направление, к которому стремится большинство стран мира, что способствует закреплению ее политических побед в мире, усиливает конкурентоспособность, облегчает практическое взаимодействие с иными государствами.

Россия обладает определенным образом в сознании мирового сообщества. Эволюция данного образа происходила

на протяжении существования российского государства в каждый конкретный исторический период. Лябухов И. В. [7] полагает, что государственную имиджевую политику России можно разделить на три периода: 1991–1999 гг.; 2000–2008 гг.; 2008 г. — по настоящее время.

1991–1999 гг. — отсутствие целостной политики по формированию позитивного образа государства. После распада СССР Россия провозгласила себе его правопреемницей. По сравнению с СССР контроль над имиджевой деятельностью ослаб. Мощная пропагандистская машина перестала работать, альтернативные пути по поддержке внешнеполитического авторитета страны не были созданы.

Кратковременный позитивный эффект на имидж государства привнесли такие процессы, как: отказ от конфронтации с Западом, демократизация, переход к рыночной экономике. Однако негативные тенденции преобладали: слабость страны, экономическая и политическая нестабильность, невозможность отстаивать свои интересы, инвестиционная непривлекательность. Чернышев М. Ф. [8] полагает, что в 1990-е гг. Россия носила отрицательный образ, этому способствовал пьяный Президент Б. Н. Ельцин, бандитизм, война в Чечне, олигархат.

2000–2008 гг. — формирование позитивного образа российского государства за рубежом — приоритетная задача страны. Данный период характеризуется благоприятной рыночной конъюнктурой, ростом ВВП. России удалось погасить большую часть внешнего долга. Внешнеполитический имидж — изменение государственного гимна, борьба с международным терроризмом (событие 11 сентября 2001 г.), право председательствовать в Большой восьмерке (G8), победа в конкурсе на проведение Олимпийских игр — 2014 г., возвращение статуса одной из самых великих держав мира.

Многие исследователи полагают, что на данном периоде весомый вклад в положительный образ страны внесли такие

события как, принятие новой Концепции внешней политики (2000 г.); 2003 г. — реализация проекта по формированию и продвижению позитивного имиджа за рубежом (культурные, научные, спортивные мероприятия); 2005 г. — создание круглосуточного канала «Russia Today».

2008 г. — по настоящее время — построение и продвижение позитивного образа российского государства. 2008 г. — создание новой Концепции внешней политики, расширен список имиджевой составляющей. Основным методом по формированию позитивного образа страны становится публичная дипломатия. В 2010 г. был организован государственный Фонд публичной дипломатии А. М. Горчакова, некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам».

Р. Царукян [9] отмечает, что в настоящее время образ России неотделим от образа Президента В. В. Путина. Исследователь полагает, что нападки на лидера государства следует считать нападками на страну. Схожую точку зрения на съезде международного дискуссионного клуба «Валдай» высказал В. Володин: «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России» [10].

На нормативно-правовом уровне на сегодняшний день существует комплекс документов, которые способствуют формированию позитивного образа России. Ключевую роль играет Указ Президента от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» [11]. В документе прописана ведущая роль МИД в сфере взаимодействия с иностранными государствами. Устанавливается, что министр иностранных дел РФ осуществляет общий контроль за выполнением международных обязательств российского государства, осуществляет политическое, дипломатическое и информационное содействие на всех уровнях власти с целью подготовки и проведения международных мероприятий.

«Концепция внешней политики Российской Федерации» 2013 г. также является первостепенным нормативно-правовым актом при формировании образа России. Концепция представляет собой «систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности Российской Федерации» [12]. В документе обоснованы приоритеты РФ в решении региональных и глобальных проблем, методы реализации внешнеполитических интересов.

На сегодняшний день политическая элита РФ (в первую очередь, МИД) реализует следующие значимые мероприятия по формированию позитивного образа государства:

- правозащитная деятельность — борьба с нарушениями прав человека во всем мире;
- поддержка соотечественников за рубежом — например, действует Федеральная программа работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, на 2015–2017 гг. [13];
- охрана русского языка — по данным за 2010 г., в 46 странах на базе свыше 50 Центров науки и культуры преподаются курсы русского языка, которые посещают 16 тыс. человек [14];
- популяризация русской культуры — ежегодно организуются тематические фестивали «Годы России за рубежом», активно идет привлечение иностранных студентов для получения высшего профессионального образования в России [15].

Процесс создания позитивного образа государства есть длительный период. Василенко И. А. отмечает, что имиджевая стратегия государства должна быть рассчитана на длительный срок (не менее 30 лет). Данная долгосрочная программа позволит воздействовать на мировое общество через все возможные каналы массовой коммуникации и публичной дипломатии, это необходимо для создания устойчивого позитивного внутреннего и

Образ России в системе международных отношений: содержание имиджевой стратегии

внешнего образа страны. Исследователь обобщает, что современная имиджевая стратегия России включает в себя следующие направления:

- формирование уникальной концепции и популярного слогана, присущего большинству граждан страны и отвечающего культурным традициям;
- комплексный охват всех каналов массовой коммуникации — продвижение позитивного имиджа страны через телевидение, радио, интернет-ресурсы, печать и др.;
- активизация публичной дипломатии, с целью донесения до всех граждан итогов реализации политики государства во всех сферах;
- интерес нации к своей истории — возрождение политических мифов, восхваление национальных героев;
- привлечение к имиджевым проектам деятелей науки и культуры;
- технология «личного обаяния», когда харизматические политические лидеры находятся в центре информационной кампании, стараются поднять авторитет страны;
- проведение национальных праздников, выезды политических лидеров за рубеж;
- поддержка соотечественников в других странах — распространение русского языка, создание культурных центров;
- развитие туризма — пропаганда внутренних туристических маршрутов;
- развитие спорта — активное участие в международных соревнованиях, пропаганда здорового образа жизни [16].

Соответствуют ли усилия проводимой имиджевой политики реальному положению вещей, можно проследить с помощью эмпирического замера настроений российских граждан. По данным Фонда общественного мнения за 2014 г. [17] установлено, что 68 % россиян полагают, что живут в развитой стране, тогда как в 2012 г. данный показатель составлял 43 %. Свободной страной Россию считают 73 % граждан, данный показатель увеличился по сравнению с 2012 г. на 19 %.

Таблица 1.
С каким из утверждений вы больше всего согласны? РФ кажется иностранцам...
(распределите ответы от 1 до 5, где 1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен).

интересной	4.04
страной с сильной властью	3.91
отзывчивой	3.81
независимой	3.79
гостеприимной	3.74
богатой	3.71
терпимой	3.70
стремящейся к духовным ценностям	3.39
страной людей с высокой самооценкой	3.18
хозяйственной	3.15
страной трудолюбивых	3.07
авторитарной	2.96
стремящейся к превосходству	2.95
упрямой	2.83
расточительной	2.78

Большинство россиян уверено, что Россию в мире боятся (86 %) и уважают (68 %). Кроме того, по ответам респондентов видно, что половина россиян считает, что за рубежом к нашему государству относятся плохо (48 %). По сравнению с 2012 г. данный показатель увеличился в три раза. Негативное отношение к стране граждане связывают с ситуацией в Украине (9 %), введением санкций (7 %), присоединением Крыма (5 %), проведением независимой внешней политики (6 %).

Однако есть и те, кто считает, что образ России за рубежом улучшается (36 %). Респонденты связывают данную тенден-

цию с личностью Президента В. В. Путина (7 %), укреплением военной мощи (3 %), правильной внешней политикой (4 %).

В 2014 г. Всероссийский центр общественного мнения [18] провел опрос среди россиян о том, какой образ РФ, по мнению наших сограждан, сложился у иностранцев (Таблица 1).

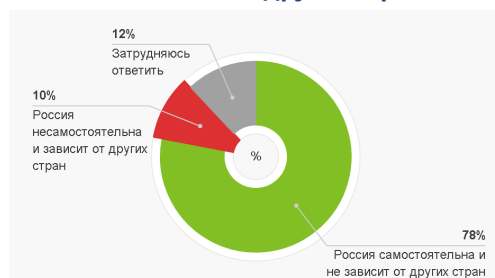
Очевидно, большинство россиян полагают, что в глазах иностранцев Россия, в первую очередь, интересная, отзывчивая, с сильной властью страна. Меньше всего россиян склонны думать, что образ нашей страны, отождествляют с государством, которое стремится к превосходству, оно упрямое и расточительное.

Схожее исследование было проведено в 2015 г. Фондом общественного мнения [19]. Подавляющее большинство соотечественников (89 %) уверены, что Россию в мире боятся. 56 % респондентов полагают, что отношение к РФ со стороны иных государств необъективное. 78 % россиян считают, что Россия самостоятельная и не зависит от других стран. 10 % заявляют, что страна зависит от других государств (График 1).

Из них 5 % полагает, что наша страна зависит от США, 4 % — от Европы, 1 % — от Китая, 1 % — от Германии 1 % — от других стран (График 2).

Большинство респондентов уверено, что в последнее время влияние России растет (67 %). В 2008 г. данный показатель находился на отметке 57 % — 62 %, в 2012 г. — 48 %, в 2014 г. — 55 % (График 3).

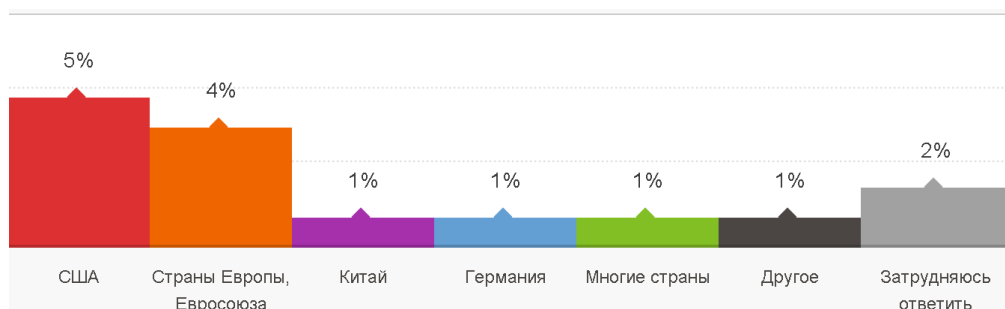
График 1.
Россия: самостоятельная или зависит от других стран?

Таким образом, обобщенные результаты социально-политических исследований показали, что для российских граждан образ России в своем большинстве величественный, независимый, с авторитетным политическим лидером. По мнению соотечественников, зачастую образ национального государства вызывает страх у иных актеров международной системы.

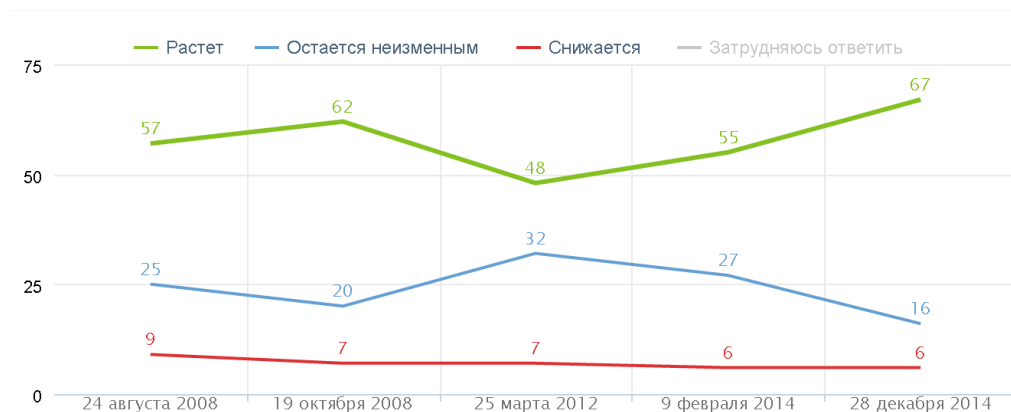
Иное восприятие образа РФ встречается у зарубежных соседей. В. Буянов [20] отмечает, что Запад активно эксплуатирует несколько образов России: для себя, для нас, для всех остальных. Образ для внутреннего потребления: русский народ погряз в пороках, он не готов воспринять западные ценности, демократия как форма правления чужда для России. Образ для самой России: отсталая страна, правительство не может обеспечить достойного уровня жизни для своих граждан. Образ для всех остальных: Россия становится такой же опасной, как в свое время Российская империя и СССР.

График 2.
От каких стран Россия зависит в своих решениях и действиях?

Образ России в системе международных отношений: содержание имиджевой стратегии

График 3.
**Влияние России в мире в последние годы растет,
снижается или остается неизменным?**

С. В. Кобзева, Д. А. Халтурина, А. В. Коротчаев, Д. М. Качков [21] полагают, что нельзя дать единого образа России, который сложился в мире. Данный образ варьируется в зависимости от региона, в котором находится то или иное государство. Согласно результатам исследования «47-Nation Pew Global Attitudes Survey», позитивный образ РФ сложился у стран третьего мира, членов СНГ. Негативное восприятие образа российского государства характерно для жителей США, Канады, Великобритании. Неоднозначная оценка образа России в Восточной Евро-

пе, например, в Болгарии превалирует положительный образ нашей страны, в Польше — резко отрицательный.

Исследование, проводимое Фондом Бертелсманна (2007 г.) [22] показало, что жители девяти крупных стран мира воспринимают РФ как мировую державу, в рейтинге наша страна заняла третье место. Больше всего респондентов считают российское государство великой державой в Великобритании, Китае и Германии (График 4).

Данное положение вещей подтверждает исследование «Новостные

График 4.
Какую страну вы считаете супердержавой?

Респонденты

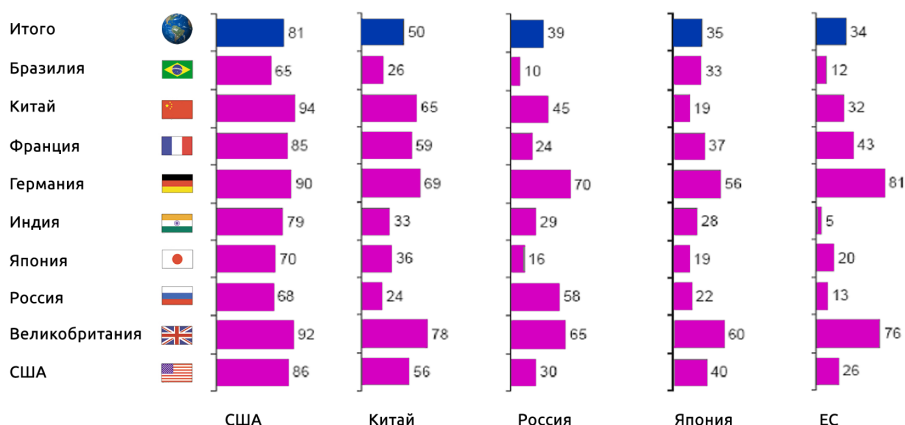
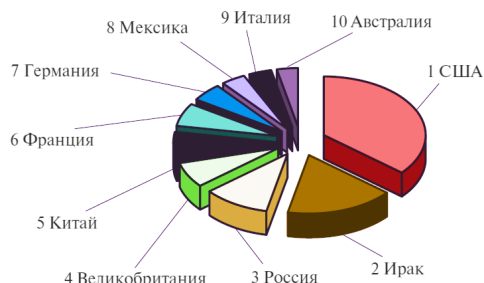

График 5.
Распределение глобального
покрытия прессы

факторы в глобальном медиа-пространстве» [23]. Результаты показали, что в рейтинге наиболее часто упоминаемых стран наряду с США, Китаем, странами ЕС присутствует и Россия (График 5).

Несмотря на то, что РФ многие иностранцы считают супердержавой, опросы показывают, что у большинства ближних и дальних соседей образ России ассоциируется с такими проблемами, как бедность и коррупция [24] (см. Таблица 2).

Это также подтверждает социологическое исследование, проведенное ВВС (2010 г.). Установлено, что Россия из 26 стран мира лидирует по таким проблемам, как нищета и коррупция [25].

А. Нейматова отмечает, что данные проблемы глубоко закрепились в образе российского государства, в западных СМИ еще долго будут печатать заголовки «Россия — мафиозное государство» [26].

Таким образом, создание и культивирование позитивного образа государства — сложный и длительный процесс. По словам И. А. Василенко, позитивного имиджа страны возможно достичь лишь с помощью национальной идеи — «системы ценностных установок общества, в которых выражается самосознание народа и задаются цели личного и национального развития в исторической перспективе» [16]. Анализ эволюции образа российского государства в системе международных отношений показал, что образ России динамично видоизменяется на протяжении всей истории. На сегодняшний день результаты общественно-политических исследований показывают, что для российских граждан образ национального государства отождествляется, в первую очередь, с Президентом страны, сильной властью, великой державой. Иное представление образа России за рубежом. Чаще всего российское государство воспринимают как су-

Таблица 2.
Что вы думаете о России в целом?

	Восточная Европа	Западная Европа
Великая страна		**
Душевный народ	*	****
Страна как страна	**	*
Страна третьего мира	***	*
Коррупция, нищета	****	*
Мировая держава		***
Прекрасная страна	**	
Загадочная страна	*	***
Великий народ	*	**
Будет лучше не думать	*	

Образ России в системе международных отношений: содержание имиджевой стратегии

пердержаву с богатой историей. Однако присутствуют государства (США, Китай, Великобритания), у которых сложился больше негативный, чем позитивный образ РФ. Они воспринимают Россию как

нищую, опасную, с высоким уровнем коррупции страну.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15–13–34011.

Литература

1. Киселев И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политическая экспертиза. — URL: <http://www.politex.info/content/view/367/30> (дата обращения: 01.03.2016).
2. Фомин И. В. Образ государства как предмет политического дискурс-анализа: дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.01. — Москва, 2014. — С. 16.
3. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Образ государства как фактор принятия внешнеполитических решений // Полис. — 2004. — № 4. — С. 120.
4. Галумов Э. А. Международный имидж современной России : дисс. ... д. полит. наук : 23.00.04. — Москва, 2004. — С. 39.
5. Перж Ф. Е. Проблема формирования образа государства в массовом политическом сознании современной России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2013. — № 3 (23). — С. 61.
6. Перцовская К. О. Образ России во внешнеполитическом пространстве // Образы государств, наций и лидеров / Под ред. Е. Б. Шестопал. — М.: Аспект Пресс, 2008. — С. 189.
7. Лябухов И. В. Государственная политика по формированию имиджа Российской Федерации на международной арене: автореф. дисс. ... канд. полит. наук : 23.00.02. — Пермь, 2011. — С. 11.
8. Смирнов С. Н. Образ России между прошлым и будущим? // Мир России. — 2012. — № 4. — С. 64.
9. Цакурян Р. Образ России в средствах массовой информации в условиях информационной войны. — URL: http://www.prioritetpr.ru/pdf/2014/TCarukyan_R._Obraz_Rossii_v_sredstvakh_massovoj_informatcii_v_usloviyah_informatcionnoj_vojny.pdf (дата обращения: 01.03.2016).
10. Рейтинг Путина вернулся на место. — URL: www.levada.ru/31-10-2014/reiting-putina-vernulsya-na-mesto (дата обращения: 01.03.2016).
11. Указ Президента от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации». — URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201111100021.pdf> (дата обращения: 01.03.2016).
12. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 г. — URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 01.03.2016).
13. Федеральная программа работы с соотечественниками, проживающими за рубежом на 2015–2017 гг. — URL: http://pravfond.ru/media/admin/Programma_sootech_2015-2017.pdf (дата обращения: 01.03.2016).
14. О работе Россотрудничества в сфере поддержки и продвижения русского языка за рубежом в период 2008–2010 гг. — URL: http://rs.gov.ru/sites/rs-gov.ru/files/Russkiy_yazyk_zh_rubezhom.pdf (дата обращения 01.03.2016).
15. Лябухов И. В. Формирование позитивного имиджа Российской Федерации на международной арене: возможности и потенциал МИД России // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 3 (19). — С. 15.

-
16. Василенко И. А. Стратегия формирования современного имиджа страны. — URL: http://www.prioritetpr.ru/pdf/2013/Vasilenko_I.A. Strategiya_formirovaniya_sovremennogo_imidzha_Rossii.pdf (дата обращения: 01.03.2016).
 17. Россия в новой реальности: образ страны и репутация власти. — URL: <http://tass.ru/obschestvo/1701555> (дата обращения: 01.03.2016).
 18. ВЦИОМ «Образ России в мире: сила, независимость, отзывчивость». — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115015> (дата обращения: 01.03.2016).
 19. ФОМ «Образ России в мире в представлениях жителей страны». — URL: <http://fom.ru/Mir/11911> (дата обращения: 01.03.2016).
 20. Буянов В. Международный имидж России: прошлое и настоящее // Вестник аналитики. — 2007. — № 4. — С. 35.
 21. Халтурина Д. А., Коротаев А. В., Кобзева С. В., Качков Д. М. Имидж России в мире: количественный и качественный анализ // Полис. — 2009. — № 5. — С. 129.
 22. Bertelsmann Foundation. 2007. Who Rules the World? Berlin: Bertelsmann Foundation. — URL: <http://polit.ru/article/2009/12/15/rusimage> (дата обращения: 01.03.2016).
 23. Tiele A., Scherer H. News Factors in Global Press Coverage. — Hierarchy and Power in the History of Civilizations. — М., 2006.
 24. Snakin I., Vasilieva O., Yanovich K. 2006. The Image of Russia. International Project — URL: <http://pofgjnbn.ru/article/2009/12/46/rusimage> (дата обращения: 01.03.2016).
 25. Мир волнует коррупция, а россияне — нищета // BBC. — 2010. — 9 декабря. — URL: <http://www.bbc.co.uk> (дата обращения: 01.03.2016).
 26. Нейматова А. Пути улучшения имиджа современной России за рубежом // Право и управление. XXI век. — 2012. — № 1 (22). — С. 79.
 27. Василенко И. А. Стратегия формирования современного имиджа страны. — URL: http://www.prioritetpr.ru/pdf/2013/Vasilenko_I.A. Strategiya_formirovaniya_sovremennogo_imidzha_Rossii.pdf (дата обращения: 01.03.2016).

Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути

Аннотация. В статье рассматривается вопрос возрождения Великого шелкового пути (ВШП), в конкурентном пространстве которого происходит взаимодействие китайской концепции Великого шелкового пути, американской концепции Нового шелкового пути (НШП), российской концепции Евразийского экономического союза, а также многосторонней концепции Шанхайской организации сотрудничества. В этих условиях актуальным становится вопрос нахождения оптимальной внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии России, позволяющей избегать открытой конфронтации с основными центрами силы, а также максимально эффективно использовать потенциал сотрудничества между ними.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, Новый шелковый путь, Россия, Китай, США, Европейский союз, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества.

Автор

Косоруков Артём Андреевич,
кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры
политического анализа
факультета государственного управления
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

В начале XXI в. возрождение транспортных коммуникаций на пространстве Великого шелкового пути (ВШП) ставит перед Россией целый ряд геополитических и геоэкономических задач, от решения которых во многом зависит успешность российских интеграционных объединений. Так, в связи с интернационализацией мирохозяйственных связей и интенсификацией мировой торговли значительно возрастает роль транспортных коммуникаций, проходящих по евразийскому континен-

ту и пересекающих пространство таких интеграционных объединений, как Евразийский экономический Союз, Европейский союз, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и др.

Исторически на пространстве Евразии более двадцати веков существовал и успешно функционировал так называемый Великий шелковый путь, который оказывал существенное влияние на процессы борьбы за власть и экономическую мощь различных государств.

Еще во времена строительства империи Александра Македонского начали прокладываться или совершенствоваться трансконтинентальные транспортные коммуникации и морские пути между греческими, египетскими, персидскими, индийскими и китайскими производителями и потребителями.

Однако развитие торговых связей и интенсивность потоков товаров и капиталов регулярно уменьшались вследствие военных конфликтов и политических разногласий между евразийскими державами. Одно из первых существенных снижений пропускной способности Великого шелкового пути было вызвано уходом римлян с Ближнего Востока в VII в. и началом активизации арабской экспансии в регионе, во время многочисленных византийско-иранских войн Персия блокировала караванные пути с тем, чтобы нанести экономический ущерб Византии. В период VIII–X вв. вместо персидского отрезка Великого шелкового пути стали использоваться речные пути Восточно-Европейской равнины, на которых доминировали хазары и скандинавы-варяги. Увеличение количества товаров и обогащение за счет торговли с Востоком привели к существенному расслоению в этих землях и строительству многочисленных военно-торговых крепостей, ставших впоследствии такими государствами, как Волжская Булгария, Хазарский каганат и Древнерусское государство.

В VI–VII вв. в результате персидско-византийских войн одно из направлений Великого шелкового пути прошло по территории Северного Кавказа. Это было вызвано попыткой Персии ограничить торговые связи Византии через взимание с греческих купцов высокой пошлины. В связи с этим караваны из Китая и Средней Азии пошли в обход, огибая Каспийское море с севера.

Экспансия Монгольской империи в XIII в., территория которой включала значительные пространства Евразии,

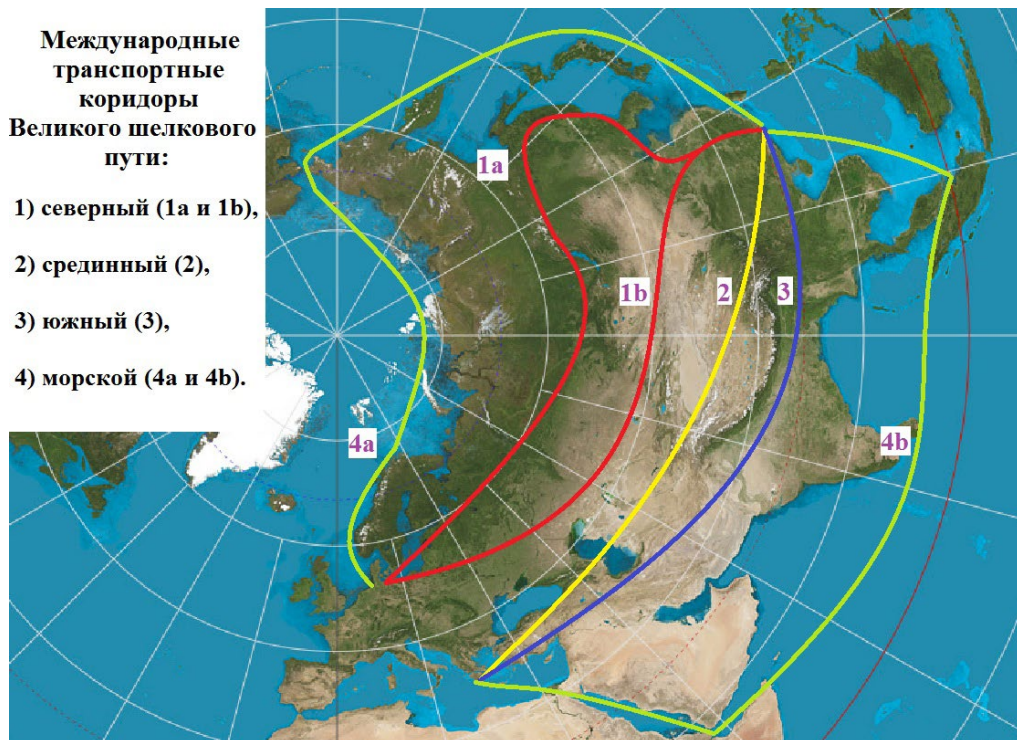
привела к оживлению сухопутной торговли на пространстве Великого шелкового пути. В его европейской части в XIV–XV вв. транспортные коммуникации начали выстраивать торговые империи венецианцев и генуэзцев, которые закрепились с помощью торговых крепостей на берегах Адриатического, Эгейского, Мраморного и Черного морей.

К XV в. Великий шелковый путь пришел в упадок ввиду возобновления военных конфликтов в Средней Азии, в частности, вторжения туркменских племен и завоеваний Тамерлана, которые стимулировали развитие морской торговли, приведшей впоследствии к Великим географическим открытиям. Свидетельством наличия определенного интереса Китая в отношении развития морской компоненты Великого шелкового пути стали путешествия китайского флотоводца Чжэн Хэ в Персидский залив и к берегам Африки в середине XV в. Столетием позже Турецкая империя и Великое княжество Московское занимали практически все пространство от берегов Северного Ледовитого океана через Ближний Восток и Северную Африку практически до Гибралтарского пролива, используя возможности сухопутной азиатско-европейской торговли. Европейские государства начали искать обходные торговые пути. В результате развитие океанических коммуникаций оказалось в XV в. наиболее перспективным стратегическим направлением развития международной торговли. Скорость, возможность перевозки больших грузов, относительно низкая цена морского передвижения стали приводить к тому, что с конца XV в. значение сухопутного Великого шелкового пути начинает падать.

Возрождение Великого шелкового пути началось с его научного осмысления в 1877 г. в фундаментальной работе немецкого исследователя Фердинанда Рихтгофена «Китай». В XX в. уже

Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути

Рисунок 1. Международные транспортные коридоры Великого шелкового пути в XXI в.

нефункционирующий Великий шелковый путь сыграл важнейшую роль в истории Китая во время гражданской войны, когда в 1939 г. правительство Китая попросило Советский Союз построить автомобильную дорогу, отчасти совпадающую с северным направлением Великого шелкового пути, позволившую Китаю продержаться в борьбе с японцами.

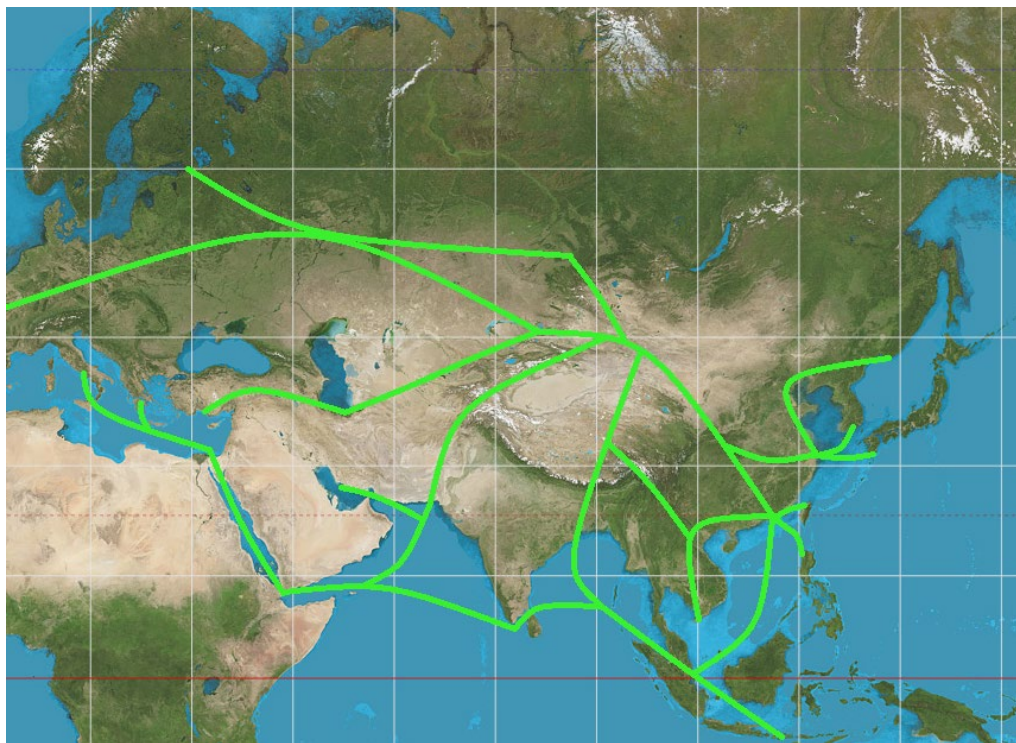
В XXI в. Великий шелковый путь начинает обретать принципиально новое содержание в рамках четырех международных транспортных коридоров: 1) северного, проходящего по территории Китая, Казахстана, России, Беларуси и Европейского союза (ЕС); 2) срединного, проходящего по территории Китая, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Азербайджана, Грузии, Турции и Европейского союза; 3) южного, проходящего по территории Китая, Индии, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Турции и Европейского союза;

4) двух морских — огибающих Евразийский континент на юге и на севере и доходящих до государств Европейского Союза (Рис. 1).

Наибольший интерес для России представляют коридоры 4а, 1а, 1b, тогда как для Китая наиболее перспективными являются коридоры 2, 3, 4b, что не исключает возрастания интереса Китая к коридорам 4а, 1а, 1b в случае роста конфликтности в Средней, Южной и Юго-Восточной Азии.

Конфликты, связанные как с ростом террористических проявлений в Средней и Южной Азии, так и с последствиями «арабской весны» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, на сегодняшний день угрожают не только национальной безопасности Китая, но и России, а также потенциально способны перекрыть транзитные пути из Азиатско-Тихоокеанского региона в Европу. Дело в том, что через территорию России может пройти

Рисунок 2. Китайская концепция Великого шелкового пути

Евразийский сухопутный мост (коридоры 1а и 1b), который свяжет западное побережье Тихого океана через Транссибирскую железную дорогу с европейской частью России и далее — с Европейским союзом. Южная ветвь Евразийского сухопутного моста (коридоры 2 и 3), начинаясь в Китае, продолжаясь в Казахстане и проходя через Россию, также способна быть международным транспортным коридором на территорию ЕС. Разработка и строительство двух вышеперечисленных транспортных артерий тревожит Вашингтон. При этом чем сильнее США вовлечены в дела Южной и Средней Азии, тем интенсивнее стратегическое сотрудничество России и Китая.

Основным региональным интеграционным проектом России на пространстве Великого шелкового пути стал Евразийский экономический союз, создающийся как экономический и в перспективе политический союз между бывшими советскими республиками, среди которых

Беларусь, Казахстан, Киргизия, Армения и Россия. Важным шагом на пути формирования Евразийского экономического союза было создание в 2010 г. Таможенного союза, подписанное тремя членами — Россией, Казахстаном и Беларусью. Киргизия и Армения присоединились к нему в 2014 г. Таджикистан объявил, что он собирается рассмотреть вопрос о присоединении к Союзу, однако процесс его присоединения во многом зависит от членства Киргизии в связи с отсутствием у него общей границы с Казахстаном.

С одной стороны, российское видение региональной интеграции отчасти противоречит концепции США по возрождению Великого шелкового пути. Если Соединенные Штаты рассматривают Евразийский экономический союз как попытку бывших советских республик воссоздать СССР, то Россия видит в американской концепции Нового шелкового пути (НШП) попытку ослабить связи внутри Евразии. Американская концепция

Рисунок 3. Американская концепция «Нового шелкового пути»

Нового шелкового пути включает в себя создание региональной энергетической системы Южной (Афганистан, Пакистан, Индия) и Средней Азии, дальнейшее развитие торговли в данных регионах, снижение и гармонизацию таможенных правил, а также в перспективе сближение социально-политических систем данных государств на принципах демократии. В этом смысле американскую концепцию можно рассматривать как метод противостояния российскому и отчасти китайскому влиянию на страны Средней Азии, отличающийся политико-идеологической направленностью в отношении стран региона.

С другой стороны, можно обнаружить взаимовыгодные точки соприкосновения между китайской концепцией Великого шелкового пути (ВШП) и российским видением дальнейшего развития ЕАЭС, его гармонизации с ВШП. Так, Китай в лице Председателя КНР Си Цзиньпина в 2013 г. выдвинул стратегическую концеп-

цию развития ВШП, а также «Сообщества общей судьбы Китай-АСЕАН» и «Морского шелкового пути XXI века» (Рис. 2). Тем самым Китай предложил сформировать крупнейшую в мире экономическую зону, охватывающую более тридцати стран Евразии с населением больше трех миллиардов человек, обеспечивающих до четверти мирового экспорта. Китай, в отличие от США, не стремится создать обособленный формат развития Средней и Южной Азии, а наоборот — заинтересован в развитии транспортных и энергетических коммуникаций на всем протяжении ВШП, который начинается в Китае и распространяется через Среднюю Азию, Иран, Казахстан, Закавказье, Турцию и Россию в ЕС. Границы могут быть расширены на Западную и Южную Азию, а также на Центральную и Восточную Европу.

Однако Россия в процессе евразийской интеграции в формате ЕАЭС не ставит целью воссоздание СССР или

вытеснение США из Евразии. Евразийский экономический союз для России является проектом, направленным на восстановление своего геополитического и геоэкономического присутствия на пространстве Евразии и, в частности, Средней Азии, а также для максимизации взаимной выгоды от международной торговли. Конфликтные события последнего времени, особенно остро проявившиеся в Украине, актуализируют вопросы гибкого формата кооперации в Евразии, поиска приемлемой, выгодной всем участникам, вне зависимости от геополитических амбиций, экономической альтернативы, построенной на прагматичной основе и реальной с точки зрения финансового обеспечения.

Важным признаком стратегического сближения России и Китая стало создание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которая на сегодняшний день включает в свой состав не только республики Средней Азии (Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан), но и Индию, Пакистан, что свидетельствует об определенном пересечении ШОС, а также подходов России, Китая и Индии в отношении развития Великого шелкового пути с американской концепцией НШП (Рис. 3). Однако среди приоритетов России в данной организации не стоит задача конкуренции с США в Евразии, равно как и деятельность ШОС не носит антиамериканского характера. К основным российским приоритетам относятся укрепление роли ШОС как механизма региональной безопасности, запуск крупных многосторонних экономических проектов, а также углубление гуманитарных связей. При этом Россия готова налаживать связи ШОС с Евразийским экономическим союзом, расширять сотрудничество с другими международными организациями, прежде всего с ООН, которая также проявляет заинтересованность в укреплении сотрудничества с ШОС в деле обеспечения стабильности в регионе.

Шанхайский формат кооперации на пространстве Евразии во многом способствует возрождению Великого шелкового пути. Так, в 2014 г. страны ШОС подписали соглашение о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, цель которого — формирование международной транспортной сети автомобильных маршрутов, включая транспортный коридор из Европы в Западный Китай. В случае ее полномасштабного запуска появится возможность напрямую по суше соединить порты Желтого моря с портами Ленинградской области, а также существенно расширить возможности транзита китайских товаров в Европу, а российских — в Юго-Восточную Азию, минуя риски таких транзитных регионов, как Южная и Малая Азия, Ближний Восток. Страны ШОС в ближайшее время планируют утвердить программу скоординированного развития автодорог.

К стратегическим приоритетам России в рамках возрождения Великого шелкового пути является экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, что особенно наглядно проявляется на фоне быстрого роста стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в частности Китая. Россия разработала ряд государственных стратегий и программ по комплексному развитию Сибири и Дальнего Востока с ориентацией на экспорт в страны АТР, а также с расширением Транссиба. Важно учитывать, что российский Дальний Восток находится в северной части АТР и имеет к нему как сухопутные, так и морские выходы, при этом совокупный ВВП стран АТР составляет более пятидесяти триллионов долларов. В случае, если объем российского экспорта вырастет хотя бы до двух процентов от ВВП АТР, валовой региональный продукт Сибири и Дальнего Востока удвоится. Экспортная модель экономики Сибири и Дальнего Востока России заработает в том случае, если создать на их территории ряд свободных экономических зон по модели сингапур-

Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути

ской с привлечением производств крупных транснациональных корпораций. В рамках ШОС следует создавать в Сибири и на Дальнем Востоке территории опережающего развития, способствовать возрождению ВШП и Китайской Восточной железной дороги, а также осуществлять переход на расчеты в рублях со странами АТР, в частности, с северными районами Китая и с Северной Кореей. Председательство России в ШОС в 2014 г. открыло новые перспективы для развития Сибири и Дальневосточного региона. Концептуальной основой ТОР должны стать условия для ведения бизнеса, соответствующие всем мировым стандартам, и конкурентоспособные отношения с ключевыми бизнес-центрами АТР.

Геополитическая роль России традиционно состояла в укреплении цивилизационного, экономического и транспортного звена между Азией и Европой. На современном этапе Россия отстаивает идею о восстановлении Китайско-Восточной железной дороги, привлекает значительные средства в модернизацию Транссиба, укрепляет сотрудничество с Северной и Южной Кореей, по территории которых может быть запущен один из отрезков Великого шелкового пути. С КНДР уже начаты переговоры о переходе на расчеты в рублях, выдаче долгосрочных виз российским гражданам, работающим в компаниях-инвесторах; предоставлении российским инвесторам полноценного доступа к мобильной связи и внутреннему Интернету на территории КНДР.

Россия также привлекает китайских инвесторов в проекты развития системы БАМ — Транссиб, в частности, при достройке БАМа за счет подводных туннелей, которые могли бы соединить Сахалин с материком и, возможно, даже с японским островом Хоккайдо. Реализация этого плана позволит создать магистраль Япония — Западная Европа, развитие которой дало бы импульс экономическому развитию Дальнего Востока.

Однако реализация этого проекта имеет весьма неопределенную перспективу из-за территориальных претензий Японии.

Россия сквозь призму китайского видения ВШП пока выглядит не как стратегический рынок (Россия в рейтинге основных торговых партнеров Китая в 2015 г. занимала 15-е место, уступая Германии, Великобритании, Бразилии, Таиланду и Индии), а как стратегически важная транзитная территория (объем внешней торговли Китая превышает четыре триллиона долларов, а объему российской-китайской торговли только предстоит к 2020 г. приблизиться к отметке в 100 млрд долларов). Однако с учетом сохраняющейся нестабильности на Ближнем Востоке и в Закавказье транспортные артерии на территории России приобретают первостепенное значение и способствуют существенному развитию российской экономики. Отечественная экономика получает определенный импульс от строительства или модернизации российской части планируемой Пекином главной контейнерной трассы, которая начинается на восточном побережье Китая, проходит через Казахстан, сливается с магистралями России и Беларуси, имеет возможность частичной переориентации на южное крымское направление. Роль дублеров сыграют модернизированные с китайским участием Транссиб и БАМ и другие железнодорожные магистрали.

Дальнейшее развитие транзитного потенциала России испытывает на себе ряд вызовов и угроз со стороны приграничных регионов, связанных с внешнеполитической активностью стран Запада, что особенно чувствительно воспринимается Китаем, зависящим от международных транспортных коммуникаций. Так, присоединение ЕС к санкциям США против России, связанным с событиями в Украине, показали Китаю, насколько ЕС может действовать вопреки своим экономическим интересам и сокращать пространство взаимовыгодного сотруд-

ничества. Более того, деятельность США в АТР также несет для России и Китая новые риски, если Трансатлантическая зона свободной торговли под руководством США будет реализована на практике. Вместе с Транстихоокеанской зоной свободной торговли она призвана создать сферу глобальной торговли, свободную от нежелательных для США экономик.

Ограничения во взаимной торговле между Россией и ЕС способствуют активизации российско-китайской торговли, появлению на российском рынке отраслевых и суботраслевых ниш для китайских товаров, появившихся после введения санкций западными государствами. Это подталкивает Китай к увеличению объемов торговли с Россией и инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, а также продолжению военно-технического сотрудничества в условиях нарастания международной напряженности. Соответствующие договоренности России и Китая увеличивают число совместных проектов в высокотехнологичных отраслях науки и промышленности с благоприятными последствиями для взаимного развития.

Конфронтационная динамика в отношениях России и Запада наносит определенный вред развитию российского сухопутного участка Великого шелкового пути, однако позволяет усилить российско-китайское сотрудничество, а также переориентировать транспортные потоки по южному сухопутному участку ВШП в обход России, активизировать освоение Северного морского пути, а также китайской стратегии «Нити жемчуга» (морского участка ВШП, проходящего по Южно-Китайскому морю, Бенгальскому заливу, Аравийскому и Красному морям с выходом в Средиземное море). При этом Китай внимательно следит за геоэкономическими шагами России, в частности, попытками России сохранить свое экономическое присутствие на Украине и Восточной Европе, а также создать на основе Евразий-

ского экономического союза Евразийский союз. Нежелание Китая получить в лице России конкурента в Средней Азии объяснимо: после отказа от китайской инициативы по созданию зоны свободной торговли между членами Шанхайской организации сотрудничества Россия продолжила развивать свой проект зоны свободной торговли — Евразийский экономический союз — шаг, который был сдержанно принят в Китае.

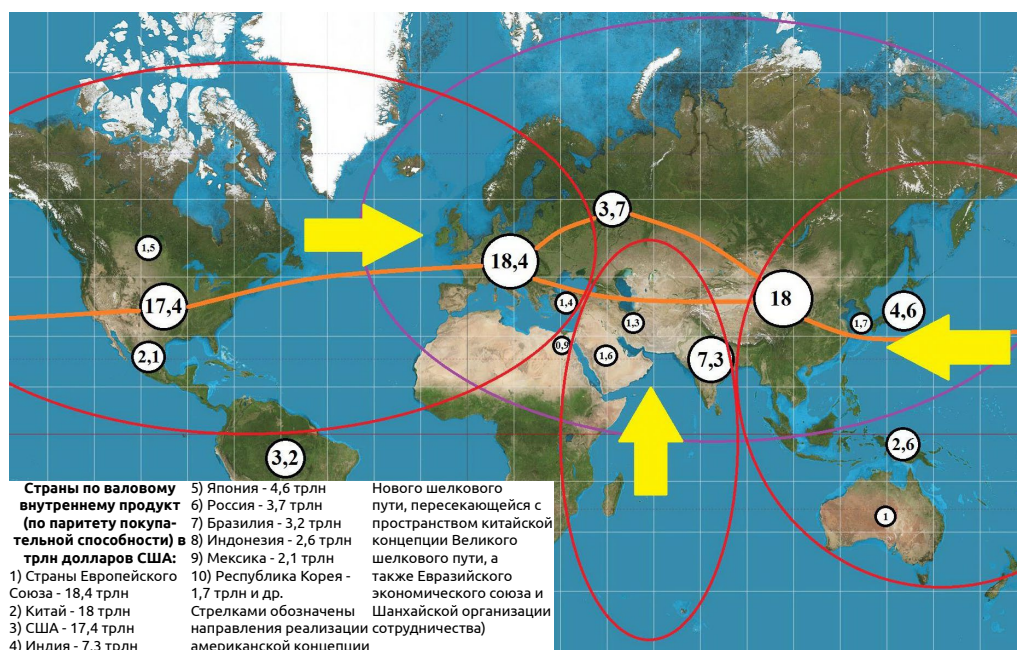
В начале XXI в. нежелание отдельных государств на пространстве Великого шелкового пути изменять сложившийся статус-кво может быть основным препятствием на пути его успешной реализации. Практичность некоторых инициатив и проектов критикуется властями тех государств, которые не готовы пойти на либерализацию торговли, расширение прав и возможностей частного сектора или открытие своих экономик. Однако, оставаясь в стороне и не в состоянии использовать возможности, представленные в рамках Великого шелкового пути, в конечном счете, они поставят под угрозу свой статус-кво. Так, например, все страны Средней Азии не имеют выхода к открытому морю, поэтому без транс- и внутрирегионального сотрудничества им будет чрезвычайно трудно добиться быстрого экономического роста.

Дальнейшее развитие Евразийского экономического союза в условиях реализации китайской концепции Великого шелкового пути может стать полноценной стратегией экономического развития России и ее интеграции в мировую экономику. Данные инициативы должны сосредоточиться на разработке механизмов, позволяющих осуществлять континентальную торговлю между Азией и Европой, способствовать экономическому развитию и стабилизации Южной и Средней Азии, а также интеграции России как с экономиками Юго-Восточной Азии, так и Европы.

Соединенные Штаты, объективно оценивая перспективы укрепления транс-

Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути

Рисунок 4. Страны по ВВП (ППС) в трлн долларов США

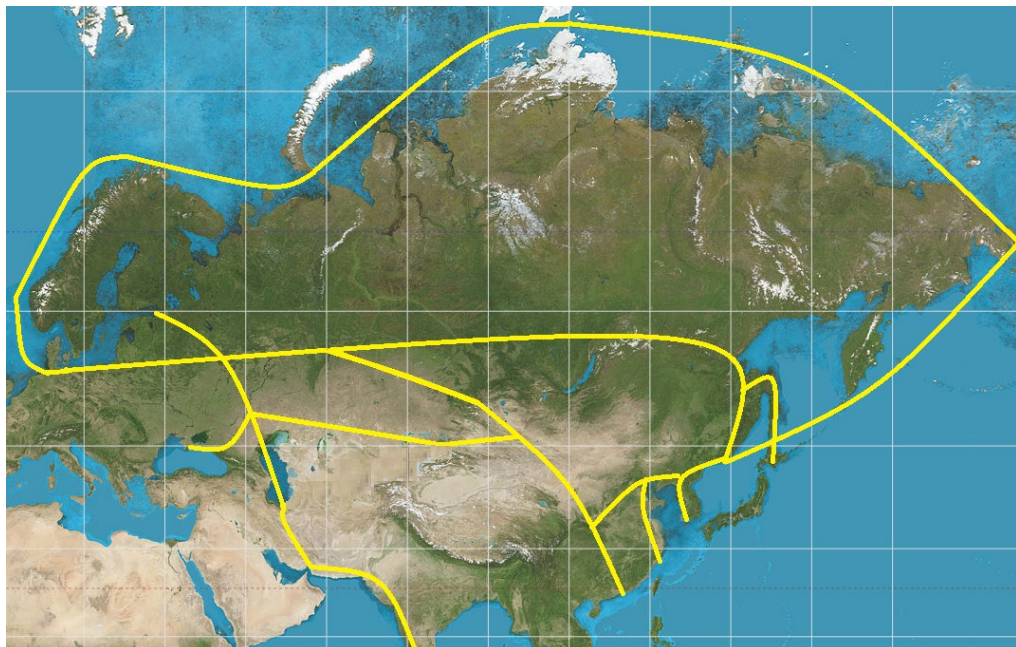
портных коммуникаций между Россией, Китаем и ЕС (в совокупности это около 40,1 % мирового ВВП), стремятся ослабить зависимость своих европейских союзников по ЕС и НАТО от российских энергоресурсов и китайских товаров. Поэтому они стремятся укреплять политическое, экономическое и военное единство трансатлантического сообщества, в частности НАТО. Для этих целей США продвигают две основные внешнеполитические инициативы: одна — концепция НШП, и другая — намерение Америки увеличить свое военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Рис. 4).

Однако, если рассматривать двусторонние контакты России и Китая, то они также не всегда характеризуются кооперативным взаимодействием, в частности в процессе институционализации ЕАЭС и китайского подхода к развитию ШОС и ВШП. Само создание Евразийского экономического союза в 2015 г. затрагивает интересы Китая в Средней Азии и ослабляет экономические перспективы развития ШОС, что может привести к серьезным политическим трудностям

в российско-китайских отношениях. Однако ослабление России в результате действий Запада не входит в геополитические планы Китая, а успех евразийского экономического проекта будет усиливать Россию, что более важно для Китая, чем тактические потери в Средней Азии. Вместе с тем существует также возможность американо-российского взаимодействия (очередной стратегической «перезагрузки»), основанного на общем понимании необходимости не допустить превращения экономической экспансии Китая в Евразии в геополитическое доминирование в регионе в ущерб долгосрочным интересам России или США.

Рассматривая китайско-американское соперничество в Средней Азии, важно отметить, что китайско-американские отношения слишком важны для обеих стран, поэтому Китай и США пытаются воздерживаться от конфронтации и противостояния и проводят политику сотрудничества: любая проблема может быть отрегулирована в рамках наметившейся системы взаимовыгодного тандема, экономической «Кимерики» в глобальном пространстве.

**Рисунок 5. Перспективы развития Великого шелкового пути
в контексте реализации национальных интересов России**

Следует отметить, что Китай будет стремиться наращивать свое экономическое и политическое присутствие в Средней Азии. Ему на этом пути не избежать обострения экономической конкуренции, в частности в энергетической сфере, с Россией. Могут также войти в противоречие с экономическими интересами Китая попытки России и стран Средней Азии договориться о международной торговой кооперации, особенно в части совместных поставок сырья в Китай. При этом у России и Китая сохраняются совместные интересы в части обеспечения безопасности и ограничения влияния США на региональные процессы. Таким образом, между двумя центрами возникают расхождения по линии «экономика — безопасность», вокруг разрешения которых будет строиться стратегия России в Средней Азии.

Следует объективно оценивать потенциал Китая, США, ЕС и других акторов в процессе реализации ими своего видения Великого шелкового пути. Несмотря на значительные достижения Китая

в Средней Азии и США на европейском и азиатском пространствах, сохраняется большое количество нерешенных проблем, осложняющих отношения Китая и США со странами региона. Одна из наиболее острых проблем для Китая — это серьезные внутренние вызовы, перед которыми он стоит, в том числе, неблагоприятные демографические тренды, социальное расслоение, загрязнение окружающей среды, необходимость политических реформ, кризис традиционных ценностей и др. В свою очередь, США предстоит перестроить американское лидерство в Евразии, усилившееся после распада СССР, однако начинающее ослабевать в связи с успешным экономическим подъемом Китая.

Вследствие этого, России следует наращивать потенциал региональной интеграции в формате ЕАЭС, а также стремиться гармонизировать отношения с ШОС, китайским проектом ВШП и американским НШП, искать возможности взаимовыгодного сотрудничества с европейскими партнерами. Положение России

Россия в конкурентном пространстве Великого шелкового пути

в конкурентном пространстве Великого шелкового пути будет развиваться по трем наиболее вероятным сценариям: 1) «государственному», предполагающему усилия по возрождению ВШП в рамках ЕАЭС и развитию евроазиатских транспортных связей с опорой на национальные правительства (рис. 5). Каждое из транзитных государств при реализации данного сценария будет стремиться добиваться выгод для национальных перевозчиков и других участников рынка и экономики в целом; 2) «региональному», подразумевающему тесное региональное, в том числе двустороннее сотрудничество России, Китая и др., включая

реализацию перспективных интеграционных проектов (гармонизацию ЕАЭС и ШОС), в целях совместного использования выгод географического положения и транспортных коммуникаций, унификации процесса перевозки и ликвидации различных барьеров для перевозчиков и грузов в процессе международной торговли; 3) «международному», предусматривающему концентрацию усилий по развитию сухопутного транспортного моста между Европой и Азией с привлечением США, ЕС и других стран, а также различных международных организаций и транснациональных корпораций.

Литература

1. Латов Ю. В. Великий шелковый путь — пролог мировой экономики и глобализации (к 2130-летию его «открытия») // Историко-экономические исследования. — 2010. — № 1. — С. 123–140.
2. Приходько Н. Н., Ващук С. П., Романико В. В., Шалаев И. В. О перспективах развития «Шелкового пути» // Вестник АмГУ. — 2015. — № 70. — С. 42.
3. Возрождение Великого шелкового пути в XXI веке: от теории к практике. Международный Союз Автомобильного Транспорта. — URL: <http://polpred.com/free/irubook.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).
4. Сыроежкин К. Концепция формирования «Экономического пояса на Шелковом пути»: проблемы и перспективы. Казахстан в глобальных процессах. — 2014. — № 1. — С. 54–65.
5. Амребаев А. Совместимы ли между собой «внешние проекты» обустройства Центральной Азии и интересы стран региона? Казахстан в глобальных процессах. — 2014. — № 1. — С. 22. — URL: http://iwep.kz/files/attachments/article/2014-04-30/imep_1_2014.pdf (дата обращения: 20.02.2016).
6. Калиновский И. Новый Шелковый путь. «Expert Online» 28.09.14. — URL: <http://expert.ru/2014/09/28/novyy-shelkovyy-put> (дата обращения: 30.01.2016).
7. Попова Ю. В. К вопросу о повышении транзитного потенциала магистральных железных дорог России. SWorld. 06.12.13. — URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer33/692.pdf> (дата обращения: 02.02.2016).
8. Дисбалансы транстихоокеанского пространства / Отв. ред. В. В. Михеев, В. Г. Швыдко; ИМЭМО РАН. — М.: Магистр, 2014. — 320 с.
9. Лукин А. В. Идея «экономического пояса Шелкового пути» и евразийская интеграция // Международная жизнь. — 2014. — № 7. — URL: http://igpi.ru/bibl/other_article/1406820606.html (дата обращения: 28.02.2016).
10. Fedorenko V. The New Silk Road Initiatives in Central Asia. Rethink Institute Washington. 2013. — URL: <http://www.rethinkinstitute.org/wp-content/uploads/2013/11/Fedorenko-The-New-Silk-Road.pdf> (дата обращения: 01.02.2016).

Мексика — Россия: перспективы взаимоотношений

Аннотация. Мексиканские Соединенные Штаты и Российская Федерация имеют длительную историю межгосударственного взаимодействия. За 125 лет сотрудничества страны имели моменты взлетов и падений. Однако, практически всегда, правительства стремились не забывать о существовании друг друга. В статье рассматриваются состояние и перспективы взаимоотношений двух стран.

Ключевые слова: Мексика, Россия, международные отношения.

Авторы

Перус Маркос Агустин Куерва,

профессор, доктор политических наук
факультета политических и социальных наук
Национального Автономного Университета Мексики
(Мехико, Мексика).

Дашкина Ирина Владимировна,

аспирант кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

О тношения Мексиканских Соединенных Штатов и России имеют давнюю историю. Первые контакты между двумя государствами начались еще в XVIII в., торгово-экономические связи зародились на заре XIX в., а дипломатические отношения насчитывают уже более 125 лет.

Отношения Мексики и России занимают особое место в истории двух стран. Это обусловлено многими факторами и, в частности, совпадением по времени революций. Мексиканские Соединенные Штаты первыми из стран региона признали СССР и установили с ним дипломатические отношения (1924 г.). Мексиканское правительство встало в ряды тех, кто первым официально

осудил фашистскую агрессию против Советского Союза. В военные годы в Мексике развернулось мощное движение солидарности с Советским Союзом, а в период холодной войны ее правительство не пошло (как это сделали власти других стран региона) на разрыв дипломатических отношений с СССР. Она одной из первых в Латинской Америке (первой была Куба) приняла в отношениях с Советским Союзом практику встреч и переговоров на уровне министров иностранных дел, а затем и на высшем государственном уровне. Начиная с послевоенных лет (особенно с 70-х гг.), между двумя странами складывалось растущее взаимопонимание по актуальным проблемам международной жизни.

Однако существует множество факторов, по которым взаимодействие Мексики и России, а также России с другими странами латиноамериканского региона, осуществлялось не так активно и стремительно, как хотелось бы. Главная причина — это географическая удаленность: Советский Союз был слабо заинтересован в латиноамериканском сотрудничестве, однако, старался поддерживать прочные связи со многими государствами региона. В период холодной войны у Латинской Америки и Советского Союза было немного возможностей для взаимодействия, и этим активно пользовались Соединенные Штаты Америки, использовавшие сложившуюся ситуацию для различных интервенций в регион. Так, например, вмешательство в политику Гватемалы в 1954 г. было обосновано борьбой с коммунизмом, а аналогичные действия американского правительства на Кубе привели к партизанской войне и впоследствии к Кубинской революции 1956 г., когда к власти пришел Фидель Кастро, и на «острове свободы» установилось коммунистическое правление.

В 1960-е гг. отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки имели характер прямой конфронтации — связано это было с двумя моментами: во-первых, из-за Карибского кризиса 1962 г., который известен сегодня благодаря работе Серго Анастасовича Микояна [3], во-вторых, из-за советских ракет и оружия в Никарагуа и Сальвадоре.

Борьбой с коммунизмом американское правительство оправдывало дестабилизацию политической системы и свержение правительства Сальвадора Альенде в Чили в 1973 г. Однако, несмотря на это, Советский Союз поддерживал прочные экономические и дипломатические связи с Аргентиной, Боливией, Бразилией и Перу, по крайней мере, в период военного режима Хуана Веласко Альварado в начале 70-х гг.; связано это было с тем, что перуанское правительство было заинтересовано в покупке советского оружия.

Несмотря на то, что к 70–80-м гг. XX в. большинство стран Латинской Америки получили независимость, этот регион по-прежнему оставался для СССР менее важным, чем страны Африки и Азии (во многом из-за того, что многие государства осуществляли оборонительную политику).

Позднее, в 1989 г., на встрече с президентом США Джорджем Бушем-старшим на Мальте, Михаил Горбачев признал, что Латинская Америка является «сферой влияния» Соединенных Штатов и, что Советский Союз не собирался вмешиваться в латиноамериканские дела [6].

Можно утверждать все, что угодно, однако, нужно признать, что до начала XXI в. внешняя политика России не была направлена на тесное сотрудничество со странами Латинской Америки, так как это могло быть интерпретировано как провокация или агрессия против Соединенных Штатов Америки.

На развитие межгосударственного диалога между Российской Федерацией и странами Латинской Америки оказали влияние визиты Президента Владимира Владимировича Путина в Никарагуа, Аргентину, Бразилию и, самое главное, на Кубу в 2014 г.. Благодаря хорошим связям России и Венесуэлы, которые сформировались еще при Уго Чавесе, недавние визиты министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова в Латинскую Америку помогли отчасти урегулировать напряженность между этими двумя странами. Визит Патриарха Кирилла также послужил укреплению дипломатических связей России с Латиноамериканским континентом. Единственную резкость при налаживании диалога между государствами совершил министр обороны Российской Федерации Сергей Шойгу, когда упомянул об открытии российских военных баз в Латинской Америке, хотя, в действительности, он говорил о «точках опоры и снабжения продовольствием» [7].

В действительности, и в США, и в Мексике за последнее десятилетие правящая элита заметила расширяющееся влияние России в Латинской Америке.

II

Несмотря на расширяющееся влияние Российской Федерации в Латинской Америке, межгосударственные связи Мексики и России все еще очень слабые. В большей мере это связано с тем фактом, что Россия продолжает находить «точку опоры» в Аргентине: прочные связи установились, когда пост президента занимала Кристина Фернандес (с 10 декабря 2007 г. по 10 декабря 2015 г.), в этот период началась круглосуточная трансляция передач канала «Россия Сегодня», но, ко всему прочему, Аргентина — единственная страна данного региона, у которой есть традиция славянской иммиграции (частично и у Парагвая). Мексика находилась в несколько ином положении — основная масса иммигрантов прибывала в страну, чтобы потом направиться в Соединенные Штаты Америки и Канаду.

Культурные связи между Мексиканскими Соединенными Штатами и Российской Федерацией ослабли после распада Советского Союза¹ и образования НАФТА². Однако в последнее время увеличилась активность русских эмигрантов в Мексике³, особое значение придается двум ресторанам в Мехико, хотя изначально их владельцы хотели эмигрировать в Канаду, и в советское время ресторанов было больше; существуют православные церкви, медицинско-диагностический центр, также на территории Национального Автономного Университета Мексики есть Центр изучения иностран-

ных языков, в котором преподается русский язык, в стране функционируют школы продвижения русского языка и культуры. В настоящее время мексиканцы знают о России меньше, чем знали о Советском Союзе: в книжных магазинах было много научной литературы издательства «Мир», классической литературы издательства «Радуга» и политической литературы издательства «Прогресс», а также посольство Советского Союза издавало собственный журнал.

Однако культурная пустота постепенно заполняется: все чаще Мексику стали посещать артисты Большого и Мариинского театров, проводятся вечера русской культуры, налаживаются студенческие обмены. Межгосударственный диалог двух стран также налаживается на счет туризма — министр иностранных дел Мексики Клаудия Руис Массеу проводит переговоры с российской стороной по налаживанию прямых рейсов Санкт-Петербург — Канкун (мексиканский пляжный курорт на побережье Карибского моря).

III

11 декабря 2015 г. Мексика и Россия отметили 125-летие с момента установления дипломатических отношений. Это знаковое событие отразило рост объемов торговли между странами (связано это с товарозамещением европейской продукции на российском рынке).

Дипломатические связи между Мексикой и Россией формально были установлены в 1890 г. и значительно укрепились после Русско-японской войны 1905 г., когда Россия, также как и Мексика, испытывали страх перед Японией, распространяющей свое влияние в Тихом океане (правительство Мексики опасалось оккупации японцами полуострова Нижняя Калифорния). Интересный факт, что в 1909 г. царь Николай II наградил мексиканского президента Порфирио Диаса орденом Александра Невского (ранее этот орден не был дарован ни одному латиноамериканскому правителю).

¹ До распада СССР между странами существовал институт дружбы и культурного обмена «Мексика — СССР».

² Североамериканское соглашение о свободной торговле между Канадой, США и Мексикой. Соглашение НАФТА было подписано 17 декабря 1992 г., вступило в силу 1 января 1994 г..

³ «Русские в Мексике», документальный фильм в Youtube, снятый на факультете Телевидения Национального Автономного Университета Мексики.

Между Мексикой и Россией немало сходства, так, например, в 1910–1917 гг. в Мексике произошла первая «общественная революция XX в.», итогом которой стала Конституция 1917 г., и в этот же самый год в России произошла Великая Октябрьская революция, первая большая социалистическая революция. Американский журналист Джон Рид, поддерживавший политику Панчо Вильи, засвидетельствовал мексиканские революционные события в своей книге «Восставшая Мексика», которая вышла в свет в 1914 г. Три года спустя Джон Рид стал очевидцем Великой Октябрьской социалистической революции, по итогам которой он написал книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Таким образом, этот американский журналист объединил обе эти революции начала XX в., а сорок лет спустя российский кинорежиссер Сергей Бондарчук засвидетельствует оба этих исторических события в своем фильме «Красные колокола». Ссылаясь на посла Мексики Эктора Карденаса, можно сказать, что «история установления братских отношений Мексики и России связана с именами Эраклио Сепеда¹ и Михаила Бородина»² [2. — Р. 153–156].

Несмотря на активно развивающиеся дипломатические связи, межгосударственные отношения между странами пошли на спад, и со временем мексиканский коммунизм проложил собственную траекторию развития, отличную от советского. Однако интересно отметить, что советский политический деятель Лев Троцкий получил

укрытие в Мексике благодаря президенту Ласаро Карденасу, он жил в доме семьи художников Фриды Кало и Диего Ривера на юге Мехико, возглавлял создание Четвертого интернационала, был убит НКВД Рамоном Меркадером. Сегодня Троцкий известен по архивным документам Мексики: прежде всего благодаря его заявлениям перед комиссией Джона Дьюи, и из работ Гровера Ферра, которые недавно были переведены на русский язык.

Нужно упоминать о том, что, несмотря на разрыв связей между двумя государствами, в 1930 и 1932 г. Мексику посетил советский кинематографист Сергей Эйзенштейн, снявший ряд картин: наиболее знаменитый его фильм «Да здравствует Мексика!», повествующий о том, что пережила страна за свою историю.

Можно упомянуть о том, что жена знаменитого мексиканского комика Марио Морено «Cantinflas», продвигаемого в годы 30-е годы русским директором Жаком Хельманом, рожденным в Санкт-Петербурге, была Валентина Иванова из семьи русских артистов, проживающих в Мексике.

«Несмотря на возобновление дипломатических связей в 1942 г., контакты между Мексикой и Россией не были такими же тесными и плодотворными, как между Россией и Аргентиной» [2. — Р. 222]. Начиная со Второй мировой войны, политика мексиканского правительства была направлена на поддержание политического курса Соединенных Штатов Америки, однако, было два исключения в семидесятые годы: президентство Луиса Эчеверриа (1970–1976) и Хосе Лопеса Портильо (1976–1982).

Отношения накалились и из-за инцидента, связанного с советскими дипломатами: их обвиняли в том, что они контролировали внутренние дела Мексики, хотя нужно помнить, что Мексиканская Коммунистическая Партия была незаконной в конце 1920-х годов и в период с 1940 до 1977 год, хотя членами партии были такие знаменитые художники, как Давид Альфаро Сикейрос и Диего Ривера. Коммунистические военные деятели получали образование в Универ-

¹ Мексиканский писатель второй половины XX в., покоренный политикой Панчо Вильи. С 1958 по 1959 г. состоял в Рабоче-крестьянской партии, был членом Коммунистической партии Мексики с 1969 по 1981 гг., корреспондент издания «Голос Мексики», бывал в Москве.

² В 1919 г. был первым советским консулом в Мексике, стоял у истоков одной из параллельно возникших коммунистических партий и способствовал созданию Латиноамериканского бюро III Интернационала.

ситете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (сейчас это Российский университет дружбы народов) в Москве по таким предметам, как математика, физика и другие точные науки, так как, согласно Эктору Карденасу: «В Мексике уровень образования был настолько хорош» [2. — Р. 226]. Мексиканская интеллигенция также налаживала связи с Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова.

Было ли на самом деле советское вмешательство в мексиканские дела? Ответ: «Возможно, да, было!», но оно исходило снизу, подкрепляя «революционное ускорение», а не на официальном уровне, эта же сила вызвала веру Кубы в возможные изменения и привела к революции 1959 г.

Отношения между Мексикой и Советским Союзом начали налаживаться после визита мексиканского президента Луиса Эчеверриа в Советский Союз в 1973 г. и посла Виктора Флореса Олея, бывшего декана факультета политических и социальных наук Национального Автономного Университета Мексики. Эти визиты способствовали активизации культурных связей: в Мексике прошли такие выставки, как «Сокровища Кремля», «Шедевры Эрмитажа», «Живописи Русского Музея» и «Иконы XII–XVIII века» [2. — Р. 227]. Вскоре после этого, Мексику посетил советский кинорежиссер Никита Михалков, который знает испанский язык. Данные примеры являются хорошим подтверждением налаживания культурного диалога между странами.

Однако сохраняется напряженность в отношениях и связано это, в первую очередь, с тем, что многие мексиканские журналисты поддерживают антироссийскую линию.

IV

Несмотря на долгую историю налаживания межгосударственных связей между Мексикой и Россией, длившуюся все XX столетие, в настоящее время экономические связи между государствами очень слабые: практически отсутствуют прямые вложе-

ния (об этом много рассуждает Хуан Пабло Гонгора Перес [1. — Р. 18]).

Россию и Мексику объединяет стремление к осуществлению на практике демократических принципов в решении актуальных международных проблем, строгому соблюдению международного права, прежде всего Устава ООН, укреплению центральной роли Объединенных Наций и Совета Безопасности ООН как универсального инструмента по поддержанию мира и урегулированию конфликтных ситуаций, в частности вокруг Ирака, на Ближнем Востоке, в Афганистане, на Балканах. Близки позиции стран и по основным вопросам правозащитной тематики, многим аспектам разоруженческого процесса.

Обе страны едины в том, что серьезную угрозу всеобщей безопасности представляют такие явления, как международный терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм. Москва и Мехико заинтересованы в налаживании эффективного взаимодействия в интересах противодействия новым угрозам и вызовам современности, в том числе незаконному обороту наркотиков, контрабанде оружия, транснациональной организованной преступности.

Проанализировав интервью Президента Российской Федерации В. В. Путина и посла Мексиканских Соединенных Штатов в России Альфредо Переса Браво, можно выделить основные перспективы сотрудничества двух стран.

Так, В. Путин в своем интервью мексиканскому издателю Марио Васкесу Ранья говорил следующее: «Экономические связи наших двух стран все еще остаются „узким“ местом нашего сотрудничества. Но, стоит отметить, что в последние годы растет взаимный интерес деловых кругов двух стран к налаживанию прямых связей, активизации бизнес-диалога. Создаются новые механизмы партнерства, объединяющие государственные, частнопредпринимательские и академические круги. Среди них, например, Российско-Мексиканская смешанная комиссия по торговому, экономическому, научно-техническому сотрудни-

честву и морскому судоходству, Деловой и академический форум, Совет предпринимателей.

Важно насытить наше взаимодействие конкретными деловыми проектами. С российской стороны в расширении связей с Мексикой заинтересованы такие крупные компании и банки, как «Газпром», «Энергомашэкспорт», «Техснабэкспорт», «Рособоронэкспорт», «Внешэкономбанк». У них, замечу, есть успешный опыт реализации крупных проектов с многомиллионными бюджетами в различных странах мира. Хорошие перспективы для сотрудничества открываются в области энергетики, машиностроения, авиации» [4].

Данной позиции придерживается и посол Мексиканских Соединенных Штатов в России Альфредо Переса Браво. Он говорит следующее: «Мне хотелось бы, чтобы мексиканские компании вкладывали свои деньги в России. И на этот счет у меня есть хорошая новость — в этом году мы возобновляем инвестиционные проекты в России. Одно крупное мексиканское предприятие, которое производит запчасти к грузовикам, откроет свой филиал в Калуге. Это первый шаг в инвестиционном сотрудничестве наших стран. Мы, в свою очередь, приветствуем приход российского бизнеса в Мексику. У нас для этого благоприятные условия» [5].

Другим перспективным направлением, которое выделяет А. П. Браво, является туристический бизнес. «Огромное количество русских ежегодно посещают Мексику, число российских туристов увеличилось с 22 тысяч до 77, прежде всего это связано с привлекательностью курорта Ривьера Майя [1. — Р. 20]. Российские компании могли бы покупать или строить в Мексике отели, рестораны, развлекательные центры для туристов. Мексика открыта и для строительства аэропортов, автодорог, портов, железных дорог. Мне хотелось бы видеть в моей стране российские железные дороги, электростанции, химические предприятия. Мексика нуждается в присутствии российского капитала, помимо развития торговли» [5].

Говоря об экономических перспективах для обеих стран, нельзя забывать о сотрудничестве в образовательной сфере. Ежегодно российским правительством выделяется 15 образовательных стипендий для мексиканских студентов. Большой вклад для развития сотрудничества в данной области внес мексиканский посол, который «посетил более 20 университетов России, в том числе все самые крупные — в Москве и Петербурге. И стал первым послом Мексики в истории, побывавшим в университетах Омска и Владивостока, также он встречался там с ректорами, проректорами, деканами, участвовал в конференциях и диспутах. Договаривался о межвузовском сотрудничестве, о возможности обучения российских студентов в Мексике, а мексиканских — в России. Нашел понимание у российских партнеров и в области научно-технического взаимодействия». Он считает, что «гуманитарные контакты сегодня так же важны для взаимопонимания народов, как и публичная, народная дипломатия, как регулярное общение глав государств, и вообще международная политика в целом» [5].

Вывод

Мексиканские Соединенные Штаты и Российская Федерация имеют длительную историю межгосударственного взаимодействия. За 125 лет сотрудничества страны имели моменты взлетов и падений. Однако, практически всегда, правительства стремились не забывать о существовании друг друга.

В настоящее время перед правительством обеих стран стоит задача укрепления позиций межгосударственного взаимодействия, налаживания товарооборота и расширения межкультурного диалога. Это стремление может иметь положительное значение для обеих сторон. В дипломатической области продвижение вперед российско-мексиканского взаимодействия будет, несомненно, способствовать укреплению

нию международного авторитета и влияния Российской Федерации, в частности на латиноамериканском направлении. Объективное сходство позиций и отсутствие труднопреодолимых расхождений позволяет рассчитывать на то, что согласованное выступление двух государств при решении

крупных международных вопросов дадут дополнительный позитив для улучшения международного климата и установления более сбалансированного миропорядка, благоприятствующего обоим государствам и большинству мирового сообщества.

Литература

1. *Juan Pablo Pérez Góngora*. «México y Rusia», Cubrió en el comercio Exterior. — 2013. — Vol. 63. — № 5. — Septiembre — oct.
2. *Héctor Cárdenas* «La historia de las relaciones entre México y Rusia», la Secretaría de Relaciones Extranjeras (Relaciones Exteriores) / Fondos Económica de la Cultura de 1993.
3. *Микоян С.* Анатомия Карибского кризиса / Под ред. С. Савранской. — М.: Academia, 2006.
4. Письменное интервью мексиканскому издателю Марио Васкесу Ранья // Президент России [сайт]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23946> (дата обращения: 10.05.2016).
5. Посол Мексики в России Альфредо Перес Браво: «Наши экономические связи следует увеличить в сто раз...» // International affairs. Международная жизнь [сайт]. — URL: <http://interaffairs.ru/print.php?item=629> (дата обращения: 10.05.2016).
6. Предательство Горбачёва на Мальте // РИА Новости [сайт]. — URL: <http://ria.ru/zinoviev.club/20150101/1040924212.html> (дата обращения: 10.05.2016).
7. Военно-морские базы России появятся на Кубе, в Венесуэле, Никарагуа и Аргентине // REGNUM. Информационное агентство. — URL: <http://regnum.ru/news/1872504.html> (дата обращения: 10.05.2016).

Китайская внешняя политика и российско-китайские отношения в многополярном мире

Аннотация. В китайских и иностранных академических кругах существуют разные мнения по поводу того, живем ли мы уже в многополярном мире, или же все еще на этапе перехода к многополярному миру. Автор склоняется к мнению, что однополярный и многополярный миры существуют параллельно, они взаимодействуют, устанавливают систему взаимных сдержек и противовесов. В текущей сложной и постоянно меняющейся международной обстановке внешняя политика Китая переходит от формулы «скрывать способности и ждать своего часа» к формуле «воодушевление в работе — залог успеха». Перед лицом американской политики сдерживания все активнее обсуждается вопрос, не нужно ли России и Китаю перейти к союзническим отношениям. Правительство КНР и большая часть китайских исследователей склоняются к позиции невступления в союзы и поддерживают формулу «партнерство без союзов». В качестве важных полюсов многополярного мира Россия и Китай принимают мудрое решение придерживаться внешней политики «баланса и фокуса»: на основе равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения отношения всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества должны получить еще большее развитие.

Ключевые слова: многополярность, внешняя политика Китая, российско-китайские отношения, партнерство без союзов.

Автор

Цуй Чжэн,

кандидат политических наук, научный сотрудник исследовательского центра экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (Шэньян, Китай).

О тенденции перехода к многополярности

Тенденция перехода к многополярности — ограниченная во времени тенденция постепенного образования многополярной си-

стемы под влиянием взаимодействия авторитетных государств, групп государств и других акторов на международной арене, являющаяся реакцией основных акторов на перераспределение глобальных политических сил. Распад биполярной системы создал уникальный исторический

шанс для развития многополярной системы. Но после распада Советского Союза международная политика показала, что с уходом биполярной системы сложилась классическая однополярная система, которая продержалась по меньшей мере 15 лет. На фоне событий 11 сентября 2001 г., мирового финансового кризиса 2008 г. и украинского кризиса, начавшегося в конце 2013 г. и продолжающегося до сих пор, исследования многополярности ведутся все активнее. По поводу того, является ли существующая система многополярной, китайские и иностранные исследователи высказывали различные мнения.

Генеральный директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль считает, что многополярный мир уже становится реальностью. С начала нового века мир становится многополярным, но распределение полюсов еще нестабильное. Экономическая ситуация в США все еще очень хорошая, а несколько других полюсов пока достаточно хрупкие: Китай должен решить социальные и экологические проблемы, Япония не готова противостоять своим недавним защитникам, Индия по сути дела может считаться только региональной державой, Евросоюз так и не может выступать в роли единой силы, в то время как Россия все еще в процессе восстановления [1].

Чжэн Юй, ведущий сотрудник Центра исследований России, Восточной Европы и Средней Азии Китайской академии социальных наук не согласен с тем, что сегодняшний мир уже многополярен — по его мнению, можно указать только на усиление тенденции перехода к многополярности [2. — С. 41].

Президент Китайского форума (США) Чэнь Ювэй считает, что с точки зрения взаимодействия между крупными государствами, текущая ситуация не похожа на европейский баланс сил XVIII и XIX вв., но в то же время нельзя сказать, что в мире правит единственный гегемон —

однополярный и многополярный миры существуют параллельно, они взаимодействуют, устанавливают систему взаимных сдержек и противовесов [3].

В связи с быстрым развитием экономики Китая в последние годы и усилением его роли в международных делах, китайские и иностранные исследователи, предсказывая будущий многополярный мир, начали более активно изучать влияние развития Китая на систему международных отношений и единогласно признали, что Китай станет важным полюсом будущего многополярного мира. Директор Королевского института международных отношений (Лондон, Великобритания) Виктор Балмер-Томас считает, что к 2020 г. сложится многополярная система, где основные роли будут играть США, КНР, Европейский союз, Россия и Индия. В этом многополярном мире наибольшим весом будут обладать США и КНР [4].

**Китайская внешняя политика:
от формулы «скрывать способности
и ждать своего часа» к формуле «воодушевление в работе — залог успеха»**

В октябре 1987 г., на XIII съезде Коммунистической партии КНР, были предложены руководящие указания «основа — экономическое строительство», потребовавшие от дипломатии поддерживать благоприятствующую этому стабильную международную обстановку. После пекинского политического кризиса 1989 г. западные страны грубо вмешались во внутреннюю политику КНР, приняв ряд санкций. Перевороты в Восточной Европе и распад Советского Союза привели к серьезному нарушению международного стратегического баланса сил. Китай оказался под серьезным давлением. 28 апреля 1994 г. Дэн Сяопин со своими приближенными, обсуждая вопрос развития страны, заявлял: «Мы будем несколько лет скрывать способности и ждать своего часа, и только тогда мы сможем

Китайская внешняя политика и российско-китайские отношения в многополярном мире

набрать достаточный политический вес, и тогда голос Китая на международной арене зазвучит по-другому» [5]. С этого момента одним из основополагающих принципов китайской внешней политики стал принцип «скрывать способности, ждать своего часа, и так добиваться успеха». Этот принцип продержался на протяжении 20 лет, сделав большой вклад в экономическое развитие КНР и в мирный переход к многополярному миру.

Вступая в XXI в., экономика КНР показывала многолетний ускоренный рост — в 2010 г. КНР превзошла Японию и стала второй крупнейшей экономикой мира. В 2011 г. Международный валютный фонд высказал мнение, что уже в 2016 г. экономика КНР может стать крупнейшей в мире при расчете по паритету покупательной способности (ППС) [6]. Соответственно, на новую высоту выйдут имидж и влияние КНР на международной арене. В этой связи можно вспомнить, что в декабре 2009 г. Китай отказался идти на компромисс на Конференции ООН по изменению климата, проходившей в Пекине; в январе 2010 г., когда США продали оружие Тайваню, Правительство КНР впервые приостановило китайско-американский диалог по вопросам безопасности, а также впервые в истории объявило санкции в отношении американских компаний; в июле того же года КНР объявила решительный протест против военных учений США и Республики Корея в Желтом море — все это рассматривалось западными странами как знак того, что в Китае вслед за экономическим усилением растет и вера в себя. Под предлогом того, что «усиливающийся Китай бросает вызов интересам США и ставит под угрозу региональную стабильность», США ускорили реализацию политики «поворота к Азии»: при помощи политических и экономических союзов в регионе США пытаются сдержать усиление Китая.

В ноябре 2012 г. на XVIII съезде КПК возникла новая группа китайских ли-

деров под руководством Генерального секретаря Си Цзиньпина. Для того, чтобы адекватно реагировать на сложные изменения международной обстановки, преодолевать политику стратегического сдерживания Китая со стороны США и других стран, начиная с 2013 г., китайская внешняя политика в качестве ключевого актора встала на путь «многовекторности с китайской спецификой». Профессор Университета Синьхуа Ян Сюэтуン назвал переход китайской внешней политики от формулы «скрывать способности и ждать своего часа» к формуле «воодушевление в работе — залог успеха» ее качественным изменением¹. Доцент Чжао Кецин также считает, что китайская дипломатия всегда «скрывала способности», но внутреннее и внешнее давление требовало и стимулировало к «воодушевлению в работе». «Воодушевление» ведет к росту влияния КНР на международной арене, что позволяет внешней политике «добиваться успеха» [7]. Начиная с инцидента на острове Хуанъянь² до установления зоны идентификации ПВО над Восточно-Китайским морем³, китайская дипломатия взяла на себя тактическое лидерство, выискивая в меняющейся обстановке шансы и активно перехватывая инициативу.

¹ 12 ноября 2013 г., интервью Профессора Ян Сюэтуна журналисту еженедельника «Новости».

² 10 апреля 2012 г. два китайских патрульных катера помешали филиппинской стороне арестовать китайских рыбаков, чьи лодки находились около спорного острова Хуанъянь.

³ 23 ноября 2013 г. военное ведомство КНР проинформировало об установлении в Восточно-Китайском море зоны опознавания противовоздушной обороны, которая прилегает к воздушному пространству КНР и создана для обеспечения более эффективного прикрытия воздушных границ. Самолеты всех государств до входа в зону должны уведомлять об этом власти КНР.

**Дискуссии вокруг возможного союза
России и Китая**

В процессе перехода от однополярного к многополярному миру единственный полюс-гегемон для защиты существующего порядка начинает активнее конкурировать с новыми центрами силы в вопросах региональной интеграции. Так, сдерживание России и Китая в этом вопросе со стороны США постоянно усиливается, что приводит к еще большей взаимозависимости России и Китая [2. — С. 45]. В Азии США усиливают союзнические отношения с Японией, Филиппинами и Республикой Корея. В апреле 2014 г. США не только декларировали применение 5-й статьи Американо-японского договора безопасности в конфликте вокруг спорных остров Дяоюйдао (по-японски Сэнкаку), но и подписали с Филиппинами, имеющими территориальный спор с КНР, Договор об усилении сотрудничества в сфере обороны, а также в феврале 2015 г. через установку в Республике Корея противоракетного комплекса заатмосферного перехвата THAAD усилили давление на Китай, рассчитывая на то, что Китай не станет препятствовать принятию резолюции США о санкциях против Северной Кореи в Совете безопасности ООН. Кроме того, США активно продвигают проект Транстихоокеанского партнерства (TPP) в ответ на китайские проекты Зоны свободной торговли АТР и Морского шелкового пути. В Европе, способствуя украинскому кризису, США и Европейский союз ввели несколько раундов санкций, ударивших по российской экономике. Через отдаление Европейского союза от России США стремятся к тому, чтобы Европейский союз еще больше полагался на США в вопросах обороны. Также через Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (TTIP) США и ЕС бойкотируют возглавляемую РФ инициативу развития Евразийского союза, нару-

шая заданный Россией темп обновления страны.

В ответ на американскую стратегию сдерживания Россия и Китай усилили взаимное сотрудничество. С 2013 г., когда Си Цзиньпин занял пост Председателя КНР, и до настоящего времени руководители России и Китая провели 14 встреч и провозгласили в основном совпадающую позицию по основным «горячим» вопросам. На фоне дипломатической изоляции и санкций в отношении России китайская сторона оказывает российской стороне твердую духовную поддержку и фактическую помощь¹. Лидеры двух стран присутствовали друг у друга на праздничных мероприятиях в честь 70-летия победы во Второй мировой войне, две страны проводили крупномасштабные совместные учения, Россия продавала Китаю современные вооружения, был достигнут прорыв в переговорах по энергетике и т. п. — все это наглядно показало усиление взаимозависимости России и Китая.

Два года, прошедших с начала украинского кризиса, ученые двух стран активно обсуждают вопрос о необходимости союзнических отношений Москвы и Пекина. Стоит отметить, что среди китайских специалистов по международным отношениям политика неприсоединения всегда получала твердую поддержку большинства. По мнению специалистов, для КНР издержки превосходят выгоды. В то же время, усиливая сдержанное осуждение и даже враждебность со стороны традиционных сверхдержав, в особенности США, в связи с чем Китаю придется заплатить ухудшением внешних условий для собственного развития [8]. Некоторое количество исследователей вспоминают политику «мягкого неприсоединения», предлагавшую Китаю попробовать некий третий путь, как например «ква-

¹ Согласно отчетам компании, «Роснефть» получила почти 1 трлн рублей предоплаты по долгосрочным контрактам на поставку нефти от китайской стороны.

Китайская внешняя политика и российско-китайские отношения в многополярном мире

зи-союз»: неконфликтное дружественное сотрудничество, не умножающее врагов, или же «слабый союз», делающий акцент на политическом и экономическом сотрудничестве [9]. Небольшое количество исследователей призывают отказаться от политики неприсоединения. Г-н Ян — один из основных представителей сторонников союзнических отношений, по его мнению, дружеские и союзнические отношения качественно различны: дружба строится на эмоциях, союз — на взаимных интересах. В текущей международной ситуации Россия и Китай ни при каких условиях не смогут войти в западный лагерь. И для России, и для Китая с любой точки зрения нет лучшего стратегического выбора, кроме как образовать взаимный союз [10].

С учетом результатов использования принципа неприсоединения на практике и неизвестных рисков возможного союза, официальный Пекин не раз заявлял о приверженности неприсоединения к каким-либо союзам и объединениям. На XVIII съезде КПК была еще раз подтверждена принятая в 80-х гг. прошлого века политика неприсоединения, а также независимой и самостоятельной мирной дипломатии, принцип «не конфронтационной и не направленной на третьи страны» внешней политики [11]. 28 ноября 2014 г. Си Цзиньпин на заседании Комиссии ЦК по иностранным делам подчеркнул, что необходимо расширять круг дружественных отношений, продолжая придерживаться принципа неприсоединения, создавая всемирную сеть партнерских отношений [12]. Речь Си Цзиньпина продемонстрировала теоретический принцип китайской внешней политики «партнерство без союзов».

Профессор российского Дальневосточного федерального университета В. Ф. Печерица проанализировала характер союзнических отношений СССР в 50-х г. XX в. и пришла к выводу, что сегодняшние Россия и Китай не подходят для создания союза.

Она считает, что союз России и КНР в прошлом веке строился на неравноправной основе: КНР несколько больше нуждался в СССР, в его всесторонней поддержке. До сегодняшнего дня КНР и Россия стратегически зависят друг от друга, и не возникает вопроса о том, кто в ком больше нуждается, так как обе стороны самостоятельны и абсолютно самостоятельны [13]. Молодой китайский ученый Чэн Чжицзе сделал вывод о том, что Россия и Китай не могут образовать союз, исходя из асимметрии роста политической силы, культурных различий, отсутствия реальных общих интересов, исторических споров и геополитической конкуренции, разнотипности внешней политики, а также сущности сетевых механизмов дипломатического сотрудничества [14].

Руководитель кафедры теории международных отношений Института мировой экономики и политики Китайской академии социальных наук Сюй Цзинь считает, что политика «партнерство без союзов», проводимая китайским правительством, полностью соответствует текущим интересам КНР и международной обстановке. Китай строит партнерство шаг за шагом, и на некоторых направлениях склоняется к союзническим отношениям, но в среднесрочной перспективе не достигнет полноценного союза. Китай будет фигурально выражаться о политике «одного документа», имея в виду не подписанный ни одной из сторон союзнический договор. Политика претворения в жизнь действий, которые могли бы быть предусмотрены таким договором, без фактического подписания договора дает определенную гибкость и позволяет избежать внутреннего и внешнего давления [15]. Опубликованная в феврале 2013 г. Концепция внешней политики Российской Федерации определяет, что многосторонние гибкие эффективные сетевые альянсы заменяют блоковое мышление в разрешении международных вопросов [16], что по сути незаметно вторит политике китайской стороны.

**«Вместе» и «порознь»
в российско-китайских отношениях**

Если сравнивать с российско-китайскими отношениями до мирового финансового кризиса 2008 г., сегодняшние российско-китайские отношения на фоне ускорения тенденции перехода к многополярности и продолжающегося влияния украинского кризиса демонстрируют новые особенности. И Россия, и Китай стоят перед лицом общих задач промышленной реструктуризации, культивирования новых точек экономического роста и продвижения трансформации модели роста. Вслед за усилением внутреннего и внешнего давления, уровень стратегической взаимозависимости постоянно растет, углубляется сотрудничество в политической, экономической, финансовой, транспортной и других сферах, достигнут прорыв в переговорах по энергетике и военно-техническому сотрудничеству. Одновременно с поддержанием стабильного развития отношений всестороннего партнерства и сотрудничества, в сотрудничестве двух стран есть и определенные вопросы. Стороны выдвинули разные проекты всеобщего развития, высказали несовпадающие мнения по вопросу необходимости перестройки современного международного порядка и т. п.

8–10 мая 2015 г. Си Цзиньпин, приглашенный в Москву на праздничные мероприятия в честь 70-летия победы в Великой Отечественной войне, подписал с Президентом В. В. Путиным серию важных документов по двухстороннему сотрудничеству. Больше всего внимание привлекло подписанное «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». Этот документ показал трансформацию мнения государственных органов и науч-

ного сообщества России о китайском проекте Экономического пояса Шелкового пути от изначальной настороженности, сомнения и нерешительности к принятию и признанию взаимной выгоды. Профессор востоковедения Российского университета дружбы народов Юрий Тавровский дал высокую оценку подписанию документа: результатом переговоров стало наполнение практическим содержанием официальной формулы «стратегического партнерства и сотрудничества», что сняло возможные противоречия между двумя странами в вопросе евразийской интеграции, открыло возможности для синергии. С нашей точки зрения, это создало основу не только для экономического, торгового, научного и промышленного сотрудничества России и Китая, но и для построения нового миропорядка.

В ответ на проект «один пояс один путь», создающий «судьбоносное сообщество», Евразийский союз на начальном этапе объявил о создании «второго Европейского союза». В отличие от официально вступившего в силу 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза, китайский проект «один пояс один путь» до сих пор находится на стадии проектирования и зарождения. Заместитель председателя Центра исследований России Восточно-Китайского педагогического университета Ян Чэн в интервью «Первой финансовой ежедневной газете» заметил: «В мировой практике нет примеров сотрудничества бестелесной инициативы и реально существующего проекта, для этого нужны инновационные подходы. Дальнейшая практическая реализация требует, чтобы обе стороны продвигались вперед шаг за шагом на основе взаимопонимания и взаимопомощи» [17].

Перед лицом тенденции перехода к многополярности в практике китайской внешней политики часто продвигается идея осуществления новой дипломатии ключевого актора, установления

Китайская внешняя политика и российско-китайские отношения в многополярном мире

дружеских отношений с широким кругом стран. По состоянию на апрель 2015 г. Китай поддерживал партнерские отношения разного уровня с 71 государством [18]. Что касается вопроса о перестройке существующего миропорядка и противодействия лидерству США, голос Китая звучит не очень активно. В декабре 2014 г., заместитель председателя Госсовета КНР Ван Ян во время визита в США заявил: «Китай сейчас не имеет желаний, и не имеет возможности бросать вызов лидерству США. Мы только хотим, чтобы через китайско-американское сотрудничество американская сторона смогла бы лучше понять мышление китайской стороны, смогла понять ситуацию в КНР, научиться уважать путь, выбранный китайским народом и не давать различиям в политической системе становиться препятствиями к экономическому сотрудничеству» [19]. В отличие от Китая, Россия постоянно призывает к перестройке существующего миропорядка. К примеру, в опубликованной в 2013 г. Концепции внешней политики Российской Федерации ясно заявлено, что «Россия придает большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира» [20]. США высказывают настороженность по отношению к российским призывам, а после начала украинского кризиса противостояние России и США становится все более интенсивным.

Заключение

Тенденция перехода к многополярности дала российско-китайскому сотрудничеству новые шансы и бросила новые вызовы. Сейчас российско-китайские отношения

вошли в наилучший период в истории; а США являются важнейшим внешним фактором, влияющим на двухсторонние отношения. В сфере политики и безопасности уровень российско-китайских отношений далеко превосшел американско-китайские отношения; в экономической и социальной сфере уровень развития американско-китайских отношений значительно выше, чем российско-китайских.

Гибкая внешняя политика «партнерства без союзов» дает Китаю достаточное пространство для маневров в отношениях с ключевыми акторами; местами жесткая российская внешняя политика привела к безвыходному противостоянию России и коалиции западных стран во главе с США в украинском вопросе.

В период усиления экономической глобализации и перехода к многополярности Россия и Китай принимают мудрое решение придерживаться внешней политики «баланса и фокуса»: на основе равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения отношения всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества должны получить еще большее развитие. Такие отголоски холодной войны, как блоковое мышление, уже не так важны. Как сказал посол России в Китае г-н Денисов в интервью *Global Times*: «России требуется поддержка Китая, а не его помощь». Эту поддержку вполне можно назвать взаимной.

Литература

1. Тьерри де Монбриаль. Многополярный мир складывается сейчас. — URL: http://news.xinhuanet.com/world/2007-03/28/content_5905194.htm (дата обращения: 10.05.2016).

2. Чжэн Юй. Шицзе До Цзи Хуа Цюйши Дэ Цзяцян Юй Чжун Э Гуаньси // «Элосы Дун Оу Чжун Я Яньцзю». — 2015. — № 5.
3. Чэнь Ювэй. Даго Гуаньси Худун Юй Шицзе Гэцзюй Бяньхуа. — URL: <http://ido.3mt.com.cn/pc/200508/20050817134179.shtml> (дата обращения: 10.05.2016).
4. Виктор Балмер-Томас. Условия подъема Китая к 2020 г., когда сложится многополярный мир, достаточны. — URL: http://www.china.com.cn/international/txt/2007-01/24/content_7707823.htm (дата обращения: 10.05.2016).
5. Ежегодник Дэн Сяопина (1975–1997) // Чжунян Вэньсянь Чубаньшэ. — С. 1346.
6. Китайский портал «Новости». — URL: <http://chinanews.com/cj/2011/04-26/2999623.shtml> (дата обращения: 10.05.2016).
7. Выступление Чжао Кецзиня 28 декабря 2013 г.. — URL: <http://ihl.cankaoxiaoxi.com/2014/0114/331003.shtml> (дата обращения: 10.05.2016).
8. Ван Цуньган. Лунь Чжунго Вайцзю Тяо чжэн — Цзюй Цзинцифачжань Фанши Чжунаньбянь Дэ Ши Цзю // Шицзецинцзи Юй Чжэнчжи. — 2012. — № 11. — С. 131. Лин Шэнли. Чжунго Вэйшэмэ Буцземэн // Вайцзю Пинлунь. — 2013. — № 3. — С. 29–30.
9. Сунь Дэган. Лунь Чжун Ляньмэн Чжань люэ // Шицзецинцзи Юй Чжэнчжи. — 2011. — № 2. — С. 55; Инь Цзиу. Чжунго Сюйяо Шэньмэян Дэ Ляньмэн Вайцзю // Ляньхэ Цзю Бао. — 29 июля 2010.
10. Гоцзи Сяньцюй Дао Бао. — URL: <http://news.qq.com/a/20130328/000258.htm> (дата обращения: 10.05.2016).
11. Доклад о XVIII съезде КПК // Агентство «Синьхуа». — URL: http://www.xj.xinhuanet.com/2012-11/19/c_113722546.htm (дата обращения: 10.05.2016).
12. Речь Си Цзиньпина на заседании Комиссии ЦК по иностранным делам // Агентство «Синьхуа». — URL: http://news.nen.com.cn/system/2014/12/24/014774163_03.shtml (дата обращения: 10.05.2016).
13. Печерица В. Ф. Э Чжун Гуаньси Дэ Синь Цзедуань Тунмэн Хайши Чжаньлюэ Хобань Гуаньси? // Элосы Сюэ. — 2015. — № 4. — С. 73.
14. Чэн Чжицзе. Ван Чжуан Хобань Вайцзю Цзичжи: Чжун Э Хэцзо Дэ Синь Туцзин // Элосы Яньцзю. — 2015. — № 3. — С. 130–133.
15. Сюй Цзинь. Дандай Чжунго Цзюй Чи Тунмэн Синьли Дэ Юлай // Гоцзи Цзинцзи Пинлунь. — 2015. — № 5. — С. 154.
16. Концепция внешней политики Российской Федерации. МИД России. — URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 10.05.2016).
17. Как соотносятся «один пояс один путь» и Евразийский экономический союз. — <http://yicai.com/news/2015/05/4615864.html> (дата обращения: 10.05.2016).
18. Сколько партнеров у Китая по всему миру? — URL: <http://news.sina.com.cn/o/2015-10-23/doc-ixfzetf7929671.shtml> (дата обращения: 10.05.2016).
19. Речь Заместителя председателя Ван Яна, 17 декабря 2014. — URL: <http://finance.qq.com/a/20141222/015547.htm> (дата обращения: 10.05.2016).
20. Концепция внешней политики Российской Федерации. МИД России. — URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 10.05.2016).

2. Проблемы международной безопасности и устойчивого мирового развития

Исламистские организации Центральной Азии

Аннотация. Статья посвящена изучению деятельности исламистских организаций в Центральной Азии. В рамках данного исследования автор рассматривает истоки и динамику развития исламистских учений различного толка на территории Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркменистана. Представлен категориально-понятийный анализ термина «исламизм», определены основные трансформации в его понимании. В работе приведены сценарии развития исламистских организаций в Центральной Азии (расширение вербовочной базы, структурные изменения). Особое значение уделено влиянию деятельности данных организаций на внешнюю и внутреннюю политику, а также безопасность и национальные интересы региональных государств.

Ключевые слова: исламизм, Центральная Азия, Узбекистан, Россия, Союз исламского джихада¹, Аль-Каида², Талибан³, Исламское государство⁴.

Статья выполнена в рамках гранта 15–07–00001 «Международные отношения в контексте глобальных процессов и проблем безопасности и противодействия терроризму».

Автор

Васецова Елена Сергеевна,
кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

¹ «Союз Исламского джихада» Верховным судом РФ от 2 июня 2006 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

² «Аль-Каида» решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. было признана террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

³ Движение «Талибан» Верховным судом РФ 14 февраля 2003 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

⁴ «Исламское государство» решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

Исламизм — явление сложное и многогранное, имеющее разные формы и проявления. На сегодняшний день не существует универсального общепринятого определения данному феномену, что нередко приводит к подмене понятий, порождает путаницу и вводит множество людей в заблуждение.

Прежде чем перейти непосредственно к изучению деятельности исламистских движений и организаций в Центральной Азии, уточним, что подпадает под определение «исламизм». Под термином «исламизм» чаще всего подразумевается политическая активность радикальной направленности под эгидой «истинного» понимания ислама. Такое понимание исламизма близко к определениям: «исламский экстремизм», «джихадизм», «салафийя». В то же время не следует употреблять «политический ислам» и «исламизм» как взаимозаменяемые термины. Действительно, исламизм направлен на активное политическое действие, что дает повод для смешения понятий. Но понятие «политический ислам» гораздо шире, чем «исламизм». Кроме того, политический ислам — понятие нейтральное, относящееся ко всему спектру общественно-политических движений исламского мира, и потому не может относиться к исламизму, являющемуся наиболее радикальным направлением политического ислама.

Известный востоковед Г. И. Мирский считает, что «исламизм можно было бы назвать исламом, превращенным в современную идеологию, которая воспринимается ее адептами в качестве ответа на вызов, брошенный мусульманскому миру западными идеологиями и общественными системами, причем и капиталистическими, и социалистическими» [4. — С. 25].

Рассмотрим подробнее феномен исламизма через выявление присущих ему черт и особенностей. Прежде всего, исламисты выступают за соблюдение строгого единства религиозного и светского начал и стремятся возродить некие первоначальные исламские основы функционирования обще-

ственно-политической жизни. Как правило, последователи исламизма требуют соблюдения шариата в самой строгой интерпретации, отрицают возможность использования чужого, то есть неисламского опыта, что приводит к распространению различных фобий и нагнетанию враждебности по отношению к мнимым врагам. Таким образом, исламисты ставят перед собой задачу трансформации системы управления государством и обществом под религиозными лозунгами. При этом агитация мусульман умеренного толка в ряды сторонников исламизма направлена на их дальнейшее вовлечение в борьбу с названными врагами.

Исламисты истолковывают священные для мусульман тексты самым радикальным образом, игнорируя идеи мира, милосердия и терпимости. Многие исследователи называют современный вооруженный исламизм квазирелигиозным. Например, политолог Е. А. Степанова утверждает, что в исламизме искренняя вера, религиозность используются в коммуникативно-пропагандистских целях, а также для морального оправдания и попыток религиозно-правовой, нормативной легитимизации применения насилия для достижения социально-политических целей. Она полагает, что исламизм квазирелигиозен в том смысле, что ставит цели, выходящие далеко за рамки теологии, и по сути своей является борьбой за альтернативный социальный порядок и всеобъемлющую систему общественного устройства, в том числе на глобальном уровне. При этом религиозные убеждения для большинства вооруженных исламистов являются основой и определяющим фактором их деятельности [5. — С. 128].

Идеи исламистов разделяют далеко не все мусульмане. Однако приходится констатировать факт стремительного распространения радикального толкования ислама в мусульманской среде. Серьезную угрозу для безопасности представляет готовность многих исламистов к насильственным действиям, таким как крупные террористические акты. В этой связи осо-

Исламистские организации Центральной Азии

бые опасения возникают относительно исламистской радикализации бывших советских республик Центральной Азии, находящихся в непосредственной близости от российских границ.

В годы советской власти население центральноазиатских республик в основном исповедовало ислам умеренного толка, и радикализации общественных настроений на почве религии не происходило. Центром исламской учености было медресе Мир Араб, расположенное в Бухаре, где и получали образование большинство служителей культа.

Исламистское движение зарождалось в подполье, а в начале 1990-х гг. вышло на новый уровень, оформившись в виде политических партий. В июне 1990 г. была учреждена первая политическая мусульманская организация — Исламская Партия Возрождения Советского Союза, открывшая свои отделения во всех центральноазиатских республиках и насчитывавшая на момент создания 10 тысяч членов. В партию вошли как мусульмане умеренного толка (например, лидер организации — Ахмад-Кади Ахтаев), так и радикалы. Так, среди организаторов партии были Сульян Абдуллаев (Абу-Сульян), сподвижник террориста Доку Умарова и ставший впоследствии первым наибом (заместителем) амира Имарата Кавказ¹, и ваххабит, один из идеологов северокавказских боевиков Багаутдин Кебедов.

После распада СССР республиканские структуры партии стали самостоятельными, сосредоточившись в основном на агитации и пропаганде. В то же время шел процесс стремительной радикализации исламистского движения, и в 1996 г. бывшими членами запрещенных в Узбекистане политических партий и движений, таких как «Адолат уюшмаси» («Общество справедливости»), «Исламская партия Возрождения», «Исламская партия Туркестана», «Ислом Лашкарлари»

(«Воины Ислама»), была основана Исламская партия возрождения Узбекистана, полностью сформировавшаяся в организационном плане к 1998 г., и в том же году переименованная в Исламское движение Узбекистана (ИДУ). Во главе Движения стал уроженец Узбекистана Тахир Юлдашев, за военное руководство отвечал уроженец Узбекистана Джума Ходжиев (Намангани), а руководителем пресс-центра и заместителем Т. Юлдашева был Рустамов Махмуд (Зубаир ибн-Абдурахман).

Целью организации была указана вооруженная и непримиримая борьба с властями республик Центральной Азии и, в первую очередь, с режимом президента Каримова в Узбекистане. Боевики ИДУ не остались в стороне от гражданской войны в Таджикистане, выступив на стороне Объединенной таджикской оппозиции (ОТО). Впоследствии полевые командиры организации отказались выполнять условия соглашения между правительством страны и ОТО. В августе 1999 г. произошли так называемые Баткенские события, когда вооруженные отряды ИДУ вторглись с территории Северного Таджикистана в южные районы Киргизии, а уже в октябре того же года боевики были вытеснены из Киргизии. Впоследствии ИДУ взяло на себя ответственность за теракты в Киргизии, произошедшие в декабре 2002 г. в Бишкеке и в мае 2003 г. в городе Ош. Ряд стран, в том числе Россия и США, признали ИДУ террористической организацией.

Так как власти Узбекистана пресекают деятельность группировки и преследуют членов организации, штаб-квартира движения была перенесена в Афганистан (г. Кандагар), где и находилась вплоть до начала международной контртеррористической операции в 2001 г. В ходе проведения контртеррористической операции боевики ИДУ воевали против сил коалиции, и во время бомбардировок погиб Намангани. Гибель харизматичного лидера внесла разлад в ряды боевиков ИДУ. Не все члены организации верили в военное мастерство Т. Юлдашева и считали, что поле деятельности группировки необходимо расширить и настало время пря-

¹ «Имарат Кавказ» Верховным судом РФ от 8 февраля 2010 г. организация была признана террористической, ее деятельность на территории России запрещена.

мого вооруженного противостояния. Противоречия достигли своего пика, привели к расколу и образованию в марте 2002 г. при поддержке Аль-Каиды новой исламистской организации — «Исламский джихад — Джамаат моджахедов»¹.

Раскол, в результате которого возникла новая организация, произошел на почве уже давно наметившихся в ИДУ разногласий относительно цели движения. Так, руководство ИДУ считало приоритетной задачей борьбу против режима Каримова в Узбекистане. В свою очередь, радикально настроенные члены группировки настаивали на том, чтобы расширить сферу деятельности на всю Центральную Азию, а затем и на страны Запада. Для талибов и Аль-Каиды созданная структура являлась более привлекательным партнером, чем ИДУ, так как Исламский джихад — Джамаат моджахедов воевал против сил международной антитеррористической коалиции в Афганистане, а также безоговорочно поддерживал глобальные цели Аль-Каиды. Между тем, ИДУ лишь изредка участвовало в боях, которые вели в Афганистане талибы и их союзники.

Во главе Исламского джихада — Джамата моджахедов встал уроженец Узбекистана Жалолов Наджмуддин. Его поддерживали единомышленники, среди которых ближайшими сторонниками были Бекмирзаев Ахмад (Малик, Салохиддин), уроженец Узбекистана, и Биймурзаев Жакшыбек (Серик-Умар, Аким, Казах-аке), гражданин Узбекистана.

Данная организация признана террористической в России, Казахстане, Великобритании и США. На территории вышеперечисленных стран ее деятельность запрещена. Организация включена в сводный перечень физических и юридических лиц, входящих в движение «Талибан» и в организацию «Аль-Каида» или связанные с ними, составленный и обновляемый Комитетом, который был учрежден

резолюцией 1267 (1999) Совета Безопасности ООН [3].

Фактически организация стала центральнoазиатским филиалом Аль-Каиды и должна была создать подпольную сеть в Узбекистане, а также в приграничных районах сопредельных стран и в условленный час провести террористические атаки.

Выявление источников финансирования группировки показало, что боевиками была выстроена эффективно действующая схема материального обеспечения. Денежные средства, получаемые от Аль-Каиды, доходили до А. Бекмирзаева, который определял их дальнейшее распределение, прежде всего покупая оружие, боеприпасы и компоненты к взрывчатым веществам, а также осуществляя переброску членов организации в разные страны постсоветского пространства. Лидеры областных ячеек террористической структуры получали деньги от А. Бекмирзаева и использовали их на нужды группировки.

Схема перевода средств была ничем не примечательной: использовались мелкие срочные банковские переводы, чаще всего по системе Western Union, или деньги передавались наличными, которые, как правило, перевозили несколько человек и передавали при личной встрече. Подобная схема была выбрана потому, что отследить небольшие денежные переводы крайне затруднительно. Кроме того, члены группировки в основном пересылали средства людям, не вызывающим подозрений у правоохранительных органов.

В Узбекистане пиком активности Исламского джихада-Джаамата моджахедов стал рубеж 2003–2004 гг. Члены организации создали сеть подпольных ячеек как на территории Узбекистана, так и в районах Южного Казахстана. Они занимались вербовкой населения, прежде всего, религиозной молодежи, распространяли идеи по свержению существующего государственного строя, изготавливали самодельные взрывные устройства и планировали проведение террористических актов.

Новички сначала проходили базовую подготовку на конспиративных квартирах

¹ «Исламский джихад — Джамаат моджахедов» Верховным судом РФ от 2 июня 2006 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

Исламистские организации Центральной Азии

или домах, а затем хорошо зарекомендовавшие себя новобранцы отправлялись в лагерь Аль-Каиды, в Южный Вазиристан (Пакистан) для совершенствования различных навыков организации и проведения террористических актов и овладения методикой психологической обработки и подготовки будущих террористов-смертников.

Как правило, потенциальных смертников выбирали из наиболее внушаемых членов группировки, отдавая приоритет родственникам погибших боевиков, и прежде всего, их вдовам, с которыми часто вступали в брак региональные лидеры организации для ускорения психологической обработки.

Весной 2004 г. организации удалось осуществить ряд терактов с использованием террористов-смертников на территории Узбекистана. Затем группировка сменила название на «Союз исламского джихада» (СИД). Впрочем, смена названий не является существенной для понимания сути действий исламистской организации.

Важнейшей целью талибов и Аль-Каиды был вывод войск союзников по международной антитеррористической коалиции, разместивших свои контингенты в Афганистане. И талибы, и Аль-Каида полагали, что Германия является слабым звеном коалиции, и что проведение террористических атак на ее территории вынудит правительство страны отказаться от размещения воинского контингента в Афганистане. Голосование в бундестаге по вопросу о пребывании войск в Афганистане должно было пройти осенью 2007 г., и СИД планировал организацию теракта накануне голосования, чтобы сорвать продление мандата на пребывание войск. К счастью, планам террористов не суждено было сбыться, террористическую атаку удалось предотвратить.

Состоялся судебный процесс, в результате которого в 2010 г. суд в Дюссельдорфе приговорил четырех членов СИД к лишению свободы на сроки от 5 до 12 лет, признав их виновными в террористической деятельности. Двое немцев, Фриц Гелович и Даниэл Шнайдер, осуждены на 12 лет лишения свободы; два турка, выросшие

в Германии, Адем Юлмас и Аттила Селек, получили по 11 и 5 лет соответственно. В своих показаниях они рассказывали о том, что в 2006 г. побывали в Пакистане в тренировочном лагере СИД, основанном выходцами из Узбекистана, где обучались террористической деятельности [2].

СИД взял на себя ответственность за взрывы в мае 2009 г. в Андижанской области на границе Узбекистана с Кыргызстаном [2]. После раскола организации ИДУ продолжило деятельность, и весной 2001 г. движение сменило название на «Исламскую партию Туркестана»¹ («Хезб и — Исломи Туркестон», ИПТ). Вооруженные формирования под руководством Т. Юлдашева ушли из Афганистана в пуштунские пакистанские провинции Северный и Южный Вазиристан, ставшие оплотом Талибана, где боролись на стороне талибов с регулярными силами Пакистана и частями международной антитеррористической коалиции.

Попытки ликвидации Т. Юлдашева происходили неоднократно, и информация о его уничтожении регулярно появлялась в СМИ. Наиболее вероятная дата его гибели — август 2009 г. вследствие полученных травм от ракетного удара, нанесенного американским беспилотным летательным аппаратом. Далее прошла череда смены лидеров организации, и, по последним данным, с 2012 г. ее возглавлял Усман Гази.

ИПТ взяла на себя ответственность за организацию ряда терактов в Киргизии, совершенных в декабре 2002 г. в Бишкеке, а в мае 2003 г. — в Оше. В середине — конце 2000-х гг. террористическая активность партии пошла на убыль, пока она не заявила о себе попыткой организации крупного теракта, планировавшегося в Москве. Весной 2013 г. ФСБ России уничтожила в городе Орехово-Зуево группу террористов, которые готовили крупный теракт в российской столице, а 6 июня 2013 г. задержала их главаря. Примечательно, что членами данной группы были

¹ На территории России «Исламская партия Туркестана» признана террористической и ее деятельность запрещена решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г..

граждане РФ, жители Республики Башкортостан, которые в 2010–2013 гг. проходили диверсионно-террористическую подготовку на границе Пакистана и Афганистана, что говорит об активности ИПТ и об интернационализации ее деятельности.

Летом 2015 г. появилась информация о том, что ИПТ принесла присягу Исламскому государству (ИГ) [1], признанному террористической организацией в ряде стран мира (запрещена в России). ИГ заявило, что считает «веляят Хорасан», в который входят части территорий стран Центральной Азии, Афганистана и Ирана, одной из своих областей, а установление халифата на этих землях является одной из целей организации. Глава ИПТ Усман Гази объявил о том, что организация теперь будет существовать в формате государственного формирования.

У. Гази также обвинил руководство Талибана во лжи, сотрудничестве со спецслужбами Пакистана, и в том, что они пошли по неправильному пути. Очевидно, что данное заявление демонстрирует борьбу между ИГ и Талибаном за главенствующую роль в регионе. У. Гази призвал талибов вступить в ряды ИГ, и, встретив отказ, начал бороться с ними. В декабре 2015 г. было распространено сообщение, достоверность которого до сих пор вызывает сомнения. Талибы распространили фотографии, на которых запечатлен якобы убитый в афганской провинции Забуль У. Гази, коротко подстрижен-

ный и побритый, для того, чтобы ему было проще скрыться от преследователей.

Каковы причины вступления ИПТ в ИГ? Во-первых, покровительство ИГ означает крупные денежные поступления, в которых ИПТ очень нуждалась. В результате это может привести к резкому всплеску террористической активности в регионе, т. к. боевики должны будут «отрабатывать» полученные денежные средства. Во-вторых, членство в ИГ означает открытие новых перспектив упрочения группировки в регионе. На момент присяги ИГ ИПТ представляла собой конгломерат разнородных, зачастую децентрализованных национальных отрядов. За время своего существования организация несколько не приблизилась к своей цели — свержению режима президента Каримова, нанесению серьезного ущерба светским властям или серьезной дестабилизации обстановки в регионе. Таким образом, переход под покровительство ИГ позволил бы выйти на новый уровень, получить ряд преимуществ перед другими группировками, и стать гораздо более серьезной угрозой для стран Центральной Азии. В-третьих, ИГ пользуется популярностью в определенных кругах населения центральноазиатских республик, и, очевидно, что вербовочная база организации существенно расширится. Таким образом, в ближайшем будущем можно предположить активизацию деятельности исламистских группировок в Центральной Азии.

Литература

1. *Васецова Е. С.* «Исламское государство» как шаг на пути к конфликту цивилизаций? // Век глобализации. — 2016. — № 1–2. — С. 96–101.
2. Суд Дюссельдорфа вынес приговор по делу, за расследованием которого следила вся Европа // Сайт АО «Телекомпания НТВ». — URL: <http://www.ntv.ru/novosti/187420> (дата обращения: 30.06.2016).
3. Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюциями 1267 (1999), 1989 (2011) и 2253 (2015) по ИГИЛ (ДАИШ), Аль-Каиде и связанным с ними лицам, группам, предприятиям и организациям // Сайт ООН. — URL: <https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/1267> (дата обращения: 30.06.2016).
4. *Мирский Г. И.* Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 164 с.
5. *Степанова Е. А.* Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. — М.: Научная книга, 2010. — 288 с.

Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия

Аннотация. Автор рассматривает понятие полицентричности миропорядка, а также основные факторы, способные обеспечить гарантии его относительной устойчивости. Особое внимание уделено анализу диффузии власти, кризиса международного права, влияния международных союзов и блоков на международные отношения и мировую политику.

Ключевые слова: миропорядок, полицентричный мир, диффузия власти.

Автор

Капицын Владимир Михайлович,
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры
сравнительной политологии
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

В 1990–2000-х гг. шли дискуссии о полицентричности мира (в разных формулировках: «постбиполярность», «многополярность», «мультилатерализм» и др.). В связи с этим поднимались вопросы о диффузии власти (могущества) держав, кризисе международного права и замене его глобальным правом, дефиците влияния новых международных союзов и блоков и др. Все эти вопросы восходят к проблеме характера насилия, его роли в международных отношениях, а точнее, проблеме форматирования регуляторов насилия и обеспечения совместимости разных форматов регулирования. В последние годы все более актуален вопрос, насколько могут эти форматы обеспечить гарантии относительно устойчивой полицентричности миропорядка?

1. Форматы регулирования насилия в мировом сообществе

Без потенциала насилия не может обходиться ни одно общество, организация, государство, как и международное сообщество. Ф. Беренскоттер с полным основанием утверждает, что мировую политику «собирают воедино отношения могущества» [1]. Правоммерно утверждение, что политика зиждется на «отсроченном насилии» [13]. Создание институтов и норм должно способствовать форматированию регуляторов насилия.

Выделим форматы регулирования насилия. Коллективное (международное) выстраивание регуляторов насилия осуществляется путем институционализации форматов: а) мирового порядка; б) международ-

ного права; в) мировой политики. В таком «треугольнике» выстраивается взаимодействие всех регуляторов, необходимых для нормального существования человечества. Данные форматы должны дополнять друг друга. Они предполагают двоичность начал «регуляция — дерегуляция», «иерархия — анархия». Рассмотрим основополагающие форматы несколько подробнее:

- формат миропорядка, где балансы сил противостоят доминантам военной мощи государств и союзов, влияя на конфигурации союзов;
- формат мировой политики, где оптимальные взаимодействия и согласования национальных интересов государств, частных интересов ТНК и НПО, теневых акторов сдерживают отдельные дискреции как ситуационные выражения приоритета отдельных национальных, региональных интересов; связывая односторонние меры интеграционными проектами, миротворчеством, согласительными средствами;
- формат международного права, где принципы, нормативные соглашения, обычаи, решения международных судов соперничают с отклонениями («мягкое право», «теневое право»), оговорками отдельных сторон в многосторонних договорах, ратификационными актами парламентов.

Формат международного права особенно важен в плане обеспечения полицентричности, поскольку олицетворяет принцип ООН «одна страна — один голос» при решении проблем, приобретающих международный характер. Но этот формат сам по себе не может обеспечивать относительно устойчивое регулирование насилия. Существование Совета Безопасности ООН с его институтами постоянных и непостоянных членов отражает как возможность, так и ограниченность названного принципа ООН. Потенциал прямого и косвенного насилия со стороны отдельных держав продолжает играть важную роль. Но все же мир держится на постоянном коллективном форматировании насилия по нескольким направле-

ниям. Например, форматирование относительно процессов суверенизации (десуверенизации) государств, борьбы с терроризмом, решения глобальных проблем.

Все форматы «треугольника» при обеспечении сочетаемости их функциональной заданности (регуляции и дерегуляции) находятся в постоянной взаимосвязи, взаимодополняемости, что дает возможность международным органам и государствам принимать оптимальные решения и склонять государства к миру и сотрудничеству. Важнейшая функция взаимодействующих форматов «треугольника» — не допускать чрезмерного роста возможностей какой-либо державы (блока государств) в применении насилия или опасного доминирования при форматировании насилия в ущерб общему миру и национальным интересам государств. Яркий пример дисфункции этих форматов — действия Президента Турции в Сирии в 2015 г., когда статус члена НАТО способствовал безнаказанным агрессивным действиям. Такая дисфункция вызвала затем военные действия в Нагорном Карабахе в апреле 2016 г.

В этом «треугольнике» связь форматов и соответствующих институциональных средств довольно переменчива, тем не менее, ее необходимо поддерживать, избегать значительных «разрывов», наподобие ситуаций накануне Первой и Второй мировых войн. Данные связи всегда являлись подвижными, но степень их лабильности различается в разные периоды времени. Начиная с Вестфальского мира, предпринимаются попытки выстраивать формат миропорядка, опираясь на признание государственного суверенитета. Венский конгресс 1815 г. путем форматирования согласования внешних политик наиболее мощных государств устанавливал формат миропорядка («европейский концерт держав»), делал попытки международно-правового форматирования насилия. Но для прочной взаимосвязи трех форматов еще не было условий. Не удалось предотвратить кровопролитные войны великих держав. Одна из причин — стремление Вели-

Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия

кобритании и Франции ослабить Россию, а затем СССР, несмотря на то, что это государство исторически было неустрашимым элементом балансировки сил в Европе и мире. Другая причина — ситуация с Германией, когда ее суверенитет был в значительной мере девальвирован Версальским договором 1919 г. и документами Парижской конференции 1919–1920-х гг., что препятствовало связи форматов, несмотря на то, что Устав Лиги Наций был составной частью Версальского договора [17].

Но после Второй мировой войны миропорядок установился в новом качестве, что отразилось и в основополагающем документе международного права — Уставе ООН. Закреплен принцип уважения государственного суверенитета и целостности, в то же время, усилены позиции форматов согласования внешних политик государств и международного права. В относительной устойчивости Ялтинско-Потсдамского миропорядка важную роль играли как балансы и доминанты международного порядка (в том числе, ядерный паритет сверхдержав), так и оптимизация (согласование) национальных и общих интересов в мировой политике с помощью правовых актов ООН, взаимодействия международных военно-политических блоков НАТО и Варшавского договора, двухсторонних и многосторонних соглашений государств. Являясь одним из существенных признаков «холодной войны», это позволяло предотвращать разрывы связей регуляторов «треугольника», хотя и тогда действовали национально-освободительные движения, происходили локальные конфликты международного и немеждународного характера (Берлинские кризисы 1948–1949 гг., 1953 г., 1961 г., войны Израиля с арабскими государствами, война в Корее 1950–1953, Карибский кризис 1962 г., восстание в Венгрии в 1956 г., война во Вьетнаме, «Пражская весна» 1968 г. и некоторые др.).

Тем не менее, в этот период установившийся баланс сил создавал приемлемую «рамку» развитию международного права, что вело, в свою очередь, к позитив-

ному применению и совершенствованию всех форматов регулирования. В 1960-е гг. разработана теория мирного сосуществования двух мировых систем с разным общественным строем, которая обосновывалась согласованием волей государств [19]. Формат международного публичного права достиг своего расцвета в 1960–1980-х гг. и усиливал нормативный характер форматов мирового порядка и мировой политики. Этот период стал «золотым» для взаимодействия и взаимодополнения форматов миропорядка, международного права и мировой политики (согласования внешних политик). Были достигнуты значительные успехи в становлении миротворчества и миростроительства, разработке политики «разрядки международной напряженности» («детант») и «челночной дипломатии» Г. Киссинджера), снижавших остроту противостояния США и СССР, Израиля и арабских государств.

В 1970 г. была принята Декларация ООН «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН». В 1972 г. подписаны два договора США и СССР: об ограничении стратегических вооружений и ограничении систем противоракетной обороны. В 1975 г. принят Хельсинский заключительный акт. В 1982 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, включившую Манильскую декларацию о мирном разрешении международных споров и ряд других политико-юридических актов [8]. Шло становление и развитие подотраслей международного права: международного гуманитарного права, международного права человека, права разоружения, права разрешения конфликтов международного характера, права международной безопасности. Появились предпосылки формирования такой подотрасли, как право мира [20]. Такие подотрасли международного права в идеале могли бы стать основанием для более оптимальной и устойчивой связи форматов регулирования насилия в мире. Формат международ-

ного права оказывал существенное влияние на миропорядок и мировую политику, усиливая их нормативный характер.

После Второй мировой войны балансы сил в их классическом варианте позволяли предотвращать наиболее опасные поползновения отдельных государств. В свою очередь, конфигурации (балансы) сил определенных держав (блоков) сохранялись благодаря форматам согласований внешних политик государств (мировой политики) и международного права. Глава МИД России С. В. Лавров так характеризовал данный период для Европы: «Сорок лет после Второй мировой войны стали удивительно благоприятным периодом для развития Западной Европы, которая была избавлена от необходимости принятия собственных крупных решений и под своего рода „зонтиком“ американско-советского противостояния получила уникальные возможности спокойного развития» [12]. В подобной связанности форматов государства в своей внешней политике искали оптимумы применения насилия, используя согласования, в определенных рамках удерживаясь от использования максимума имеющейся силы. На этой волне шел Хельсинкский процесс, принят Акт 1975 г., создана ОБСЕ. Все это наполняло нормативным содержанием поддержание миропорядка и выработку мировой политики.

2. Миропорядок и формирование регуляторов насилия в конце XX — первой четверти XXI вв.

В последней четверти XX в. регулирование насилия в названном «треугольнике» форматов подверглось серьезным испытаниям. Глобализация мировых рынков товаров, рабочей силы, капиталов способствовала нарастанию глобальных проблем, а взаимодействие названных форматов регулирования за этим не успевало. Требовалось обозначение императивов формирования миропорядка, а вместе с ним, и выстраивания взаимосвязи форматов.

В этих условиях было нарушено согласование внешних политик сверхдержав и других государств. В 1979 г. СССР ввел войска в Афганистан. В 1986 г. США бомбардировали города Ливии без санкций Совета Безопасности ООН [10].

В 1980–1990-х гг. возобладали иллюзии, что мир близок к идеализированному кантианскому «демократическому миропорядку» (теории демократического мира), основанному на общечеловеческих ценностях, благодаря чему демократии не воюют друг с другом [2]. Некоторые основания для этого были. Кроме того, создание ОБСЕ вселяло надежду, что в ее рамках противостояние военно-политических блоков будет заменено механизмами согласования. В 1985 г. началась «перестройка» в СССР, серьезно повлиявшая на баланс сил и потенциалов в миропорядке. Тогда руководство СССР по существу в своей политике поставило общечеловеческие ценности выше национально-государственных интересов, пойдя на ряд беспрецедентных уступок.

Восторжествовало большинство принципов Хельсинкского процесса, но за исключением принципа нерушимости послевоенных границ. Новый порядок соотносили с общечеловеческими ценностями и движением к космополитизму и «глобальному праву», символами чего казались падение Берлинской стены, «бархатные» революции в Восточной Европе, крушение СССР. В начале 1990-х гг. широко распространилось убеждение, что особых проблем с «переходом» постсоветских государств к демократии не будет: необходимо, прежде всего, пролить свет на прошлое, а будущее уже известно. Ведь западные страны, поддерживая антисоветский и антисоциалистический поворот народов, блокируя силовые действия СССР, Варшавского договора и властей в государствах Восточной Европы, создают демократические форматы регулирования насилия [5].

Некоторые политологи писали о «глобальном праве», от имени которого, в частности, в войне в Персидском заливе,

Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия

выступила нарождающаяся империя [3. — Р. 180]. Эйфория затмевала тогда необходимость обстоятельного теоретического анализа международных процессов. Были недооценены первые сигналы об угрозах нормальному взаимодействию форматов регулирования насилия в «треугольнике»: война в Персидском заливе 1991 г. и развал СССР. СССР шел на колоссальные уступки, но ему в решающий момент (июль 1991 г.) под давлением США руководители государств «семерки» отказали в помощи (уступки СССР помогли США сэкономить 1,3 трлн долл. только за счет сокращения вооружения) [25]. После роспуска Организации Варшавского договора ОВД и СЭВ, вопреки принципам «неделимой и равной безопасности», «широкого сотрудничества без разделительных линий», США и их союзники сохранили НАТО и даже стали расширять его состав и влияние. Роль ОБСЕ (СБСЕ), способной, как предполагалось, выстроить механизм ухода от силового противостояния военно-политических блоков, была сведена к второстепенным функциям фиксирования нарушения и миротворчеству, а затем и антироссийской пропаганды.

Развал СССР и переход бывших советских республик и социалистических стран на «западную сторону» означали мощное потрясение Вестфальского миропорядка в его Ялтинско-Потсдамской модификации и становление другого, «непонятного» миропорядка. Последний все больше уходил от идеализированных представлений 1980-х гг. Об опасности свидетельствовал тон внешнеполитических доктрин США и НАТО. Все это вело к разрушению связи форматов регуляторов миропорядка, международного права и мировой политики. Форматы «треугольника» заменялись в основном дискреционными внешнеполитическими актами США и НАТО, для обоснования которых привлекались гегемонистские доктрины.

Секретный документ 1992 г. «Рекомендации для оборонного планирования» характеризовал положение США «как признанного гегемона», способного укрепить

новый миропорядок, чтобы «не позволить какому-либо государству в Западной Европе, Восточной Азии, на постсоветском пространстве или в Юго-Восточной Азии подняться до положения регионального лидера, способного контролировать регион, где у Америки и ее союзников есть интересы, либо приблизиться к статусу региональной державы и стать геополитическим оппонентом США» [24]. Отношения США и России оформлялись Кэмп-Дэвидским соглашением 1 февраля 1992 г. как отношения «дружбы и партнерства». Но З. Бжезинский, проводя классификацию государств Европы (1992–1993 гг.) по основанию лояльности к США, Россию включил в третью группу из четырех, как страны, способной идти и против США, и навстречу им. В 1993 г. шла разработка концепции внешней политики администрации Б. Клинтона; ее положения отражены в документе Совета национальной безопасности «Стратегия национальной безопасности вовлеченности и расширения» (1994), а затем «Стратегии национальной безопасности в новом столетии» (1997).

Выстраивался миропорядок под мощным давлением глобальной доминанты США с союзниками по НАТО, призывами ревизии форматов международного права и мировой политики, особенно в отношении к суверенитету государств. На место императивов «треугольника» были поставлены другие: доминанта США и дисбалансы в миропорядке, приоритет национального права США над международным правом, дискреция властей США и руководства НАТО в мировой политике. Были подвергнуты ревизии положения Устава ООН о суверенитете государств. США развернули обоснования свободы от решений ООН.

Концентрация изменений миропорядка пришлась на Ближний Восток и Европу. Война в Ираке 1991 г. во многом стала возможной благодаря дисбалансу сил, тяжелому кризису СССР и его союзников. Самоликвидация ОВД и СЭВ привела к исчезновению биполярного (бицентричного) миропорядка. Это вело к новым идеализаци-

ям, оправдывающим дисбалансы. А. Негри и М. Хардт писали о новом миропорядке и империи: «Наряду с глобальным рынком и глобальным перемещением продукции возник глобальный порядок, новая логика и структура правления, т. е. новая форма суверенитета. Империя есть политический субъект, который регулирует эти глобальные обмены, суверенная власть, которая правит миром» [3. — Р. XI]. Имперские форматы США были представлены как основные регуляторы насилия. Руководство НАТО заявило, что данная организация приобрела глобальный характер.

Обозначились опасные сдвиги в характере участия США и НАТО в разрешении конфликтов немеждународного характера. Распаду Югославии способствовали не только внутренние конфликты, но и позиция государств Запада [14]. Потом было участие миротворческих сил НАТО в Боснии и Герцеговине, когда миротворцы в ряде ситуаций не предотвращали массовую гибель людей; военная сила НАТО применялась против сербских формирований. Силовое давление на Югославию было продолжено в 1999 г., когда в бомбардировках ослабевшего от эмбарго на поставку вооружений балканского государства участвовали почти все государства НАТО. Был создан Международный трибунал по бывшей Югославии, осуждавший, как правило, только сербских фигурантов. Далее произошло фактическое отделение Косова от Сербии (без проведения референдума) и признание его независимости, в первую очередь, рядом стран НАТО. Возник прецедент десоверенизации государств и нового варианта форматирования международного насилия, примененного против суверенного государства. Такой формат мировой политики вел к тому, что сепаратизм в ряде стран получил дополнительное правовое обоснование, что обусловило неустойчивость миропорядка и кризисное состояние международного права.

Такое отношение США к суверенитету государств переносилось в другие регионы. Война в Ираке в 2003 г., пре-

подносимая как ответ на террористический акт 11 сентября 2001 г., также подтвердила стремление США вывести свой формат регуляторов насилия на глобальный международный уровень. Частота дискреционных акций США свидетельствовала о стремлении быстро изменить форматы миропорядка, мировой политики, международного права, основываясь на своей собственном усмотрении (дискреции), чтобы закрепить свою гегемонию. Фр. Фукуяма писал, что «после окончания холодной войны США в среднем примерно раз в два года предпринимали очередную попытку построить какое-то государство» [21]. В каких-то ситуациях это помогало США быстро разрешать международные споры в своих интересах, когда процессуально-правовые регуляторы ООН не были достаточно оперативными. А точнее, когда международное право противоречило интересам США и НАТО. Как следствие, мировая политика, а вслед за ней и миропорядок, и взаимодействие форматов регулирования насилия теряли нормативный характер, приобретенный в период 1945–1991 гг.

Расширение НАТО на Восток и представление ее в качестве глобально-ориентированной организации преподносилось как оправданное интересами мирового сообщества и сопровождалось глобально-ориентированными заявлениями: «Партнерство НАТО направлено не только на страны Евроатлантического региона, Средиземноморья и Персидского залива, но и на страны в глобальном срезе, включая, в том числе, Австралию, Японию, Республику Корею, Новую Зеландию, Ирак, Афганистан и Монголию» [7]. НАТО позиционировала себя не только как региональный военно-политический блок, но и глобальный регулятор международных отношений, не уступающий по своему значению ООН.

В ситуации подрыва основ прежнего и несформированности нового миропорядка разрушались сбалансированные форматы регулирования насилия. Единственная сверхдержава в своей внешней по-

Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия

литике использовала потенциал насилия «по максимуму», пыталась надеть на себя «тогу» империи: к союзникам применялась стратегия «мягкой гегемонии», к соперникам — «жесткой гегемонии», что вело к деградации нормативной мировой политики и международного права.

3. Деградация формата нормативной мировой политики

В поддержании форматов миропорядка и международного права особую роль играет нормативная мировая политика. Для последней характерно:

- согласование внешних политик многих государств и, прежде всего, великих держав;
- обеспечение наряду с решениями *ad hoc* долгосрочных целей и обязательств;
- осознание общей ответственности как кооперативной ценности;
- определенная предсказуемость действий ведущих государств;
- введение информационных войн великих держав в рамки определенных правил.

Нормативная мировая политика, сложившаяся после Второй мировой войны, использовала наследие общей ответственности в борьбе с фашизмом. Но в самом начале 1990-х гг. она деформировалась, прежде всего, из-за дискреций (односторонних решений и действий в обход международного права) США и НАТО в ряде регионов: Ираке, Ливии, на Балканах, в Сирии, Восточной Европе.

В Ливии задолго до «арабской весны» 2011 г. отрабатывались способы девальвации международного права. 15 апреля 1986 г. США бомбардировали пять целей в Триполи и Бенгази. Госсекретарь США Дж. Шульц провозгласил доктрину «упреждающей самообороны», что подтвердил и Президент США [4]. Но ни доктрина «упреждающей самообороны», ни борьба с терроризмом не оправдывали

такие действия. Совет Безопасности ООН осудил эти бомбардировки как нарушение Устава ООН. 9 государств поддержали это решение, 5 были против (США, Великобритания, Франция, Австралия и Дания), а 1 воздержалось (Венесуэла). В результате США сделали шаг к обесцениванию полномочий Совета Безопасности ООН и изменению форматов регулирования насилия [10].

Эти события получили свое продолжение в 2011 г. В мировой политике уже был легитимирован статус М. Каддафи, который пошел на ряд уступок, в том числе, на отказ от ядерной программы. Тем не менее, режим Каддафи заклемили как диктаторский. Совет Безопасности ООН передал вопрос о М. Каддафи в 2011 г. на усмотрение прокурора Международного суда ООН [6], где за два месяца провели быстрое расследование. Целью таких действий было сочетание дискреционных политических решений с процедурами международного правосудия, чтобы склонить мировую общественность и население Ливии к одобрению действий НАТО. Совет Безопасности ООН 17 марта 2011 г. принял резолюцию о введении бесполетной зоны над Ливией. 19 марта 2011 г. Парижский саммит НАТО, несмотря на определенные разногласия, объявил о начале войсковой операции против войск М. Каддафи, что способствовало свержению режима и расправе над самим М. Каддафи.

Сохранение нормативной мировой политики затруднялось и ростом числа субъектов мировой политики (распад государств, «растворение» разделительной линии внешней и внутренней политики, активизация негосударственных субъектов). Это не сопровождалось выстраиванием балансов сил и потенциалов и закреплением их в международном праве. Вопреки обещаниям лидеров США, состав НАТО расширился почти в 2 раза. Закреплялись официальные положения о подготовке к включению в НАТО Грузии и Украины. За короткое время режим в Грузии при помощи США увеличил расходы на вооружение в 30 раз, что способствовало развязыва-

нию вооруженного конфликта в Южной Осетии (2008).

Вслед за НАТО расширялось число государств — членов ЕС, действовавших «вторым темпом» за НАТО и подкреплявших результаты евроатлантической интеграции. Правда, в 2002–2004 гг. лидеры стран, доминирующих в ЕС, высказали опасения по поводу действий США. Франция и Германия выступили против войны в Ираке и солидаризировались с позицией России. Тогда даже руководство НАТО отмежевало-сь от начала войны в Ираке. В тот период ЕС стремился к самостоятельному участию в форматировании регуляторов насилия. Но со сменой власти во Франции и Германии (Н. Саркози, А. Меркель), разногласия ЕС с США были приглушены и страны ЕС выстроились в фарватере евроатлантической стратегии США.

ЕС пошел на беспрецедентное расширение в 2004 г.: сразу на 10 государств-членов, включая страны Восточной Европы (позднее в два приема ЕС увеличился еще на три члена). Заработали также форматы ассоциированных отношений для соседей ЕС: проекты Средиземноморского союза, Северного измерения и Восточного партнерства. ЕС активно сотрудничал в проектах фондов США по поддержке оппозиции в постсоветских государствах. Это способствовало флуктуациям, перераставшим в «цветные революции», удачные для их организаторов в Грузии (2003), в Украине (2004); в более латентном проявлении — в Молдавии (2009). После «цветных революций», приведших к смене режимов, новые власти активизировали сотрудничество с США, НАТО и ЕС. Подготовка «цветных революций» велась также в Беларуси, Азербайджане, России, где власти смогли противостоять усилиям оппозиции и западных фондов.

Череда революций и переворотов прошла, начиная с 2011 г., на Арабском Востоке. В ряде моментов США и страны НАТО оказали поддержку этим процессам. Оппозиционные элиты с помощью вооруженной поддержки и щедрых обещаний призывали к политической модернизации

в направлениях, не всегда отвечающих национальным интересам и нормальному функционированию миропорядка, международного права и нормативной мировой политики.

Очевидно, что в условиях дисбаланса сил и потенциалов США стремились (и безуспешно) сделать ведущим регулятором насилия формат дискреционной мировой политики под своей доминантой, НАТО признать глобальным регулятором, консолидировать на этой основе форматы нового мирового порядка и международного права. 2011–2012 гг. были периодом, наиболее благоприятным для такой консолидации. Особенно знаменательным стало решение Совета Безопасности ООН весной 2011 г. по Ливии [23]. Тогда возник прецедент, способный легитимировать ранее предпринимаемые интервенционные действия США и его союзников без мандата ООН (Югославия 1999, Ирак 2003). В политическом дискурсе такие действия обозначили термином «незаконно-легитимные акты» (У. Бек назвал войну в Ираке «гибридной, незаконно-легитимной войной» [9]), что на самом деле подрывало и формат международного права, но укрепляло американоцентричный миропорядок.

В результате усилилась внутренняя и международная нестабильность в ряде регионов. Обострились внутренние противоречия в Молдавии и в Украине, а также внутри самого ЕС (особенно показательны результаты референдума в Нидерландах 9 апреля 2016 г.) и в отношениях ЕС с Россией. Произошло «размораживание» опасных конфликтов немеждународного характера, в том числе, на пространстве СНГ (2015 г. — Приднестровье, 2016 г. — Нагорный Карабах). Ряд стран Ближнего Востока потрясли кровавые конфликты. Внешние силы стимулировали конфликт в Гонконге в 2014 г. («революция зонтиков»). Искусственно усиливались противоречия интеграционных образований ЕС и ЕАЭС (Евразийский экономический союз). События в Украине в 2013–2016 гг. в нема-

Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия

лой степени стали следствием политики Восточного партнерства, противопоставлявшей ассоциацию Украины в ЕС сотрудничеству в ЕАЭС.

США противодействовали энергетическим проектам России («Северному потоку», затем «Южному потоку» и «Северному потоку — 2»), политике по усилению ШОС и БРИКС, Евразийского экономического союза, укреплению связей со странами Латинской Америки. США и ЕС инициировали экономические санкции против России, втягивая в него ряд других стран по всему миру. Действия Турции (государства — члена НАТО) в Сирии в 2015 г., в том числе против российских ВКС, а затем влияние Турции на обострение обстановки в Нагорном Карабахе — одно из последствий деформации нормативной мировой политики.

Мир столкнулся с дефицитом нормативной мировой политики, ориентированной на долгосрочные цели [13]. Ее деградации способствовали также глобальный финансово-экономический кризис, усиление информационного противостояния России и США, игнорирование фактора цивилизационной идентичности.

Мировая политика и международные отношения — сфера, где нередко правовое регулирование само по себе не решает проблем, и остро необходимы регуляторы не-права в виде баланса сил, оптимумов, усмотрения высоких должностных лиц, конфиденциальных контактов, непубличных договоренностей, доверия. Правовая основа, особенно в области международной безопасности, приобрела весьма размытый характер. Международное право дополнялось «новым обычным правом насильственных контрмер», мнением аффилированных лиц и юристов, политической силой в ответ на гуманитарное бедствие или массовое и грубое нарушение прав человека [10]. Этим объясняются интерпретации резолюций Совета Безопасности ООН о гуманитарных интервенциях [18], приводящие к дискреционным решениям в интересах доминирующей державы, не согласованным с другими членами ООН.

Так насилие, применяемое к определенным государственно-правовым режимам, включает в себя кроме международно-правовых регуляторов, также не-правовые («незаконные, но легитимные»).

В мировой политике действуют также глобальные корпорации, экономическая мощь которых сопоставима с крупными государствами. Во взаимодействие с ними вступают легитимные и полулегитимные институты и акторы (МВФ, Мировой банк, Бильдербергский клуб, Трехсторонняя комиссия) и национально-государственные элиты. Они объединяют бывших премьер-министров, экс-президентов, министров финансов и обороны, банкиров, владельцев информационных компаний, аналитиков, политиков, пиар-специалистов, сотрудников разведывательных служб, создавая некий глобальный управляющий класс. Такие силы, в том числе, через финансируемые НПО, формируют правила поведения управляющего класса, своеобразную глобальную agenda, определяющую, что является важным, а что не важным в международном праве. Так создаются обычаи, на основе которых формируются нормы международной безопасности, международного экономического права, правового регулирования СМИ.

Добавляется, в ущерб легальным форматам, и давление теневых регуляторов, активно проникающих в международную среду (биржевые сговоры, инсайдерские группы, нелегальная перевозка иммигрантов, влияние наркокартелей, торговля людьми, трансграничный бизнес в трансплантологии). Выдвигаются такие теневые акторы, как Талибан, Аль-Каида, Исламское государство (ДАИШ). Сама неопределенность в решении Международного суда ООН по вопросу о независимости Косова (руководство Косова подозревалося в ряде военных преступлений и преступлений против человечности [15]), свидетельствует о дефиците правомерности и доверия в мировой политике, порождает прецеденты фрагментирования и гибридизации права [16]. В этот ряд встали и

действия государства — члена НАТО: Турции, поощряющей незаконную торговлю нефтью и антиквариатом, поставляемыми ИГИЛ и Джебхат ан-Нусрой из Сирии и Ирака, на что страны НАТО закрыли глаза.

4. Восстановление форматов регулирования насилия

Несмотря на гегемонистские устремления США, 2000-е гг. свидетельствуют о тенденциях сохранения полицентричного миропорядка [11]. Возвращение к нормативной мировой политике, нормативному миропорядку, защите международного права становится осевым направлением в обеспечении безопасности мирового сообщества. На этом пути были успехи в нивелировании действий, дестабилизирующих форматы международного права, нормативной мировой политики и миропорядка. В частности, предотвращение военного вмешательства США в Сирии, вывод химического оружия из этой страны, успешная военная и гуманитарная помощь России в отражении экспансии ИГИЛ и других террористических групп в Сирии, возобновление переговоров по Сирии в Женеве, достижение соглашения Ирана и стран «шестерки» по иранской ядерной программе, расширение ШОС. Воссоединение Крыма с Россией после государственного переворота в Украине следует рассматривать как укрепление международной безопасности в полицентричном миропорядке с балансировкой сил США, ЕС, России.

Открывается также более широкое поле, требующее формата нормативной мировой и региональной политики в рамках интеграционных процессов. Возникает отличное и от международного, и от национального права — интеграционное право — сплав национального и регионального регулирования, соединение форматов права и политики (нормативной политики), способные брать на себя часть функций, выполняемых международным правом. Возможна как «конкуренция инте-

граций» (ЕС и ЕАЭС в случае с Восточным партнерством), так и «интеграция интеграций». Нормативной мировой политике предназначено курирование меры суверенизации и десуверенизации государств, механизмов передачи их полномочий на интеграционный уровень под кооперативную ответственность.

Нормативная мировая политика на Западе и Востоке по-разному сочетают правовые регуляторы права и не-права (предписания религии, максимы морали, принципы доверия, традиции, не-правовые обычаи, властные дискреции, балансы сил, конфиденциальные договоренности). Ф. фон Халем справедливо отмечает, что в тех сферах, где право не может серьезно влиять (особенно в не-западных странах), более эффективный регулятор — власть [22]. Тем более в условиях, когда разбалансированный миропорядок способствует не разрешению, а, наоборот, затягиванию асимметричных вооруженных конфликтов (Египет, Пакистан, Ливия, Сирия, Йемен, Судан). Именно применение военной силы Россией в Сирии привело к оживлению форматов международного права и полицентричного миропорядка. Россия сочетала применение насилия с дипломатией, оживлением формата международного права (Женевские переговоры). Но подобное мы видели и в Украине: Россия, продемонстрировав силу, поставила заслон распространению радикально-националистических движений и тем самым способствовала учреждению формата Минских соглашений для разрешения конфликта на Донбассе.

Нормативная мировая политика обеспечивает сосуществование западных и восточных составляющих миропорядка, симбиоз форматов регуляторов насилия, в том числе, строительства миропорядка как «замиренной среды» с правовыми и административно-принудительными регуляторами. Важно не допускать, чтобы «замиренная среда» и ее легитимация не возникали на пути симбиоза международного права и теневых регуляторов, как это было

Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия

при образовании и признании независимости Косова.

Дальнейшее движение к полицентричному (многополюсному) миру способствует возрождению форматов взаимодействия регуляторов «треугольника» на основе, например, Женевского формата для Сирии, Минских соглашений для Украины. Несмотря на кризис мировой политики 2014–2015 гг., идет диалог Россия — США, Россия — Франция, Россия — Германия в формате регулирования ситуации в Сирии, в Украине, в Ираке (в будущем, видимо, и в Ливии). Возобновляется диалог в формате совета Россия — НАТО. Делаются шаги со стороны министров иностранных дел Франции и Германии для возобновления диалога Россия — ЕС. Продолжают функционировать форматы ШОС, БРИКС, ОДКБ. Четко обозначился общий для всех государств враг — международный терроризм в лице реальных организаций. Показало свою эффективность сотрудничество в рамках антитеррористической коалиции России Ирана, Ирака, Сирии. Все это дает основание для утверждения о сохранении на перспективу полицентричного миропорядка [11].

Период конца 1980 — начала 1990-х гг. был благоприятным для внесения плодотворных корректив в форматирование регуляторов насилия, но мир эту возможность не использовал. 1990-е гг. обусловили далеко не самые желательные коррективы.

Сейчас приходится прокладывать путь к новым форматам, компенсируя пробелы фрагментированного международного права, преодолевая противодействие унилатеральной внешней политики США, стремящихся к моноцентричному миропорядку.

Предстоит постоянная борьба государств, интеграционных объединений и международных НПО за восстановление форматов регулирования насилия: сбалансированного миропорядка, нормативной мировой политики и обновленного и консолидированного международного права. В мире сейчас такая ситуация, когда именно стремящаяся к нормативности взвешенная мировая политика становится решающей силой, способной сдвинуть процесс в этом направлении.

Литература

1. Berenskoetter F. Thinking about Power // Power in World Politics / Eds. F. Berenskoetter, M. J. Williams. Power in World Politics. — L.: Routledge, 2007. — P. 1.
2. Doyle M. Rant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. — 1083. — Vol. 12. — № 3. — P. 205–235.
3. Hardt M., Negry A. Empire. Cambridge. — Massachusetts, 2000. — P. 180.
4. Reagan R. We Have Done What We Had to Do // Washington Post. — 1986. — 15 April.
5. Rethinking the Rule of Law after Communism / Ed. A. Czarnota, M. Krygier, W. Sadurski. — Budapest: Central European University Press, 2005. — P. 5.
6. UN SC Resolution 1970 — URL: www.un.org/News/Press/docs/2011/sc10187.doc.htm (дата обращения 12.10.2012).
7. What is NATO? An introduction to the transatlantic Alliance. — Brussels, 2012. — P. 7.
8. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. Мирное разрешение международных споров: современные проблемы. — М.: РУДН, 2012. — С. 20–21.
9. Бек У. Космополитическое мировоззрение. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. — С. 184.
10. Боуринг Б. Деградация международного права? // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 5 (79).

-
11. Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на XXIV Ассамблее Совета по оборонной и внешней политике (Москва, 9 апреля 2016 г.) [Электронный ресурс РСМД] — URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2217269 (дата обращения 10.04.2016).
 12. Лавров С. В. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. — 2016. — Март.
 13. Мартьянов В. С. Политический проект модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 293.
 14. Мертес М. Немецкие вопросы — европейские ответы. — М.: Московская школа политических исследований, 2001. — С. 144–145.
 15. Понте Карла Дель, Суденич Чак. Охота. Я и военные преступники. — М.: Эксмо, 2008. — Глава 11.
 16. Пушкина Д., Федорова А. Невыносимая легкость международного права? // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 5 (79).
 17. Рассел Дж., Коэн Р. Парижская мирная конференция. — М.: VAD, 2012.
 18. Тезисы по внешней политике России (2012–2018 гг.). Российский совет по международным делам (РСМД). Январь 2012 г. С. 41 [Электронный ресурс РСМД] — URL: http://russiancouncil.ru/common/unload/RIAC_foreign_policy.pdf (дата обращения 10.04.2016).
 19. Тункин Г. И. Вопросы теории международного права. — М.: Зерцало, 2009.
 20. Умнова И. А. Право мира. Философское и правовое измерение. — М.: ИНИОН, 2011.
 21. Фукуяма Фр. Строительство государства: пособие для начинающих // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 3. — С. 85.
 22. Халем Фр. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. — 2004. — № 1. — С. 14.
 23. Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. — 2011. — Том 9. — № 2 (26). — С. 30.
 24. Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. — М.: Аспект-Пресс, 2012. — С. 135.
 25. Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 18–19, 24.

Модели «мягкой силы» сетевых террористических организаций (на примере «Исламского государства», Аль-Каиды, Талибана и «Братьев-мусульман»¹)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному политологическому анализу моделей «мягкой силы» сетевых террористических организаций на примере ряда запрещенных в Российской Федерации террористических организаций и группировок. Автор обращает внимание на то, что в своей идеологической и пропагандистской деятельности террористы из различных транснациональных организаций и группировок используют «мягкую силу» в целях сплочения экстремистов, вовлечения в террористическую деятельность новых адептов и для ведения информационной войны со своими идеологическими противниками (как с правительствами различных стран, борющихся с международным терроризмом, так и со своими прямыми конкурентами из числа экстремистов, террористов и исламистов). При этом, «мягкая сила» террористов не повторяет формы и методы «мягкой силы» США, известной по работам американских неолибералов (Дж. Ная, Р. Кохейна и др.), а имеет свою собственную модель, существующую в виде определенного набора версий, адаптированных под идеологию каждой конкретной международной террористической группировки: так, своя модель «мягкой силы» есть у ИГ, у Талибана, у Аль-Каиды, у «Братьев-мусульман», и эти модели довольно сильно отличаются друг от друга даже в своей базовой основе.

Ключевые слова: «мягкая сила», терроризм, Исламское государство, борьба с терроризмом, политика, безопасность.

Автор

Манойло Андрей Викторович,

доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

¹ «Исламское государство» решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена; «Аль-Каида» решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. была признана террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена; движение «Талибан» Верховным судом РФ 14 февраля 2003 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена; решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. организация «Братья-мусульмане» признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

В гибридных войнах современности (в Сирии, Украине, Йемене и др. регионах) все сильнее присутствует негосударственный фактор: мировые и региональные лидеры предпочитают выяснять отношения не в прямом лобовом столкновении, а через столкновения военизированных формирований посредников, союзников, сателлитов, в том числе — негосударственных акторов и антиакторов мировой политики и политических сил, находящихся в стадии формирования своей международно-политической идентичности. То есть в гибридных войнах мировые лидеры предпочитают действовать не напрямую, а через своих агентов, которые могут носить как классический (нации-государства, их союзы и коалиции, международные организации), так и неклассический (частные военные компании (ЧВК), вооруженные формирования политических партий и национально-освободительных движений, ополчения, сформированные по национальному или конфессиональному принципу, вооруженные формирования непризнанных государственных образований, добровольческие формирования и т. д., часть из которых может претендовать на статус «акторов вне суверенитета», а часть — нет) характер.

Кроме того, в этой борьбе могут быть задействованы организации и группировки, ведущие преступную деятельность, в том числе, экстремистской, террористической, радикальной направленности, с которыми лидеры могут поддерживать связь в надежде использовать их в своих целях «в темную» либо по взаимному согласию — это видно на примере войны в Сирии и в Донбассе. Если с классическими акторами мировой политики, выступающими в роли агентов конфликтующих мировых лидеров, в целом все ясно — их военное и дипломатическое участие в гибридных конфликтах носит скорее традиционный характер, то большой спектр неклассических и негосударственных

акторов представляет собой довольно пеструю палитру, включающую в себя социологические формации разной степени структурированности, сформированности и зрелости. ЧВК носят характер типичных ТНК и ведут себя так же (с учетом их специализации); различного рода ополчения в плане организации часто носят архаичный родовой, племенной, общинный характер, на их сплоченность, политическую и военную активность часто оказывают влияние узко понимаемый этнический (например, курдские ополчения в Сирии и Ираке, ополчения ассирийцев-христиан в Сирии или шиитская милиция в Ираке) или религиозный (алавитские части армии Асада, курды-езиды, друзы, христианские ополчения в Сирии и Ираке и т. д.) факторы. Террористические организации типа ИГ и Аль-Каиды, имеющие, помимо собственной военной и политической программы, еще и сверхцель — построение всемирного исламского государства, также имеют довольно сложные отношения как со своими спонсорами, так и с другими группировками террористического и экстремистского толка, которые они выстраивают в соответствии со средневековыми правилами, существовавшими в первое столетие существования ислама. Эти группировки можно было бы отнести к антиакторам мировой политики, определив их как цель и объект уничтожения, если бы целый ряд современных государств, таких как Турция, «заливники», да и США тоже, не пытались использовать их в своих целях как инструмент реализации собственной внешней политики. Из всего этого следует, что сегодня идет стремительный процесс гибридизации мировой политики, очагами которой выступают конфликты в Сирии, Украине, Йемене и др. Исследование этих процессов носит не только военно-политический, но и ярко выраженный социологический характер, что требует применения для анализа указанных процессов методов социологии международных отношений.

Одним из основных факторов, придающих, наряду с контрабандой нефти и культурных ценностей, устойчивость существованию таких террористических группировок как «Исламское государство», Аль-Каида (действующая с Сирии под названием Джабхат-ан-Нусра), «Братья-мусульмане» и Талибан — это их собственная система идеологии и пропаганды, которую в последнее время все чаще принято называть «мягкой силой» исламистов. Благодаря отлично выстроенной идеологической, агитационной и пропагандистской работе вербовщики ИГ, Талибана, Аль-Каиды вовлекают в свою деятельность молодежь (не только мусульманскую, но и новообращенных из числа христиан), восполняют боевые потери в живой силе, нанимают специалистов в области ведения информационных войн и киберразведки, экономики, нефтедобычи и освоения недр, государственного администрирования и местного самоуправления. Именно благодаря собственной модели, формату «мягкой силы» исламисты из ИГ, Аль-Каиды и других группировок могут годами вести вооруженную открытую или диверсионно-партизанскую войну против всего западного мира, ежедневно восполняя свои ресурсы за счет помощи разделяющих их взгляды и политическую позицию политических партий, движений, общественных объединений, диаспор, легально действующих по всему миру. Особенно этим отличаются «Братья-мусульмане», которые активно вовлекают в свои ряды высокообразованную интеллигенцию, университетских профессоров, ведущих ученых, аналитиков, представителей национальных политических элит, используя их в качестве агентов и каналов распространения «мягкой силы», а также для разработки новых моделей идеологического, ценностного, пропагандистского воздействия на индивидуальное и массовое сознание граждан в различных странах мира.

Мягкой силой идеологическое воздействие исламистов можно назвать потому,

что значительную часть молодых членов этих группировок привело к джихадистам увлечение их мировоззренческими установками, ценностями, взглядами на мир и на наиболее острые его проблемы (среди которых самыми серьезными являются проблемы социально-политического неравенства, нищеты, отсутствие социальных лифтов), а также уверенность этих группировок в собственных силах и способности эти проблемы решить. В идеологии всех группировок — и Талибана, и Аль-Каиды, и ИГ, и «Братьев-мусульман», сильно замешанной на исламизме и исламском модернизме, активно используются такие понятия, как социальная справедливость, равенство, отсутствие сословных, родовых, племенных различий, братство, взаимопомощь и взаимная поддержка в любом деле (то есть, коллективизм). Если Аль-Каида и Талибан терпимо относятся к социальному неравенству, ИГ активно выступает за устранение социального неравенства в принципе и обеспечение каждому своему стороннику равенства возможностей, при условии, что он будет полностью следовать образу жизни, специальным нормам и канонам, установленным в ИГ.

Значительную роль в притяжении «мягкой силы» того же ИГ играет построенное исламистами на захваченных у Сирии и Ирака территориях особое социальное сообщество, в котором принципы социальной справедливости — в том виде, в котором их понимают идеологи ИГ — наряду с канонами ислама салафитского толка, являются одним из главных регуляторов общественных отношений. Молодым людям, завербованным игиловскими агитаторами, внушается, что они будут жить пусть в жестком, но справедливом мире, где справедливость одна и для богатых, и для бедных, и для полевых командиров, и для рядовых моджахедов, и этого оказывается для многих достаточным для того, чтобы покинуть родной дом и отправиться воевать на стороне ИГ в Ливию, Сирию или Ирак.

Многолетняя практика борьбы с идеологической работой экстремистов показывает, что призыв к абсолютной справедливости, равенству и братству нисколько не утратил своей притягательности: в ИГ идут не только молодые люди из низших, беднейших слоев общества, где с момента рождения у них не было и никогда не будет никаких жизненных перспектив, но и дети богатых родителей, которые на волне эмоционального порыва, поддерживаемого на должном уровне «мягкой силой» исламистов, отдают все свое имущество (деньги, недвижимость, дорогие машины, ценные бумаги и т. д.) в собственность ИГ и становятся такими же нищими, как и моджахеды, пришедшие в ИГ из дальних аулов. Этот феномен никто из политологов не может толком объяснить, потому что его природа лежит в особом рода притягательности самой «мягкой силы». У исламистов ИГ такая сила, безусловно, есть.

Своя модель «мягкой силы» есть у каждой из перечисленных выше террористических организаций: ИГ, Аль-Каиды, Талибана, «Братьев-мусульман». Основой для всех этих моделей выступает радикальный исламизм, как правило, салафитского толка. Однако, помимо исламизма, в этих моделях присутствуют совершенно различные принципы и механизмы воздействия на индивидуальное и массовое сознание: у каждой модели есть свои индивидуальные особенности и различия, определяемые, с одной стороны, конкретными целями и задачами каждой из террористических организаций, с другой, — кадрами, отвечающими за идеологию и пропаганду.

ИГ строит свою идеологическую работу на пропаганде достоинств «нового свободного и справедливого общества» — всемирного исламского халифата, который они строят на захваченных землях Сирии и Ирака. Стержневым концептом их идеологии и «мягкой силы» является принцип справедливости, защитником которого они выступают (по их собственно-

му мнению, разумеется). ИГ выступает за общество равных возможностей, устранение любых сословных барьеров и за примат принципа справедливости в любой сфере общественных отношений. Их идеологические призывы, после удаления налета исламизма, выглядят вполне по-светски и несут в себе послылы, понятные даже безграмотному крестьянину или скотоводу: «землю — крестьянам!», «фабрики — рабочим!», «воду — матросам!», «капиталистов — на вилы» и т. д. Эти лозунги по своему содержанию практически ничем не отличаются от лозунгов большевиков и троцкистов. Не случайно ИГ называют «необольшевиками», отмечают революционный характер их идеологии и самой организации и пытаются (особенно в Турции и странах Персидского залива) выдать террористическую деятельность ИГ за «великую суннитскую революцию», «суннитское освободительное восстание». Такой характер идеологии ИГ, вероятно, связан с тем, что ее разрабатывали не джихадисты и радикальные суннитские проповедники: при образовании в 2006 г. ИГ (на базе иракской ячейки Аль-Каиды, при координирующем участии ЦРУ) в его состав вошло двенадцать суннитских группировок, воевавших против оккупировавших страну войск США и НАТО, которые состояли из бывших солдат и офицеров армии С. Хусейна и бывших чиновников партии БААС. Вероятнее всего, именно они работали для ИГ псевдореволюционную идеологию, довольно много взявшую у идеологии БААС, арабского возрождения и панарабизма. Здесь, кстати, прослеживается и советская школа идеологической работы: пропагандисты ИГ часто говорят о том, что в борьбе за справедливо устроенный мир они просто сменили распавшийся Советский Союз, который до своей кончины твердо удерживал знамя борьбы за справедливость, равенство, братство. Однако в 1991 г. СССР не стало, Российская Федерация оказалась занята своими проблемами — ей стало не до борьбы за

справедливое мироустройство, а затем и вообще пошла по пути капитализма; в результате, по словам игиловцев, в мире просто обязан был возникнуть преемник СССР, и этим приемником стал ИГ. В этих умозаключениях лидеров ИГ прослеживается связь с образом Советского Союза. Это неслучайно: многие чиновники администрации С. Хусейна, также, как и военные, получили образование именно в Советском Союзе.

Довольно сложная мозаичная картина возникает, когда пытаешься разобраться с идеологией и «мягкой силой» Талибана. Идеология Талибана сегодня неоднородна — она напоминает «слоеный пирог», состоящий из трех слоев, или уровней. Причем каждому из этих уровней соответствуют свои идеологические основания и своя идеологическая концепция. Связано это даже не с тем, что пакистанские талибы отличаются от талибов афганских, и не с тем, что основу боевых формирований Талибана — движения, не являющегося национальным, например, пуштунским, — составляют именно пуштуны, пакистанские и афганские, представленные сотней различных племен; а с тем, что движение Талибан сегодня переживает поколенческий кризис, в нем явно присутствуют три различных поколения лидеров, и эти поколения придерживаются разных ценностей и взглядов на мир. Это порождает кризис, который сказывается на всех сферах деятельности Талибана, в том числе, и на сфере идеологии. Поэтому идеология и «мягкая сила» талибов «многослойна».

Первое, самое старшее, поколение талибов представлено полевыми командирами моджахедов, которые воевали еще с Советским Союзом, а затем и с Северным Альянсом. Это такие фигуры, как мулла Омар (мулла Умар), сообщения о предположительной гибели которого появились два-три года назад. Эти лидеры в годы молодости были настроены непримиримо по отношению к своим противникам, как «иностранным захватчикам», так и оп-

понентам внутри страны, сегодня все они уже пожилые люди и понимают, что вся жизнь их прошла в боях и походах, а возможности насладиться богатством и высоким положением у них, по сути, и не было. В силу этих причин (желания встретить старость в покое и комфорте) они теперь настроены достаточно миролюбиво и примирительно и сдерживают энтузиазм более молодого поколения полевых командиров, стремящихся продолжать войну против «крестоносцев» и их пособников. Эти фигуры все еще обладают властью, но вызывают острое недовольство молодого поколения моджахедов, среди которых стремительно набирает популярность джихадизм, наподобие того, который проповедуют агитаторы ИГ.

Второе поколение талибов состоит из полевых командиров, примкнувших к движению Талибан во время его борьбы с Северным Альянсом, но еще задолго до начала вторжения США и НАТО в Афганистан. Основной идеологией этого поколения полевых командиров и боевиков является патриотизм: они видят цель и смысл жизни в борьбе с иноземными захватчиками и считают, что война закончится, если последний иноземный солдат покинет землю Афганистана или будет уничтожен. Для них самое главное в войне — это защита национальных интересов Афганистана. Это национально ориентированные деятели, они находятся в непримиримой вражде с джихадистами из ИГ и других подобного рода группировок, для которых национальные интересы, суверенитет и границы любого государства — ничто, а всемирный джихад — единственная цель существования. Идеология и «мягкая сила» этой категории талибов носит ярко выраженный национально-государственный характер.

Третье поколение талибов — это молодые боевики, родившиеся и выросшие в условиях перманентной войны всех против всех в Афганистане и примкнувшие к движению Талибан уже после начала борьбы с KFOR («Силы для Косово»). Это,

в основном, убежденные джихадисты, симпатизирующие ИГ и видящие именно в ИГ пример организации истинного исламистского государства. Их идеология и ценности ничем не отличаются от идеологии ИГ. Они готовы признать верховенство ИГ, но этому препятствуют полевые командиры более старшего поколения — те, кто стоят на национально-государственных и национально-патриотических позициях и для кого война всегда была и остается внутренним делом самого Афганистана. Для молодежи талибов, зараженных вирусом джихадизма, представители старшего поколения командиров Талибана — явная и досадная помеха, которую следует устранить в интересах «великой суннитской революции», ведущейся арабскими «братьями» из ИГ.

Эти поколенческие особенности современного кадрового состава Талибана и определяют общий характер их идеологии и «мягкой силы»: в идеологии талибов ярко выражены точки зрения всех трех поколений, которые даже в рамках одного движения не могут не конфликтовать между собой.

Для практической реализации своей модели «мягкой силы» и идеологического воздействия Талибан, так же, как и ИГ, имеет отличный штат агитаторов и пропагандистов: талибы проводят очень сложные информационно-психологические операции, как в публичной сфере, так и в виртуальном интернет-пространстве — блогосфере и социальных сетях. При этом, их идеологические кампании нацелены, как правило, на население своих «домашних регионов» — Афганистана и Пакистана, внешнее воздействие на население тех стран, где у талибов нет своих интересов, и уж тем более — на международное общественное мнение — их не интересует. Но на уровне местной прессы — телевидения, печатных и электронных изданий, радио — пропагандистская работа у талибов налажена очень хорошо: вещание ведется на большинстве местных и ряде иностранных языков и диалектов. В удаленные поселения регулярно

доставляются газеты, брошюры, иные пропагандистские материалы и т. д. Это обеспечивает талибам постоянный приток в их ряды новых поколений молодежи.

Иным образом обстоит дело с идеологией и «мягкой силой» Аль-Каиды. В отличие от Талибана и ИГ (хотя ИГ и состоит из вилайетов, но ядро у него все равно в Сирии и Ираке), Аль-Каида — террористическая организация, построенная по сетевому принципу и состоящая из отдельных, автономно функционирующих террористических ячеек, обладающих высокой степенью свободы в выборе стратегии, тактики, целей, мишеней и форм осуществления террористических атак. На Аравийском полуострове действует АКАП — Аль-Каида на Аравийском полуострове — ее боевое крыло контролирует довольно большой участок территории (с несколькими крупными населенными пунктами) в Йемене. Боевики этой ячейки Аль-Каиды, вытесненные саудовцами в Йемен из-за угроз организовать в Саудовской Аравии государственный переворот, ведут бои с шиитами-зейдитами («хуситами») и, фактически, содействуют таким образом Саудовской Аравии в решении ее военных задач в Йемене. Так, «во время посещения города Таиз корреспондент ВВС увидел, как вооруженные силы саудитов [саудовцев — АМ] вели бой с хуситами совместно с боевиками „Аль-Каиды“» [1].

В Магрибе и в большей части так называемой французской Африки действует ячейка «Аль-Каида в Магрибе» — на ее счету теракты в столице Мали, в Ливии, в Алжире, планирование террористических атак в Европе. С деятельностью ячейки Аль-Каиды в Магрибе некоторые политики связывают организацию террористической атаки на Париж в ночь с 13 на 14 ноября 2015 г.: в частности, именно такое заявление спустя несколько часов после трагедии сделал Президент США Б. Обама. Официальная версия произошедшего, которой придерживаются французские власти, возлагает ответственность за терро-

ристические акты в Париже на ИГ, что подтверждается официальными заявлениями лидеров ИГ по этому поводу. Между тем, сразу после террористических актов в Париже высказывалась версия о том, что атака — это месть туарегов за то, что во время конфликта в Мали французы безжалостно бомбили их города.

В Сирии Аль-Каида действует под названием «группировка Джабхат ан-Нусра»¹ — это ее боевое крыло. В Ираке местная ячейка Аль-Каиды в 2006 г. после слияния с еще двенадцатью радикальными группировками стала называться «Исламское государство Ирака» (теперь это ИГ). Сильные ячейки Аль-Каиды действуют в Афганистане и Пакистане, а также в Иордании, где после гибели Усамы бен-Ладена оказалось все высшее руководство Аль-Каиды (по национальности это преимущественно иорданцы). Свои ячейки Аль-Каиды существуют в европейских странах: Великобритании, Франции, Германии, Бельгии и др. Все они действуют автономно, обладают высокой степенью самостоятельности, в том числе и в плане выработки собственных моделей и концепций идеологии и «мягкой силы».

Идеология Аль-Каиды, возникшая и сформировавшаяся еще во время войны с СССР в Афганистане, базируется на двух основных тезисах: 1) борьбы против неверных и иноземных захватчиков, которых они называют «крестоносцами», и 2) игнорирования государственных границ и иных формальных разделительных барьеров, определяющих современное мироустройство, в котором основными акторами международных отношений являются национальные государства. Аль-Каида по своей природе и форме организации является транснациональной разведывательно-диверсионной и террористической сетью — это своеобразная

транснациональная корпорация, цель которой — не извлечение и максимизация прибыли, а политическая трансформация мира. Именно поэтому в основе идеологии Аль-Каиды лежат их собственные корпоративные ценности, обеспечивающие корпоративную сплоченность всех участников этой сети независимо от географической удаленности ячеек и управляющего центра; и только потом уже на второй план выходят идеологемы панисламизма, джихадизма, борьбы с наступлением христианского мира — с теми самыми «крестоносцами»: Россией, США и ЕС. Все это формирует общий каркас, общую конструкцию модели «мягкой силы» Аль-Каиды, основанную на отрицании современного миропорядка с национальными государствами и национальными границами и на признании верховенства новых форм квазигосударственных образований — глобальных политических (экстремистских, исламистских, террористических) сетей. Этот каркас региональные ячейки Аль-Каиды заполняют собственными смыслами и собственным содержанием, включая туда те послы, которые лучше всего воспринимаются населением каждого конкретного региона. Именно поэтому «мягкая сила» Аль-Каиды носит, с одной стороны, мозаичный характер и обладает ярко выраженной региональной спецификой, с другой, — она всегда точно настроена на надежды и чаяния населения своего региона и поэтому обладает большим проникающим, убеждающим и стимулирующим действием.

Наиболее тонко в плане построения информационной и пропагандистской работы действуют «Братья-мусульмане» — террористическая группировка, которую многие политики и эксперты почему-то любят называть «мягкими исламистами» — безо всяких оснований, лишь на основании того, что в тех ситуациях, в которых террористы ИГ и Аль-Каиды предпочитают идти напролом, «Братья-мусульмане» предпочитают подкупать местные элиты и делать то же самое, но чужими

¹ Группировка Джабхат ан-Нусра Верховным судом РФ 29 декабря 2014 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

руками. Отчасти, возможно, это связано с остаточным стрессом, который многие европейские (и не только европейские) политики испытали, когда в Египте в результате законных выборов, отвечающих всем демократическим требованиям, на пост президента страны был избран лидер египетской ячейки «Братьев-мусульман» М. Мурси. В результате многие политические деятели в течение трех лет пребывали в состоянии когнитивного диссонанса: они были вынуждены пожимать руку террористу, который неожиданно для всех стал легитимным президентом Египта. Хотя, по идее, должны были его немедленно арестовать или уничтожить в ходе задержания.

В своей модели «мягкой силы» «Братья-мусульмане», являясь такой же географически распределенной сетевой террористической организацией, как и Аль-Каида, опираются на собственные корпоративные ценности, важнейшим из которых, после императива «единства всех истинно верующих мусульман», является опора на высокий уровень интеллекта и образования в среде своего руководства, на выработку управленческих решений с использованием ресурсов собственных «фабрик мысли», в которые они привлекают интеллигенцию со всего мусульманского мира. «Братья-мусульмане» действуют через сочувствующих им представителей политических, научных, финансовых элит; их идеология формирует мотивационные потребности у элит и среднего класса, то есть, у тех самых слоев населения, представители которых держат в своих руках реальные рычаги управления теми или иными странами. Поэтому среди руководителей ячеек «Братьев-мусульман» много университетских профессоров и «рафинированной» интеллигенции. «Братья-мусульмане» выделяют из политической среды различных стран наиболее перспективных и талантливых начинающих политиков и делают их своими агентами. Примером такого продвижения может являть-

ся М. Мурси, бывший университетским профессором, или нынешний президент Турции Р. Эрдоган, бывший в молодости членом радикальной группировки «Серые волки».

В отличие от других подобного рода организаций, «Братья-мусульмане» имеют собственную внешнеполитическую концепцию, в которую встроены и существующие сегодня национальные государства, и международные организации. В этой концепции ведущая роль отводится участию «Братьев-мусульман» в формировании мировой повестки и в решении международных проблем, с которыми «Братья-мусульмане» планируют бороться, создавая под своей эгидой собственные «волевые коалиции». Так, известна ближневосточная инициатива М. Мурси (в бытность его президентом Египта) о создании так называемого «Исламского квартета» для урегулирования Сирийского кризиса; М. Мурси призвал наиболее влиятельные страны региона — Саудовскую Аравию, Турцию, Иран — сформировать военно-политический блок для силового пресечения гражданской войны в Сирии [2]. Такого рода концепций (по масштабу и качеству проработки) нет ни у ИГ, ни у Аль-Каиды, ни у Талибана. Главная идеологическая цель ИГ — формирование квазигосударственного образования «всемирный исламский халифат», копирующий мусульманские автократии средневековья и живущий по средневековым канонам; эта идея — действенная, но совершенно несовременная, не ведущая к созданию нового современного государства, способного конкурировать с уже существующими национальными государствами, а, следовательно, недолговечного. Национально-государственная доктрина талибов сводится к простой формуле «страна без крестов» и не предусматривает какое-либо изменение государственных границ Афганистана, а только смену формы правления и существующего в стране на данный момент политического режима. Аль-Каида отрицает значение границ и суверенитет

национальных государств, утверждая, что ее террористическая сеть по определению является экстерриториальной и не признает демаркационные и разграничительные линии, проведенные «крестоносцами» для определения территориальных границ наций-государств.

Именно с такими моделями «мягкой силы» различных террористических организаций приходится бороться Российской Федерации на различных фронтах, как виртуальных, так и вполне реальных, таких, как война в Сирии. При этом, в контридеологической борьбе против исламистских группировок, таких как ИГ и Аль-Каида, Россия использует собственную модель «мягкой силы», основанную на твердой решимости отстаивать законные права народов самим выбирать свою судьбу и тех лидеров, которые будут управлять государством; в этом плане российская «мягкая сила» также основана на понятии справедливости, но справедливости, принципиальным образом отличающейся от того, что понимают под ней исламисты, «приватизировавшие» общее достояние — справедливость — и сделавшие ее доступной только для ограниченного круга «своих». Когда сирийские граждане в благодарности за мир и свободу, которые им принесли российские военные, называют своих детей русскими именами или дают им такие имена, как «Россия», «Армия», когда сирийские солдаты ходят с футболками с изображением нашего летчика, героически погибшего, защищая сирийский народ, это — российская «мягкая сила».

К сожалению, приходится признать, что вооруженный конфликт в Сирии будет продолжаться еще очень долго. Резолюция Совета безопасности ООН № 2254 (2015) о ситуации в Сирийской арабской республике содержит подробный, пошаговый план урегулирования вооруженного конфликта между режимом Асада и оппозицией (гарантами исполнения этого плана выступают США и Россия, внесшие проект этой резолюции на голосование в Совет Безопас-

ности), но нет твердой уверенности в том, что он будет выполнен всеми участниками конфликта, в том числе самими Соединенными Штатами и их союзниками, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, имеющими влияние на вооруженную оппозицию. Критикуя действия РФ в Сирии, США и их союзники пытаются не допустить создания в регионе коалиции под руководством Москвы. Делается это потому, что такая коалиция способна создать новую архитектуру связей во всем арабском мире [3].

В октябре 2015 г. Саудовская Аравия и Турция присоединились к адресованным России призывам США прекратить авиаудары по позициям «умеренной оппозиции» в Сирии. Между тем, ни США, ни их союзники в регионе пока не смогли объяснить, где именно находится эта «умеренная оппозиция» и как ее отличить от террористических структур. Финансируемые США и их союзниками антиправительственные формирования в Сирии давно смешались с чисто террористическими структурами — такими, как запрещенная в России организация «Исламское государство» и Джебхат ан-Нусра. Это всем хорошо известно, и разговоры об «умеренной оппозиции» — лишь политический ход. Главная цель этого хода — спасти от разгрома хотя бы часть террористических по сути структур, в которые в прошлом были вложены немалые средства. США и их союзники — Турция и многие из арабских монархий Персидского залива — долгое время формировали и выкармливали эту так называемую «оппозицию». Тратили деньги на приобретение оружия, на обучение новейшим методам ведения войны. То есть, это очень серьезный и дорогостоящий проект. И тут неожиданно Россия делает «ход конем» и начинает наносить удары по этому бизнес-проекту. К нынешнему моменту в этом проекте уже невозможно отличить «умеренных» оппозиционеров от «неумеренных». Например, к «умеренным» США относят Джебхат ан-Нусра, а между тем, это организация, которая считает себя пре-

емницей сирийской ячейки «Аль-Каиды». Головы они режут точно так же, как «Исламское государство», а может быть, еще более интенсивно. Многие выложенные в сети ролики, которые неспециалисты относят к деятельности ИГ, на самом деле фиксируют казни, осуществленные боевиками Джабхат ан-Нусра. Они нисколько не менее опасны, они отнюдь не «умеренные», просто они менее известны, чем разрекламированное «Исламское государство».

Обвиняя Россию в атаках на «умеренные» группировки, США и их союзники начали долгосрочную комбинацию, цель которой — сохранить американский контроль над регионом. Пока американцы имитировали борьбу с ИГ, Россия предприняла попытку организовать реально действующую международную антитеррористическую коалицию. И многие арабские страны пошли на сближение с Россией в этом вопросе. После этого США и их союзники испугались, что Россия сформирует под своим контрольным управлением некий интернациональный фронт, который сначала разберется с марионеточными исламистскими группировками, которые вооружали и обучали американцы и страны Залива, а затем этот фронт будет выстраивать новую архитектуру международных отношений во всем арабском мире. Выступая в защиту вроде бы полезных им сегодня террористических структур, страны региона совершают ошибку. Ведь, в отличие от США, они находятся в зоне прямой досягаемости боевиков.

Вся сложность сирийской ситуации заключается в том, что в сирийский конфликт оказались вовлечены влиятельные мировые державы (США, Россия, ЕС, а также региональные лидеры), жизненно важные интересы которых в этом регионе существенным образом расходятся. Так, для России главное — скорейшая победа над международным терроризмом, уничтожение ДАИШ (он же ИГ), Джабхат ан-Нусры и других террористических группировок и восстановление мира для сирийского на-

рода, возможность мирно жить, растить детей, свободно голосовать за будущее страны. Для США уничтожение ДАИШ — не приоритет; для них важнее сначала убрать Башара Асада с помощью ДАИШ и прочей «оппозиции», а затем заставить разбираться с террористами своих европейских союзников. То есть, стратегическая цель США — направить Сирию по ливийскому пути, сделать так, чтобы Асад повторил судьбу Каддафи. Россия со своей успешной военной операцией в Сирии (осуществляемой совместно с сирийской правительственной армией), очевидно, этому мешает. Турция, долгое время зарабатывавшая огромные деньги на перепродаже нефти, добываемой на территории, контролируемой «Исламским государством» и Джабхат ан-Нусрой (сирийской ячейкой Аль-Каиды), не заинтересована в том, чтобы ее бизнес-партнеры, заблокированные сегодня в Алеппо и отрезанные сирийской армией и курдами от путей снабжения (оружием и боевиками, перебрасывавшимися с территории Турции), были уничтожены. Те же мотивы у Катара, который долгое время снабжал и финансировал Джабхат ан-Нусру, а также у Саудовской Аравии, на балансе которой содержится Джейш-аль-Ислам: все эти экстремистские группировки — это их бизнес-проекты, в которые вложены огромные деньги, которые будут потеряны в том случае, если российская и сирийская армия все же, несмотря на давление Запада, уничтожат террористов. Вот почему и США, и монархии Персидского залива будут стараться не столько уничтожить террористов, сколько сохранить их боевое ядро (кадровый состав), вытеснив их в Иорданию или открыв им «коридор» для выхода с территории Сирии — например, в Йемен. Там боевики отдохнут, заново отмобилизуются и снова будут готовы вести войну против Асада или любого его законного преемника.

После принятия Советом Безопасности ООН резолюции по Сирии участие боевых отрядов Исламского государства и Джаб-

хат ан-Нусры в Сирии решена: они обречены на истребление. Если сирийская и российская армии уничтожат группировку террористов в Алеппо, а США и их союзники развернут наступление на Эр-Ракку и возьмут ее, Сирия будет очищена от террористов. При согласованном действии России и США это может произойти уже в ближайшие месяцы. Тогда на определенное время в Сирии, возможно, установится мир. Согласно плану мирного урегулирования, все группировки сирийской оппозиции, состоящие из сирийских граждан (не иностранных наемников, не джихадистов) и не замеченные в тесных связях с «Исламским государством», «сбривают бороды» и превращаются в «умеренную оппозицию», с которой можно вести переговоры за одним столом. Именно эти люди — бывшие боевики — пойдут на выборы президента Сирии, предусмотренные планом мирного урегулирования, изложенного в Резолюции СБ ООН № 2254. Однако суть их от того,

что они себя называли «умеренной оппозицией», очевидно, не изменится. В результате Сирия может оказаться перед угрозой полноценной «цветной революции», которая будет разворачиваться по классическому сценарию: если на выборах Асад получит большинство голосов (а так и будет, поскольку население освобожденных от «Исламского государства» территорий единогласно проголосует за Асада), «умеренная оппозиция» оспорит результаты выборов, заявит об их непризнании, откопает спрятанное оружие и цветная революция очень быстро перерастет в вооруженный мятеж. Затем — гражданская война, линия фронта, удерживаемая сирийской армией против террористического интернационала джихадистов со всего мира, то есть, то же, что и сейчас происходит в Сирии. Правда, есть надежда на то, что эти планы врагов сирийского народа снова сорвет Россия. В очередной раз, своим излюбленным непостижимым образом.

Литература

1. BBC: Коалиция во главе с Саудовской Аравией воюет в Йемене на стороне «Аль-Каиды». [Электронный документ] / Политика. 2016, 23 фев. — URL: <http://novosti-dny.ru/novosti-dnya/politika/43730-vvs-koaliciya-voglave-ssaudovskoy-araviey-voyuet-vyemene-nastorone-al-kaidy-politika.html> (дата обращения 04.03.2016).
2. Мурси предложил создать «мусульманский квартет» // Исламский мир. — URL: <http://islamtv.ru/news-2076.html> (дата обращения 04.03.2016).
3. РИА Новости. — URL: http://www.ria.ru/radio_brief/20151007/1298159965.html#ix-z3o4rBw9Zf (дата обращения: 10.05.2016).

Образы мирового порядка после холодной войны

Аннотация. Статья посвящена теме политического устройства Европы после окончания холодной войны. Автор считает, что за 25 лет холодного мира (1989–2014) европейцы ни на шаг не приблизились к установлению безопасности на континенте. В статье предлагается три основных принципа, которые, при их реализации в международных отношениях, могут создать более безопасную Европу. Такими принципами, по мнению автора, являются: равенство, трансцендентность и плюрализм.

В статье утверждается, что сегодня необходимо предпринять определенные усилия, чтобы найти политические процессы и институты, которые помогут сформировать новую политику примирения в Европе.

Ключевые слова: мировой порядок, холодная война, Европейский союз, Европа, безопасность.

Версия статьи на английском языке была представлена на Европейском русском форуме Европейского парламента 30 ноября 2015 г. с последующей публикацией в сборнике статей.

Автор

Саква Ричард,

профессор Университета Кента (графство Кент, Англия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии).

За четверть века холодного мира, последовавшего за событиями 1989 г., так и не нашлось решения ни одного из вопросов европейской безопасности и мирового управления. Со стороны «победителей» проблем не было. Деспотичная система европейского коммунизма потерпела крах, и геополитиче-

ская система власти, ассоциируемая с ним, также распалась, что позволило бывшим «попавшим в зависимость государствам» осуществить свой суверенный выбор и присоединиться к государствам Атлантики, тем самым расширив границы свободы и демократии. Если России сложившаяся ситуация не нравилась, причиной тому

Образы мирового порядка после холодной войны

были ее внутренние проблемы, которые заключались в провале демократического преобразования России и ее нездоровых и несдержанных амбициях быть «великой державой» — статусе, не подтвержденном ни экономически, ни социально. Таким образом, Россия упустила уникальную возможность реорганизовать систему безопасности Европы и качество международной политики, которая появилась с окончанием холодной войны. Завершение продолжительной борьбы враждующих идеологий революционного социализма и рыночного капитализма сгладило противоборство блоков на мировом уровне, и внутри страны появилась возможность создать новый межклассовый альянс для построения демократии, мира и развития. Вместо этого борьба за статус, власть и ресурсы просто приняла новые формы. Это была еще одна из «упущенных альтернатив», которая определяет конфигурацию нашей эпохи [1].

От холодного мира к малой холодной войне

Многочисленные исследования европейского порядка подтвердили, что континент вступил в полосу 25-летнего кризиса, который в свои последние годы перерос из холодного мира в малую холодную войну. 2014 г. стал переломным и положил конец мифам и иллюзиям 25-летнего холодного мира, начавшегося в 1989 г. В этот год впервые со времен Второй мировой войны к власти в Польше пришло коммунистическое правительство, а в ноябре была снесена Берлинская стена. Реформы Горбачёва и введение Нового политического мышления означали, что к 1989 г. холодная война как борьба между конкурирующими системами ценностей была окончена [2]. Единый европейский коммунистический порядок распался, вслед за чем последовал распад всей системы советского альянса. Однако холодная война закончилась асимметрично, генерируя

конфликты, которые к 2014 г. стали неуправляемыми.

Кризис в Украине, как и русско-грузинская война 2008 г., стали скорее симптомами глубокого кризиса, чем его причиной. В 2014 г. мы вступили в новую эру противостояния и конфликта великих держав. Есть веские причины не называть это новой холодной войной, так как нынешняя основа конфронтации сильно отличается от 45-летнего периода, с 1944 по 1989 г. отсутствием соответствующего идеологического контекста и она значительно ограничена географически. Тем не менее, новый раздел Европы сопровождается интенсивной пропагандой со всех сторон, непростым управлением ядерного противостояния и борьбой за привлечение союзников как внутри региона, так и в мировом масштабе; все эти характеристики напоминают первую холодную войну. Однако учитывая довольно ограниченный характер борьбы сегодня, нет оснований называть его малой холодной войной, хотя, конечно же, пока еще рано говорить о том, будет ли она «малой». Существует постоянная опасность того, что нынешняя конфронтация между Россией и ее союзниками с одной стороны, и разветвленной атлантической системой с другой, может выйти из-под контроля и спровоцировать последствия гораздо более серьезные, чем когда-либо в поствоенные годы.

Очень скоро стало очевидным, что система безопасности, сложившаяся после холодной войны, не удовлетворяет ни одну из сторон. В декабре 1994 г. на конференции по безопасности в Будапеште российский президент Борис Ельцин говорил о холодном мире. Маргинализация России еще больше усилилась, когда американский президент Билл Клинтон объявил о расширении НАТО, и программа была мгновенно подхвачена большинством бывших советских стран в Восточной Европе, и даже в ряде бывших советских республик. Активность НАТО в борьбе с бывшей Югославией также усилила ставшую популярной и элитарной враждебность

между Россией и атлантической системой безопасности. В начале своего правления Владимир Путин пытался найти способ преодолеть растущую конфронтацию, но после ряда событий: одностороннего аннулирования Америкой договора по ПРО, несанкционированного вторжения в Ирак, продолжающегося разрастания НАТО к границам России, обещания членства Грузии и Украине, планов по размещению противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Европе, и того, что расценивалось как ревизионистская программа смены режима — трещина в отношениях между Россией и атлантической системой превратилась в пропасть.

Очень просто винить ту или иную сторону, но если один чувствует ущемление своих прав, независимо от правомерности своих притязаний, возникает угроза безопасности. В данном случае на кону стояли большие ценности, и нежелание обратить на них внимание спровоцировало малую холодную войну. Все остальное, включая недоразумение с Украиной и неспособность установить союз в Сирии, это симптомы более глубокого кризиса. Наступление холодного мира и его последующее перерастание в малую холодную войну были определены четырьмя ключевыми моментами.

Во-первых, поворотной точкой стал Мальтийский саммит 1989 г., который свел вместе советского лидера Михаила Горбачёва и Президента США Джорджа Буша для решения судьбы Европы после холодной войны. Вновь, как и в феврале 1945 г. в Ялте, судьба Европы была в руках великих держав, но Мальта лишь запротоколировала сдвиг в дипломатическом и стратегическом балансе сил. Горбачёв понимал, что противостояние в холодной войне Советского Союза и западных держав подрывает развитие обеих сторон. С окончанием холодной войны казалось, что наступает новая мирная эпоха воссоединения европейского континента. Горбачёв представлял, что Россия останется великой державой, но сотрудничаю-

щей с Западом. Горбачёв посетил Мальту для формального закрепления политики трансцендентности, но саммит зарегистрировал лишь изменения в расстановке сил в рамках политики Ялты. Возможность общей победы провалилась. Предвидя крах советской державы, Буш использовал возможность укрепить превосходство США, и на саммите констатировали изменения во власти, но не трансцендентность. Были созданы условия, которые впоследствии привели к взрыву в Украине в 2014 г. Страны, бывшие вынужденными союзниками СССР, позже стали самыми яркими сторонниками атлантизма, что усиливало политический блок и помогало Западу одержать победу. Превосходство Запада в складывающейся после окончания холодной войны асимметрии было очевидным, несмотря на попытки подсластить пилюлю для России. Некоторые «подсластители», такие как создание Совета Россия — НАТО, были ничем иным как попустительством и продемонстрировали неспособность Запада воспользоваться плодами своей победы.

Во-вторых, соглашения на Мальте были основаны на Хельсинском заключительном акте от августа 1975 г. и закреплены в «Парижской хартии для Новой Европы» в декабре 1990 г.. Встреча в Хельсинки подтвердила ялтинские постулаты, границы, установленные в 1945 г. и рамки построения отношений между великими державами. В то же время хельсинская «третья корзина» защиты прав человека обеспечила механизм трансцендентности Ялты. Парадокс состоял в том, что Хельсинки выработали метод трансцендентности Ялты, который сам служил орудием разрушения международных отношений, сложившихся после холодной войны. В своем фундаментальном исследовании межвоенных лет Е. Х. Карр утверждает, что смесь идеализма и реализма оказалась фатальной, так как мешала традиционной дипломатии реально оценить последствия применения сил. Пока Советский Союз и Россия одобряют принципы, закреплён-

Образы мирового порядка после холодной войны

ные Парижской Хартией, инструментальное и избирательное применение этих принципов доминирующими странами для достижения своего геополитического преимущества создает ситуацию, в которой нормальные дипломатические отношения между государствами искажаются применением нормативных программ. В эндемическом противостоянии между сторонниками смены режима и сторонниками равновесия сил сторонники смены власти одержали верх [3]. Это не означает, что справедливость должна быть частью международных отношений, но должно быть стремление к достижению взаимных интересов. История не знает примеров «этичной внешней политики», проводимой последовательно и постоянно каким-либо государством. Программа радикализации демократии и прав человека государствами Атлантики спровоцировала ряд защитных реакций со стороны России, что в итоге ослабило демократический импульс. Идея «суверенной демократии» была одним из проявлений поиска устойчивого равновесия между адаптацией к международным нормам и поиском аутентичной национальной традиции для поддержания посткоммунистического политического порядка. В общих чертах, это вариант извечной борьбы между просвещенным универсализмом и нативистским партикуляризмом.

Третьим определяющим фактором установления холодного мира и его неизбежного перерождения в маленькую холодную войну стала неспособность Европы обрести независимую политическую субъективность. Обращаясь к Совету Европы в Страсбурге 6 июля 1989 г., Горбачёв представил свою идею «общего европейского дома», а вместе с ней и другое видение Европы после холодной войны. Сейчас эта программа известна под названием «Великая Европа», и суть ее заключается в достижении геополитического и нормативного плюрализма в Европе. Горбачёв ярко и убедительно доказывал, что различные системы могут мирно сосуществовать. В этой речи и далее Горбачёв утверждал

трансцендентность и Ялты, и Мальты. Он выступал за международные отношения в Европе, которые защищают интересы как малых, так и крупных государств. Речь шла о многополярной Европе, разной и открытой для экспериментов. Вместо этого Европейский Союз (ЕС) заявил о том, что является единственным легитимным голосом Европы в партнерстве с более специализированными Советом Европы и ОБСЕ, что положило начало проекту Большой Европы как части расширенного Атлантического сообщества. Так складывалось монистическое видение Европы, которую до недавнего времени нельзя было даже представить себе как устойчивое альтернативное политическое сообщество. Также как либерализм не мог допустить никакой альтернативы своей собственной гегемонии после холодной войны и тем самым разрушить свою же либеральность, так и Атлантическое сообщество оказалось неспособным найти соответствующую форму взаимодействия с аутсайдерами. Исходным явилось предположение о том, что разрешение проблемы в одном историческом контексте является универсальным применительно ко всем другим. Даже если бы руководство России приняло эти теоретические постулаты (как оно делало в большинстве случаев во времена Ельцина), факт того, что исторические проблемы территориального единства, безопасного сотрудничества, экономической модернизации и международной интеграции все еще не были решены, означал, что напряженности, если не конфликта, избежать было бы невозможно.

Четвертый фактор в этом далеко не конечном списке — неудача России в области взаимодействия со своими соседями. Предпринималось множество попыток создать институт евразийской интеграции в годы после холодной войны, но лишь на третьем сроке Путина это стало приоритетом и привело к созданию Евразийского Экономического Союза 1 января 2015 г. Сущностью холодного мира была бесконечная борьба между великими державами (включая ЕС, хотя ЕС долго отрицал

ответственность за последствия своих действий) за влияние в постсоветской Европе. Последним стратегическим ходом России была осознанная попытка оторвать Украину от экономики и сферы безопасности Москвы. Слова Збигнева Бжезинского, возможно, не очень известного на Западе, в его выступлении в 1994 г. о том, что «нельзя в достаточной мере подчеркнуть, что без Украины Россия перестает быть империей, но подкупая и подчиняя Украину, Россия автоматически становится империей», стали мантрой для российской элиты, и не в лучшем смысле [4]. Российская интервенция в Украину в 2014 г., включая присоединение Крыма и поддержку восстания на Донбассе, была воспринята Западом как жесткий вызов системе международного права. Тем не менее, со стороны Кремля, и, стоит отметить, с точки зрения подавляющего большинства россиян, борьба за Украину — это отчаянный последний шаг на пути к защите интересов России, а также нового видения судьбы Европы, провозглашенной Горбачёвым в последние дни холодной войны. Путинская Россия невероятно консервативна изнутри, а ее международные дела считаются защитой статус-кво, которому угрожает так называемый западный ревизионизм, постоянно демонстрирующий свою готовность к смене режима по своему усмотрению идвигающий свои системы безопасности все ближе к границам России. Конфликт в Украине — дитя холодного мира. Несмотря на то, что в украинской государственной модели развития заложены глубокие внутренние противоречия, они не приобрели бы столь катастрофические формы, если бы геополитические вопросы по окончании холодной войны были решены. Аналогично, несмотря на хрупкое перемирие в Украине в рамках Минских соглашений, устойчивый мир невозможен, пока Минский мир не станет частью более широкого Европейского и мирового регулирования.

Мы 25 лет жили в мире, регулируемом Ялтой, а затем еще 25 лет в мире, регулируемом Мальтой. Однако Украинский кризис

ясно показал, что основные вопросы безопасности Европы остались нерешенными. Запад жил в мире, где время остановилось: миф о его победе в холодной войне лежал в основе современного мирового порядка. Горбачёв понимал, куда все это ведет, и после его вынужденной отставки в 1991 г., неоднократно сетовал на такой исход. В своей речи 8 ноября 2014 г. на праздновании 25-летия падения Берлинской стены, он упомянул, что «вместо того, чтобы создавать новые механизмы и институты европейской безопасности и проводить демилитаризацию европейской политики ... Запад и, в частности, США, объявили о победе в холодной войне» [5]. Именно по этой причине он в целом поддержал политику Путина в отношении Украины в 2014 г. Холодный мир всегда был заряжен внутренними конфликтами, которые лишь сейчас вышли наружу.

Политика трансцендентности: в сторону новой европейской системы безопасности

Если мы хотим проложить путь к стабильности в Европе, мы должны развеять мифы о 25 годах холодного мира, помня об угрозе маленькой холодной войны. Сейчас Европа столкнулась с опасностью создания нового железного занавеса, на этот раз от Нарвы на Балтике до Мариуполя на Азовском море. С одной стороны, будет создано новое военное Атлантическое военное сообщество, в которое ЕС вынуждено будет войти в случае возникновения реальной угрозы его существованию. С другой стороны, Россия уже становится частью различных интеграционных проектов в Евразии, а Большая Азия в настоящий момент набирает вес. Вместо Большой Европы, простирающейся от Лиссабона до Владивостока, расширяется и постоянно набирает вес Большая Азия, протянувшаяся от Бреста до Пекина. Ставки не могут быть выше. Основы европейской и мировой безопасности должны быть пересмотрены.

Образы мирового порядка после холодной войны

Чтобы выйти из тупика, следует прояснить ряд основополагающих постулатов и придать им процессуальную и институциональную форму. С процессуальной точки зрения это подразумевает возобновление диалога и взаимодействия. В институциональном плане это означает создание органов, которые смогут сохранить и вдохнуть новую жизнь в «Новую Европу», предложенную в 1990 г. Необходимо начать с потенциальных нормативных основ пересмотренной европейской системы безопасности. Три основных принципа можно указать в качестве основополагающих.

1. Принцип равенства. Любая стратегия взаимодействия, основанная на трансформационной динамике европейских международных отношений, сталкивается со значительными трудностями. Не последнее место среди них занимает бытующее среди атлантических держав мнение о том, что Россия не является равной в политическом смысле (сейчас похожая ситуация наблюдается с Китаем). Безусловно, ресурсы Атлантического альянса и ресурсы России и ее союзников несоизмеримы. Тем не менее, существует паритет в ядерной области, а на дипломатическом уровне Россия является постоянным членом СБ ООН, равным с четырьмя другими, что определенно раздражает некоторых. Однако система ООН, как творение Ялты 1945 г, поощряет геополитический и идеологический плюрализм. Равенство также предполагает политическое сообщество, в котором оно должно осуществляться, и, однозначно, не может быть и речи о возвращении политических блоков и жесткого разделения сфер влияния ялтинского периода. Тем не менее, часть дискуссий на тему равенства должна быть о равной безопасности для всех. Попытка достичь безопасности одного не может осуществляться за счет безопасности других. Холодный мир в конце концов развалился из-за обострившихся проблем обеспечения безопасности. Атлантические державы настаивают на том, что НАТО не представляет угрозы для России. Тем не менее, Рос-

сия не зря опасается того, что организация, служившая в лучшие годы после холодной войны благоприятным союзником, в определенных условиях может превратиться в реальную угрозу, особенно после того, как некоторые ее члены из Восточной Европы избрали метод обвинений и обид. Нужен новый способ примирения, как тот, что успешно объединил Францию и Германию после Второй мировой войны.

2. Принцип трансцендентности. В декабре 1989 г. Горбачёв прибыл на Мальту, полагая, что не только холодную войну, но и всю логику противостояния великих держав можно преодолеть. До сих пор для России это остается главным мифом, связанным с мировым порядком, установившимся после холодной войны. Американская сторона лишь зафиксировала изменение баланса сил и переход инициативы на сторону Запада. Отсюда возникает разное восприятие (противоположные мифологии) окончания холодной войны, возникновения холодного мира и его последующего перерождения в малую холодную войну. В годы холодного мира активно поддерживались институты и практики, которые позволили Западу победить в холодной войне, и порыв к трансцендентности, столь желаемой в конце 1980-х, угас. В настоящий момент наблюдаются изменения в ряде европейских стран, в том числе вызванные глубинными внутренними процессами, а также связанные с формированием элит, выражающих недовольство напряжением, постоянно генерируемым сторонниками атлантизма.

3. Принцип плюрализма. Во времена холодного мира шла постоянная борьба между структурным и системным подходами к международным отношениям, сложившимся после холодной войны. Структурный подход реалистичен, основан на геополитическом восприятии угрозы и необходимости защиты территории. Другими словами, реализм в том, как отдельные частности взаимодействуют и создают международный порядок, основанный на балансе интересов и власти. Системный

подход апеллирует к нормам и ценностям, и в период после холодной войны (как и в межвоенные годы) проявляется в применении универсальных норм и идеалов. Когда эти нормы радикализуются до «трансдемократической» программы смены режима посредством цветных революций и военных интервенций, как это было в 2000-х, наступает стадия конфликта. Возникает проблема, как примирить обязательные универсальные принципы со всеми их частностями, которые лежат в основе системы ООН. Задача состоит в том, чтобы адаптировать частности к общему, и наоборот.

Существуют фундаментальные разногласия между сторонниками гегемонистической и плюралистической системами мировой стабильности. В годы холодного мира США внесли существенный вклад в сглаживание потенциальных конфликтов в Европе и в Азии. Их военная мощь, либеральная идеология, наличие институтов мирового управления обеспечили многим странам необходимые условия для развития и процветания в относительно мирных условиях. Но это было перемирие в холодной войне — холодный мир, описанный ранее — как в Атлантике, так и в Тихоокеанском регионе. Американский альянс, возникший в годы холодной войны, остается основой мирового порядка, но это система, основанная на политике включения и исключения. Политика трансцендентности основывается на принципах равенства и плюрализма.

Как же выглядит политика трансцендентности?

Во-первых, необходимо пересмотреть представления об угрозе не только основным государствам, но и соседям России. Понятие угрозы должно быть не только контекстным, но и «историческим». Под «историческим» я понимаю попытку понять не только конкретный контекст, но и общую картину исторических изменений и струк-

туру международной политики в данный конкретный момент. Представляет ли Россия угрозу ее соседям и нынешней системе международного права, как об этом заявляют ее критики? Я считаю, что Россия далека от того, чтобы быть ревизионистской державой сегодня — она, скорее, «неоревизионистская». Под этим я имею в виду то, что Россия не бросает вызов системе международного права и управления (от которой она много выиграла), но становится критичной в отношении практики и очевидного плохого отношения к ней со стороны держав-«гегемонов». Ревизионистским стал Запад в том, что касается России. Опять же Россия осуждает не сами принципы международного права и управления, а практики, которые сопровождают их реализацию.

Во-вторых, следует определить природу «выбора» в геополитической среде после холодной войны. Для некоторых это стало священным шибболетом, но в некотором роде дебаты приобретают уровень постмодернистской свободы. Идея о том, что свобода предполагает отсутствие ограничений и открывает бесконечное множество «опций», абсурдна, но именно она получила значительную популярность сегодня. Быть свободным от ограничений — значит не иметь основы для выбора. Какой выбор был доступен странам после распада первоначальной Ялтинской системы? Хельсинки сначала подтвердили Ялту, а затем превзошли ее; но, как показала Мальта, трансцендентность была в большинстве случаев частичной и не дала дорогу креативным формам взаимодействия. И несмотря на то, что география не определяет судьбу, физические ограничения для конструирования социальной реальности существуют.

В-третьих, следует провести исследование того, чем стал Запад. Запад традиционно представлял собой цивилизационный комплекс, охватывающий множество стран, которые географически отдалены от Востока, в частности от Японии. Возможно, обсуждая европейскую безопасность,

Образы мирового порядка после холодной войны

более логично говорить об Атлантическом сообществе, чем о Западе. Это сообщество, которое не только выжило и процветало, а сегодня приобретает большое разнообразие в рамках формы, которую я называю новым Атлантизмом. Советский Союз ушел, а НАТО спустя 25 лет после выхода из зоны, возвращается, чтобы решать задачи, ради которых он был создан, а именно, для «сдерживания» России. Возрожденный атлантизм — это интеллектуальная основа для новой конфронтации с Россией, с попытками ввести «дисциплину блоков» времен холодной войны, применением

санкций, а также сопутствующей пропагандистской работой, вплоть до возвращения к традициям маккартизма.

Четвертое, но далеко не последнее — необходимо предпринять определенные усилия, чтобы найти процессы и институты, которые помогут сформировать новую политику примирения. Нынешний кризис был спровоцирован не существованием различных мировоззрений, а их политизацией и неспособностью найти способ примирения, избежать губительные последствия их столкновений. Вот та задача, которая стоит перед нами сегодня.

Литература

1. *Stephen F. Cohen* Soviet Fates and Lost Alternatives: From Stalinism to the New Cold War (New York, Columbia University Press, 2009), and in particular Chapter 7, 'Who Lost the Post-Soviet Peace?'. — P. 162–198. [Стивен Ф. Кохен. Судьба Советов и упущенные альтернативы: от сталинизма к новой холодной войне. — Нью-Йорк: Columbia University Press, 2009, глава 7 «Кто потерял советский мир?». — С. 162–198].
2. *Brown A.* The Gorbachev Revolution and the End of the Cold War // Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad (eds) The Cambridge History of the Cold War, Vol. 3, Endings (Cambridge, Cambridge University Press, 2010), Chapter 10. — P. 224–266. [Арчи Браун. Революция Горбачёва и конец холодной войны // Мелвин П. Леффер, Одд Арн Вестад. Кембриджская история холодной войны. — Кембридж: Кембридж Юниверсити Пресс, 2010. — Т. 3 «Окончание», глава 10. — С. 224–266].
3. *James M. Goldgeier* and Michael McFaul, Power and Purpose: US Policy Toward Russia after the Cold War (Washington, DC, Brookings Institution, 2003). [Джеймс М. Голджиер, Майкл Макфол. Власть и цель: политика США в отношении России после холодной войны. — Вашингтон, округ Колумбия, Брукингский Институт, 2003].
4. *Brzezinski Z.* The Premature Partnership // Foreign Affairs, Vol. 73. — № 2, March-April 1994 — P. 80. [Бжезинский. З. Недозрелое партнерство // Foreign Affairs. — Т. 73. — № 2. — Март — апрель 1994. — С. 80].
5. *Gorbachev M.* Speech for 25th Anniversary of the Fall of the Wall. 8 November 2014 // Russia in Global Affairs, 12 November 2014; available at URL: <http://eng.globalaffairs.ru/book/Gorbachevs-full-speech-during-the-celebrations-of-the-25th-Anniversary-of-the-Fall-of-the-Berlin-Wal>. [Горбачёв М. Речь на праздновании 25-й годовщины падения Берлинской стены. 8 ноября 2014. Россия в мировой политике, 12 ноября 2014, полная версия доступна по ссылке: <http://eng.globalaffairs.ru/book/Gorbachevs-full-speech-during-the-celebrations-of-the-25th-Anniversary-of-the-Fall-of-the-Berlin-Wal>].

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

Аннотация. В статье исследуются политические аспекты формирования полицентричного мира на современном этапе, рассматриваются представления о новой полицентричности в международно-политических дискурсах России, США и Европейского союза, анализируется ситуация обострения глобальной геополитической, геоэкономической и информационной конкуренции между этими международно-политическими акторами. Автор приходит к выводу, что политика конкуренции ключевых акторов мировой политики, реализующая себя в стратегиях «гибридных войн» и контрстратегиях, становится долгосрочным фактором мирополитической динамики, способным оказывать существенное воздействие на трансформацию миропорядка, усиливая его полицентричность.

Ключевые слова: полицентричный мир, «гибридные войны», стратегия, дискурс.

Автор

Столетов Олег Владимирович,

кандидат политических наук,
старший преподаватель
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Формирование полицентричного мира происходит на фоне разворачивающихся дискуссий о конкретном оформлении будущего миропорядка. Все большее количество исследователей в России и за рубежом говорят о тенденции эрозии гегемонии как способа организации международных отношений. Одни исследователи рассматривают отмирание гегемонии преимущественно как результат развития и взаимодействия двух процессов —

уменьшения относительной мощи США и увеличения экономического и политического веса развивающихся стран [4], другие обращают внимание на объективную невозможность «единоличного» доминирования в условиях обострения глобальных проблем и возникновения качественно новых вызовов [10].

В данной статье представляется важным рассмотреть политические проблемы формирования новой полицентричности в контексте актуальных мирополитических

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

тических трендов, а также проанализировать представления относительно становления полицентричного мира на уровне международно-политических дискурсов ключевых международно-политических акторов. Проведение такого исследования позволит лучше понять условия, в рамках которых оформляется новая полицентричность, выявить ее специфические черты.

Формирование полицентричности на современном этапе реализует себя в условиях качественных изменений глобальной геополитической и геоэкономической ситуации. Многоаспектное взаимовлияние глобализации и регионализации способствует формированию интеграционных и квазиинтеграционных систем, характеризующихся специфическим институциональным и дипломатическим дизайном, представленным новыми экономическими международными организациями и соглашениями (Евразийский экономический союз, Транстихоокеанское партнерство, «Экономический пояс Шелкового пути»), а также неформальными межгосударственными объединениями (БРИКС, группа «Друзья Сирии»).

Ряд отечественных исследователей, характеризуя специфику становящейся полицентричности мира, обращает внимание, что сегодняшние центры силы не равновелики. Асимметрия и многомерность новой полицентричности вызваны тем, что, во-первых, наряду с ведущими центрами влияния появляются претенденты на лидерство, второстепенные, а также маргинальные центры силы [5], во-вторых, эти центры имеют различное общественное устройство, которое, кроме того, во многих аспектах еще не устоялось [1], и, в-третьих, в современном мире существенно расширяется спектр инструментов, посредством которых центры силы способны воздействовать друг на друга. Значительную роль в интенсификации этого процесса играет развитие науки и технологий.

Иллюстрируя представленный выше тезис, американский исследователь А. Ачария сравнивает современный мир с кинотеатром-мультиплексом, в котором в нескольких залах в одно и то же время идут разные фильмы — с разными сюжетами и актерами [20]. В рамках данного процесса происходит расширение количества влиятельных международно-политических участников, характеризующихся асимметрией возможностей. В этих условиях две основные составляющие международных отношений и мировой политики, а именно сотрудничество и конкуренция, проявляют себя все более многообразно и многомерно, охватывают сферы военного, экономического, научного, технологического, гуманитарного взаимодействия.

Значимым трендом, влияющим на динамику формирования полицентричного мира, является существенное политическое размежевание между Россией и США, а также их союзниками по НАТО и Европейскому союзу. Наиболее рельефную форму это размежевание приняло после произошедшего на Украине зимой 2014 г. государственного переворота. Показательна в данном случае новая Стратегия национальной безопасности США, утвержденная в феврале 2015 г. [28]. Отечественный исследователь С. М. Рогов отмечает, что в Стратегии Россия упоминается 15 раз — больше, чем любая другая страна. В документе 9 раз используется формулировка «агрессия России», более чем трижды говорится о необходимости «сдерживать Россию». Лишь в одном месте упоминается возможность американо-российского сотрудничества, которое, однако, станет возможно лишь в том случае, если Россия изменит свой политический курс [12]. При этом следует сказать, что следующая существенная в мировом масштабе линия размежевания, которая сегодня носит скорее латентный характер, но в перспективе может проявить себя более явно, относится к отношениям США и Китая [30].

Важно отметить, что двумя державами, которые наиболее активно и последовательно выступают в поддержке формирования полицентричного мира, являются именно Россия и Китай. Задача содействия формированию полицентричного мира на международно-политическом уровне была впервые сформулирована в Декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка, подписанной Россией и Китаем 23 апреля 1997 г. [15]. Впоследствии приверженность двух стран формированию многополюсного мира и нового международного порядка была подтверждена в Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной 1 июля 2005 г. [17]. Установка на активную работу в пользу построения полицентричной демократической системы международных отношений содержится в утвержденной в 2015 г. Стратегии развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. [18].

Полицентричность в международно-политическом дискурсе

Рассмотрим представления о новой полицентричности на уровне международно-политических дискурсов России, США и Европейского союза. Выбор указанных международных акторов обусловлен тем, что именно Россия, с одной стороны, и Соединенные Штаты и их западные союзники, объединенные в НАТО и ЕС, с другой стороны, в настоящее время находятся на острие политических дискуссий о настоящем и будущем миропорядка.

Россия рассматривает формирование полицентричного мира как движение в сторону демократизации международно-политических решений на глобальном уровне. Становление демократического миропорядка связывается с получением более равноправного доступа развивающихся, ответственных государств к пре-

имуществам глобализации и развитием механизмов, способных защитить участников международного сообщества от ее негативных последствий [3].

Концепция внешней политики России 2000 г. фиксирует положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов» [8]. В Концепции внешней политики России 2008 г. «нарождающаяся многополярность» рассматривается в качестве одной из «фундаментальных тенденций современного развития» [9]. В Концепции внешней политики 2013 г., а также Стратегии национальной безопасности 2015 г. указывается на то, что полицентричный мир находится в стадии своего становления. Из документов следует, что в процессе формирования новой полицентричной модели мироустройства происходит обострение противоречий, связанных с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями. Анализ российских стратегических документов показывает, что современный этап мирового развития понимается как переходный период [6], в рамках которого возникают ранее неизвестные коллизии и риски, но одновременно формируются новые основания для сотрудничества центров силы [16]. Кроме того, мы видим, что Россия в официальных документах постепенно уходит от термина «многополярность», заменяя его концептом «полицентричность». Эта же тенденция характерна и для научной составляющей российского международно-политического дискурса. В фундаментальной монографии «Россия в полицентричном мире», изданной под редакцией А. А. Дынкина и Н. И. Иванова, указывается, что понятие «многополярность» некорректно, так как сама по себе полярность предполагает исключитель-

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

но противостояние полюсов и собственно их бинарную оппозицию [14].

Для того, чтобы лучше осмыслить, что собой представляет формирование полицентричного мира с российской точки зрения, необходимо понять, чему оно приходит на смену. Важно, в частности, отметить, что авторитетный российский исследователь-международник Е. М. Примаков признавал, что цель искусственного конструирования однополярного мироустройства лежала в основе ряда идеологических построений, политических и военных акций, однако отвергал факт существования однополярного мира в качестве исторической реальности [11]. Другой видный исследователь А. Д. Богатуров для характеристики мирового порядка 1990-х гг. ввел в научный оборот термин «полутораполярность» [2]. В данном случае подчеркивался военно-стратегический паритет между США и Россией при кардинальном несовпадении возможностей по другим составляющим совокупного потенциала. Выступая на пленарном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 2015 г., В. В. Путин заявил, что современный мир скорее следует считать бесполярным, так как власть в нем чрезвычайно рассеяна. Данный тезис предполагает ссылку на концепцию Р. Хааса, согласно которой основной чертой XXI столетия станет бесполярность, то есть мирополитическая ситуация, при которой оказывать различное, но существенное влияние на положение дел в мире будут десятки акторов. Приведенные выше примеры позволяют говорить о том, что в российском международно-политическом дискурсе решается задача деконструкции искусственно жесткого противопоставления однополярности и многополярности в качестве альтернатив мирового развития. Нам представляется, что в выступлении Президента В. В. Путина подводится своеобразная черта в дискуссии о форме полярности нынешнего и будущего мира. Формирование новой полицентрично-

сти, о которой говорится как в официальных российских стратегических документах, так и в международных документах ключевых для России международных объединений, как нам представляется, вполне может быть сопряжено с ситуацией бесполярного мира.

Отечественные исследователи, рассматривающие перспективы динамики становления полицентричного мира, подчеркивают, что сценарий противостояния альянсов так называемых «авторитарных» и «демократических» центров силы, о вероятности которого говорят некоторые зарубежные исследователи [26], объективно не может лечь в основу новой системной конфронтации, аналогичной тому идеологическому противостоянию, которое имело место в период Холодной войны. Нарастание межцивилизационных противоречий, принимающее форму межкультурных, межрелигиозных и межэтнических конфликтов, в том числе, вооруженных, способно подорвать стабильность отдельных центров силы, однако с малой долей вероятности способно стать основой для полномасштабной глобальной конфронтации, так как внутренние структуры самих цивилизационных идентичностей слишком сложны и противоречивы [7]. Нарастание конфликтности в мировой политике российские исследователи связывают не с «возвышением» новых центров силы, а с агрессивным нежеланием Соединенных Штатов и их союзников отнестись к этому процессу как к объективному и неизбежному.

Нарастание глобальной турбулентности позволяет российским экспертам говорить о том, что возможность военного конфликта между великими державами сегодня перестает быть гипотетической и становится реальной. Однако следующий российский тезис состоит в том, что рост конфронтационности создает объективный запрос на выработку эффективных международных механизмов разрешения потенциальных кризисов. Предпола-

гается, что узкий коридор для сотрудничества постепенно будет расширяться. Встречаются авторитетные исследования, в которых утверждается, что уже в ближайшие годы Россия, США, Евросоюз и Китай будут вынуждены предпринимать совместные усилия, направленные на стабилизацию и мирное разрешение кризисов и конфликтов в зоне глобальной нестабильности, простирающейся от «Большого Ближнего Востока» и до Пакистана. Иные сценарии позиционируются в свете негативных последствий для Соединенных Штатов и их западных союзников. Первый негативный сценарий предполагает формирование системной конфронтации между Китаем, Россией и их союзниками, с одной стороны, и США, а также их европейскими и азиатскими союзниками, с другой стороны. В этом случае США придется чрезмерно перенапрячься. Второй сценарий предполагает дальнейшее сдерживание и частичную изоляцию России, а также усиление конфронтации России с США. В условиях данного сценария будет происходить расширение влияния третьих игроков, в частности, Китая, Индии и других региональных держав, которые будут извлекать выгоды из этого противостояния и усиливать свои позиции в Евразии и в мире в ущерб интересам самих Соединенных Штатов [21].

Для американского международно-политического дискурса использование концепта «полицентричный мир», как и термина «многополярный мир», не характерно. Показательно, что эти понятия не встречаются ни в американской Стратегии национальной безопасности 2015 г., ни в Послании Б. Обамы Конгрессу США 2016 г. [32]. Формирующийся мир определяется Соединенными Штатами как мир изменений, связанный с усилением «восходящих держав», создающий угрозы США и их союзникам. Новый мир, с американской точки зрения, — это, в первую очередь, мир турбулентности и конфликтов. Непредсказуемость и угрожаемость формирующегося нового мира

постоянно подчеркивается в докладах ведущих «мозговых центров» Соединенных Штатов [22]. В целом, США делают акцент не столько на формирующейся полицентричности мира, сколько на своей особой роли как мирового лидера в новых условиях.

Европейские исследователи в последние годы начали рассматривать Европейский союз как центр глобального влияния. Ими отмечалось, что центрами силы будущего мира станут не отдельные государства, но межгосударственные объединения и указывалось на то, что Евросоюз является наиболее успешным примером регионализма. Сегодня, когда происходит обострение международной напряженности, европейскими аналитиками признается, что ЕС плохо подготовлен к тому, чтобы эффективно справляться с турбулентностью. Об этом, в частности, говорит неспособность Евросоюза решить внутренние социально-экономические проблемы, а также урегулировать конфликты на своих границах [29]. Такая ситуация объективно сковывает свободу маневра ЕС.

Европейские эксперты в прогностическом докладе межинституциональной группы Европейского Союза European Strategy and Policy Analysis System (ESPAS) «Global Trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead?» в числе «большой тройки» ведущих экономик будущего мира называют США, Евросоюз и Китай [24]. Перспективы будущего ЕС авторы доклада связывают с положительным завершением американско-европейских переговоров о формировании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства с последующим подключением к нему Китая. На уровне практической политики и политического дискурса Евросоюз, будучи союзником США, также демонстрирует желание развивать долгосрочные отношения с Китаем. В мае 2015 г. в ходе стратегического диалога ЕС — КНР, проходившего в Пекине, верховный представитель ЕС по

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини заявила о том, что стороны переговоров являются «истинными стратегическими партнерами». По итогам 17-го саммита ЕС — Китай, состоявшегося в июне 2015 г., было принято совместное заявление, в соответствии с которым стороны выступили в поддержку обеспечения взаимодействия по линии китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути» и Европейского фонда стратегических инвестиций.

Полицентричный мир и «гибридные войны»

Современное мировое политическое пространство осмысливается многими ведущими российскими и зарубежными политологами как пространство глобальной геополитической, геоэкономической, а также информационной конкуренции между ведущими международно-политическими акторами, приобретающей все более острую форму. Наиболее конфликтной формой проявления этой конкуренции сегодня выступают так называемые «гибридные войны».

Вокруг понятия «гибридная война» в современной международно-политической науке протекают весьма оживленные споры. Одни исследователи считают, что в рамках данного концепта нашел свое определение качественно новый феномен мировой политики. Другие полагают, что гибридный характер в той или иной степени был присущ войнам на протяжении всей истории международно-политических конфликтов.

Согласно исследованиям американских военных теоретиков, «гибридная война» — современная версия войны как вооруженной борьбы. Комбинированный характер «гибридных войн» обусловлен тем, что классическое военное насилие в них сочетается с иррегулярными формами противостояния, в частности, террористической деятельностью, киберне-

тическими атаками, экономическими и дипломатическими санкциями, информационными диверсиями, другими составляющими деструктивного воздействия. Возможность противостояния в современных конфликтах в физическом, информационном, кибернетическом, культурном, когнитивном пространствах также способствовала появлению термина, адекватно отражающего пространственную многомерность современной войны.

Гибридизации современной войны способствует ряд объективных факторов, к числу которых относятся международно-правовой запрет на ведение агрессивных войн, наличие ядерного оружия у великих держав, размывание государственного суверенитета, расширение нелегального рынка оружия, рост числа экстремистских террористических организаций, а также кризис традиционной модели мирового лидерства и присущих ей форм мирорегулирования.

«Гибридные войны», как правило, ведет своеобразный симбиотический субъект. Наряду с негосударственными участниками, он включает в себя государства, действующие либо напрямую (посредством давления), либо в качестве открытых или тайных спонсоров [23]. Негосударственными участниками и проводниками «гибридных войн» могут быть средства массовой информации, террористические организации, вооруженные экстремистские группировки, радикальная политическая оппозиция, повстанческие военизированные структуры. В «гибридной войне» могут быть задействованы финансово-экономические организации, участвующие в политике экономических санкций, специальные службы, олигархические группы, националистические и псевдорелигиозные структуры. Формирование сложной конфигурации акторов и участников «гибридной войны» позволяет рассматривать данный феномен как непрямую и необъявленную войну без явного субъекта (единого центра контроля). Ведение «гибридной войны» позволяет

государствам избегать ответственности, так как данная форма противостояния осуществляется вне существующих норм и правил, выработанных государствами и для государств. Объединение этих составляющих позволяет эффективно подрывать стабильность внутри того или иного государства, противостоять попыткам данного государства проводить самостоятельный внешнеполитический курс. В некоторых случаях «гибридные войны» могут провоцировать вооруженные конфликты внутри государств, в их пограничных зонах, либо создавать предпосылки для их развязывания в будущем.

В настоящее время геополитическая и геоэкономическая значимость ключевых регионов мира, в первую очередь, Евразии и Северной Африки, способствует их превращению в пространство, где мирополитическая конфронтационность все чаще достигает уровня «гибридной войны». В этих условиях в современной мировой политике реализуются контрстратегии, не только противодействующие войнам нового типа, но и продвигающие конструктивные формы совместного развития [19].

Американские политики и военные обвиняют в ведении «гибридных войн» Россию, Китай, Иран, КНДР, радикальные исламистские организации, действующие на Ближнем Востоке и в Африке (Талибан, Аль-Каида, Исламское государство), а также транснациональные преступные организации, подпитываемые мигрантами из слаборазвитых регионов, в частности из Центральной Америки [34]. Проявления «гибридной войны» в стратегии Ирана связываются Соединенными Штатами с его поддержкой военных действий организации Хезболла на территории Ливана и Сирии. В качестве «гибридной войны» позиционируется политика КНР по продвижению своих интересов в Южно-Китайском море, в рамках которой актуализируются его давние территориальные споры с рядом приграничных государств Юго-Восточ-

ной Азии. Россия обвиняется в ведении «гибридной войны» в Украине, переживающей политический кризис, в странах Центральной и Восточной Европы, зависящих от российских энергоресурсов. Таким образом, концепция «гибридных войн» позволяет США характеризовать определенные, неприемлемые для себя действия усиливающихся государств как агрессию и приравнять эти действия, в том числе, в официальных политических заявлениях, к новой форме войны.

Американскими военными теоретиками формулируется идея о необходимости реализации глобальной стратегии сдерживания акторов, ведущих «гибридные войны». Ответом на войны нового типа должно стать расширение сотрудничества военных и гражданских ведомств и структур, формирующих национальную мощь США. В качестве важнейшего ресурса противодействия «гибридным войнам» позиционируется НАТО, динамично развивающий внутренние сетевые связи. При этом отмечается, что усилий только Североатлантического альянса, обладающего «жесткой силой», для противодействия «гибридным угрозам» сегодня недостаточно. Кооперация с Евросоюзом, владеющим «мягкой силой», должна помочь НАТО компенсировать нехватку невоенных инструментов противодействия новым вызовам. Таким образом, задача противостояния «гибридным угрозам» ставится военными теоретиками США не только перед самими Соединенными Штатами, но и всем сообществом стран Запада [27]. В целом, данная стратегия отвечает официальной цели обеспечения благоприятного для американского лидерства баланса сил в критически значимых регионах мира [25].

«Фабрики мысли» Европейского союза сегодня активно анализируют феномен «гибридных угроз». В обвинениях в отношении России и других незападных государств в ведении «гибридных войн» эксперты и политики Евросоюза более осторожны. Встречаются публикации, в кото-

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

рых указывается на то, что «гибридная» тактика в истории применялась, в том числе, и самими Соединенными Штатами. В частности, это относится к периоду противостояния Советскому Союзу в Афганистане в 1980-е гг. [31]. На официальном уровне политики ЕС не склонны обвинять Россию в «гибридной войне», однако на уровне ведущих средств массовой информации крупнейших европейских стран, в частности Германии, такого рода обвинения регулярно имеют место [35].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2015 г., говорится о том, что США и их союзники стремятся сохранить свое доминирование в мировых делах и потому противодействуют проведению Россией самостоятельной внутренней и внешней политики. В документе утверждается, что проводимая Соединенными Штатами политика сдерживания предусматривает оказание политического, экономического, военного и информационного давления на Россию [13]. Указанный тезис объясняется рядом обстоятельств, в которых оказалась современная Россия. В первую очередь, существенное снижение безопасности России произошло в результате политического кризиса в Украине и наступивших за ним последствий. Неурегулированность внутривосточной ситуации на Украине на фоне обострения конфликтности в российско-украинских отношениях послужила поводом для усиления политического и экономического давления США и их союзников на Россию, активизации военной деятельности блока НАТО вблизи российских границ. Фактически продолжающиеся, хотя и с меньшей интенсивностью, боевые действия на территории Донбасса создают условия для дестабилизации си-

туации на российско-украинской границе. В целях недопущения полномасштабной эскалации данного конфликта Россия выступает в поддержку минского переговорного процесса.

Происходящее параллельно перманентное возрастание угроз со стороны радикальных исламистских группировок, в первую очередь, Исламского государства, Джибхат ан-Нусра и Аль-Каиды, распространяющих свое влияние не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Евразии, а также в Северной Африке, подтолкнуло Россию в сентябре 2015 г. к началу антитеррористической операции в Сирии. Благодаря усилиям российской дипломатии России и США удалось достичь соглашения о перемирии в Сирии, предусматривающего введение режима прекращения огня с 27 февраля 2016 г. Данное соглашение было поддержано резолюцией Совета Безопасности ООН [33].

Таким образом, политическая конкуренция международных акторов, все чаще реализующая себя в стратегиях «гибридных войн» и контрстратегиях, становится долгосрочным фактором мирополитической динамики и оказывает существенное воздействие на трансформацию миропорядка, усиливая его полицентричность. Актуализация этих стратегий объективно способствует росту прагматизма в мировой политике при этом существенно повышает международно-политические риски. В этих условиях объективно возрастает потребность в формировании нового качества глобального лидерства, способного вырабатывать коллективные подходы и реализовывать мероприятия, дающие своевременные и эффективные ответы на наиболее значительные опасности и угрозы.

Литература

1. Арбатов А. Г. Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. — 2014. — Т. 12. — № 4. — С. 16–31. — URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporyadka-16918> (дата обращения: 10.05.2016).

2. Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995) // М.: Конверт — МОНФ, 1997. — 353 с.
3. Богатуров А. Д., Фененко А. В. Кризис стратегии «навязанного консенсуса» // Свободная мысль. — 2008. — № 11. — <http://mgimo.ru/files/73144/bced5e078c6344ffdc589685a4edb1ff.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
4. Брутенц К. Н. Великая геополитическая революция. — М.: Международные отношения, 2014. — 688 с.
5. Громыко А. А. Изменяющаяся геометрия полицентричности // Сравнительная политика. — 2012. — № 2 (8). — URL: http://mgimo.ru/files/2/z05_2013/gromyko.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
6. Клепацкий Л. Н. Деглобализация мировой системы // Международная жизнь. — 2015. — № 8. — С. 25–45. — URL: <https://www.interaffairs.ru/news/show/13624> (дата обращения: 10.05.2016).
7. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории: Научный альманах. — 2010. — Т. IV. — URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/14.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000. — URL: <http://archive.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3> (дата обращения: 10.05.2016).
9. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. — URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 10.05.2016).
10. Костин А. И. Модели глобализации в условиях кризиса цивилизации: Сравнительно-политологический метод // Политическая наука. — 2015. — № 4. — С. 40–59.
11. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М.: ИИК «Российская газета», 2009. — 239 с.
12. Rogov С. М. Реинкарнация холодной войны // РСМД. — 2015. — 27 февраля. — URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5356#top-content (дата обращения: 10.05.2016).
13. Указ Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015. — № 683. — URL: <http://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 10.05.2016).
14. Россия в полицентричном мире / Под. ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. — М.: Весь Мир, 2011. — 580 с.
15. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка. — URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_743/doc743a830x878.htm (дата обращения: 10.05.2016).
16. Сирота Н. М., Хомелева Р. А. Центры силы в мировой политике // Теоретические и практические вопросы развития научной мысли в современном мире: сборник статей II Международной научно-практической конференции. 29–30 апреля 2013 г.: в 4 ч. Ч. 2. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. — С. 160. — URL: http://www.aeterna-ufa.ru/sbornik/apr2013_tom2.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
17. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. — URL: http://archive.kremlin.ru/interdocs/2005/07/01/1728_type72067_90623.shtml?type=72067 (дата обращения: 10.05.2016).
18. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г. — URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=125> (дата обращения: 10.05.2016).
19. Чихарев И. А., Столетов О. В. К вопросу о соотношении стратегий «мягкой силы» и «разумной силы» в мировой политике // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2013. — № 5. — С. 26–43.

Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн»

20. Acharya A. From the Unipolar Moment to a Multiplex World // YaleGlobal Online, 03.07.2014. — URL: <http://yaleglobal.yale.edu/content/unipolar-moment-multiplex-world> (дата обращения: 10.05.2016).
21. Burrows M., Dynkin A. Global System on the Brink: Pathways toward a New Normal. — URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Global_System_on_the_Brink.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
22. Choices for America in a turbulent world // RAND Corporation, 2015. — URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1100/RR1114/RAND_RR1114.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
23. Deep A. Hybrid War: Old Concept, New Techniques // Journal Article. — 2015. — March 2. — URL: <http://smallwarsjournal.com/printpdf/22276> (дата обращения: 10.05.2016).
24. Global Trends to 2030: Can the EU meet the challenges ahead? // European Strategy and Policy Analysis System. — 2015. — URL: <http://europa.eu/espas/pdf/espas-report-2015.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
25. Engaging Russia: a return to containment? // The Trilateral commission. — 2014. — May 15. — URL: http://trilateral.org/download/doc/TF_Russia_for_WEBSITE_final_15_May_2014.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
26. Herolf G. Multipolar World at the End of the First Decade of the 21st Century: How about Europe? // Central European Journal of Public Policy. — 2011. — June. — Vol. 5. — № 1. — URL: <http://cejpp.eu/index.php/ojs/article/view/72/75> (дата обращения: 10.05.2016).
27. Hybrid War modernity // To Inform is to Influence. — 2015. — March 30. — <http://toinform-istoinfluence.com/2015/03/30/hybrid-war-modernity> (дата обращения: 10.05.2016).
28. National Security Strategy // The White House. — 2015. — February. — URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
29. O'Sullivan D. Five Challenges for European Foreign Policy in 2015 // GCSP Policy Paper 2015/3 — March 2015. — URL: <http://www.gcsp.ch/download/2780/72461> (дата обращения: 10.05.2016).
30. Pickrell R. The Tipping Point: Has the U. S. — China Relationship Passed the Point of No Return? // The National Interest, 26.10.2015. — URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-tipping-point-has-the-us-china-relationship-passed-the-14168> (дата обращения: 10.05.2016).
31. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian. — URL: http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_4_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 10.05.2016).
32. Remarks of President Barack Obama — State of the Union Address As Delivered. — URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/remarks-president-barack-obama-%E2%80%93-prepared-delivery-state-union-address> (дата обращения: 10.05.2016).
33. Security Council Endorses Syria Cessation of Hostilities Accord, Unanimously Adopting Resolution 2268. — URL: <http://www.un.org/press/en/2016/sc12261.doc.htm> (дата обращения: 10.05.2016).
34. Win in a Complex World 2020–2040. — URL: <https://info.publicintelligence.net/US-Army-WinComplexWorld.pdf> (дата обращения: 10.05.2016).
35. The Hybrid War: Russia's Propaganda Campaign Against Germany. — URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/putin-wages-hybrid-war-on-germany-and-west-a-1075483.html> (дата обращения: 10.05.2016).

Исламизм и политические институты Ближнего Востока

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития политических режимов Ближнего Востока в условиях эскалации нестабильности и роста исламизации политического процесса. Автор уделяет особое внимание институциональному измерению имеющихся режимов и пытается рассмотреть трансформационный опыт стран региона Ближнего Востока и Магриба через призму современных теорий демократизации и политической стабильности.

Ключевые слова: ислам, политический режим, Ближний Восток, политическая стабильность, демократизация.

Автор

Телин Кирилл Олегович,

кандидат политических наук, научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Конфликты, раз за разом случающиеся с государствами Ближнего Востока на протяжении всей более чем полувековой истории их независимого существования, доказывают: регион по-прежнему стоит перед лицом значительного числа масштабных, пусть и не всегда очевидных вызовов. Одной из подобных проблем, вероятно, является сохранение внутри государственных систем архаичных линий социального разлома — этнической, религиозной, конфессиональной. Сирийские события, фактическое исчезновение Ирака с политической карты мира, ливанский кризис, ИГИЛ¹ —

накапливающееся напряжение всех этих (и многих других) угроз рано или поздно приведет либо к полной реконфигурации региона (с неизвестным уровнем управляемости и, соответственно, столь же неопределенным исходом), либо к осознанию того, что имеющиеся границы могут гарантировать только устойчивые и стабильные институты.

Режим ручного управления

Если ретроспективно оценить их развитие на протяжении последних десятилетий, ключевыми особенностями практически всех политических режимов Ближнего Востока окажутся их недемократический характер и откровенно слабые в сравнении с потенциалом кланового или какого-либо иного неформального влияния институты. По оценкам Фонда Бертельс-

¹ «Исламское государство» решением Верховного суда РФ от 29 декабря 2014 г. было признано террористической организацией, ее деятельность на территории России запрещена.

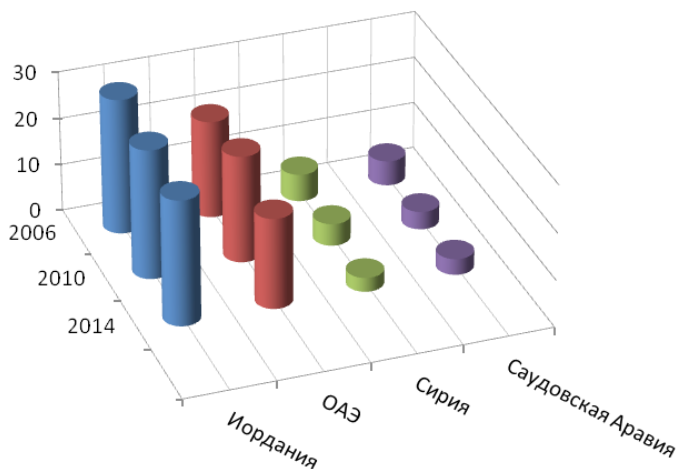
Исламизм и политические институты Ближнего Востока

манна, на 2014 г. в регионе Ближнего Востока и Северной Африки присутствовало только одно государство, успешно осуществившее демократическую трансформацию, — это Турция; все остальные, в лучшем случае, реализовали сценарий ограниченной трансформации (или анократии,

в терминах индекса Polity IV). Практически все ключевые страны региона показывали одинаково низкие показатели демократизации, политического участия и «государственности», понимаемой как институциональное измерение качества политического и административного управления.

Стабильность демократических институтов (согласно данным ВТИ)

	2006	2010	2014
Иордания	2,0	2,0	2,0
ОАЭ	2,0	2,5	2,0
Сирия	1,0	2,0	1,0
Саудовская Аравия	1,0	1,0	1,0
для сравнения: Турция	8,0	8,0	8,0

Право голоса и подотчетность (согласно данным WGI)

	2006	2010	2014
Иордания	28,8	27,5	26,6
ОАЭ	20,7	22,7	19,2
Сирия	5,8	4,7	3
Саудовская Аравия	5,3	3,8	3,4
для сравнения: Турция	44,7	44,5	37,9

Семь стран региона — монархии (в большинстве своем абсолютные). Сирийский президент Башар Асад получил власть фактически по наследству, возглавив алавитскую элиту в стране преимущественно суннитской, Ливан долгое время находился под политическим контролем Сирии, свергнутый иракский диктатор Саддам Хусейн, по сути, оказался у власти в ходе военного переворота, а уж о том, как обстоит дело в современном Ираке или Йемене, не приходится говорить. В Саудовской Аравии живут по законам шариата, лишь в этом году Эр-Рияд даровал женщинам страны избирательное право (и то лишь на муниципальном уровне). Исследователи отмечают низкий уровень политического участия в регионе, слабость электоральных систем и значительный крен власти в сторону авторитарного (или, как уже указывалось, анократического) правления. Да, в 1990 гг. на волне глобальной демократизации усилилось проникновение на Ближний Восток новых политических стандартов, однако даже частичная модернизация была использована традиционными элитами для выстраивания неформальных (теневых) сделок и поддержания сложившихся патрон-клиентских отношений. Парламентаризм в странах региона был и остается, по преимуществу, символическим и достаточно условным: партия «Баас» до 2002 г. контролировала сирийскую преемственность, иорданской многопартийности лет немногим больше, чем наследнику короля Абдаллы, а в Бахрейне и Кувейте, до сих пор остающихся единственными членами ССАГПЗ с избираемыми парламентами, при этом запрещены политические партии. Таким образом, формулировки различных авторов, называющих региональные парламентские структуры «фасадными» или «незавершенными», представляются более чем уместными.

Однако и «арабская весна», и концовка 1980 гг., и другие события неоднократно показывали, что эффективность ручного управления может наблюдаться лишь

в ситуации исключительно благоприятной внешней конъюнктуры, само формирование которой в регионе Ближнего Востока — колоссальная редкость. Дефицит общественной социализации, рост имущественного расслоения, расширение теневое сектора в экономике, вымывающего из официальной экономики столь необходимые для развития ресурсы, — все это лишь усиливало негативные последствия дискриминации различных групп населения и откровенного произвола в политической жизни. Неэффективное (в условиях фактического отсутствия стабильных институтов) государственное регулирование не могло справиться с внешними и случайными шоками: под воздействием того же глобального кризиса в странах Ближнего Востока резко сократились темпы прироста ВВП, выросла безработица, а механизмы государственных расходов, составлявшие в странах региона свыше трети ВВП, перестали быть сколь-либо эффективными.

Таким образом, ручное управление, в некоторых ситуациях позволяющее минимизировать потенциальные конфликты внутри политической системы и сформировать весьма своеобразный в нынешних условиях режим «личной унии», в долгосрочном измерении показывает поразительную неэффективность и неспособность формировать стабильные условия для государственного развития. Единственным основанием устойчивости подобных систем может являться, по замечанию К. Даудинг и Р. Кимбера, внешняя поддержка — и, как показывает пример бахрейнской династии Аль-Калифа, именно она может повторно легитимизировать режим даже в ситуации социальных волнений.

Краткосрочные обещания и долгосрочные заблуждения

Долгое время считалось, что традиционной для Ближнего Востока угрозе — радикальному исламу — может противостоять

Исламизм и политические институты Ближнего Востока

лишь локальный авторитаризм, достаточно сильный, чтобы подавлять в зародыше потенциальные «ИГИЛ». Однако подобные представления были подвергнуты серьезной ревизии ввиду, как минимум, двух обстоятельств: во-первых, по прошествии нескольких десятилетий выгода от поддержки авторитарных режимов Каддафи или Мубарака начала подвергаться сомнению, и, во-вторых, автократии пусть и смогли смягчить проявления внутренних конфликтов управляемых обществ, но оказались не в состоянии обеспечить их полное преодоление и решение. Впрочем, логика, в соответствии с которой демократизация региона непременно обеспечит переход нестабильных государств к исламистским режимам, по-прежнему является достаточно популярной, а недостатки авторитарного подавления подобного тренда порой обосновываются лишь через персональное обсуждение правления того или иного «национального лидера». Это до сих пор скрывает третий фактор, продолжающий влиять на ближневосточный политический процесс, — именно авторитарные режимы, основанные на подавлении и действии санкционного аппарата, сформировали современную взрывоопасную ситуацию. Краткосрочная «стабилизация» обернулась масштабной эскалацией общественного кризиса, пример действия которого можно было в полной мере наблюдать в Египте.

Бесспорно, популярность религиозных движений («Братья-мусульмане»¹, традиционалисты-салафиты и пр.) в странах региона заставляет воспринимать исламизацию как серьезный риск, однако пример таких государств, как Турция, Марокко, Ливан или Иордания (при всех различиях в их историческом пути), подсказывает, что абсолютизировать исламистскую угрозу и выводить из нее некое «общее прави-

ло» нельзя. Меж тем именно это как раз и было основанием для закрепления в регионе автократий, большинство из которых лишь увеличивало ряды неофициальных сторонников и симпатизантов религиозных сил, выступавших с популистскими лозунгами и даже подчеркивавших свою «демократическую» природу именно в противовес жесткой репрессивной политике государственных режимов Сирии или Египта. Не институционализированные по причине авторитарного правления режимы начали разрушаться под воздействием социально-экономических факторов, а кризис легитимности инкубентов вручил карт-бланш разрозненным несистемным челленджерам, среди которых исламисты составляли значительную долю.

Иными словами, в ряде государств Ближнего Востока были созданы достаточно жесткие и репрессивные автократии, которые, вместе с тем, оказались крайне уязвимыми и «слабыми» с точки зрения государственного строительства. Вполне логично, что подобные системы подтверждают гипотезу Роберта Каплана: при отсутствии сильных институтов демократизация в них вполне может привести к всплеску социальной розни и насилия. Без необходимого нормативного порядка, законности и правовых гарантий демократический транзит только ухудшает состояние экономики, а следовательно, негативно влияет и на политическую динамику.

С этой точки зрения довольно странно выглядят предложения разделить «хрупкие» (fragile), или «мягкие» (soft) государства Ближнего Востока на этнические или религиозные фрагменты, каждому из которых должна быть предоставлена если не независимость, то широкая автономия в пределах федеративной структуры. Во-первых, достаточно взглянуть на этническую или конфессиональную карту региона, чтобы убедиться, насколько проблематично провести там внятную демаркацию и вообще проведение каких-либо новых государственных границ. Курды, друзы, езиды, алавиты — как должно вы-

¹ Организация «Братья-мусульмане» решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. признана террористической, ее деятельность запрещена на территории РФ.

глядеть удовлетворение требований всех этих сторон в одной только части сложного и разношерстного региона? Во-вторых же, любая трансформация имеющихся территориальных очертаний и, тем более, обособление отдельных групп (будь то курды или иракские шииты) приведет к резкому всплеску сепаратизма и ирредентизма в относительно стабильных, на сегодняшний день, странах — таких, к примеру, как Иордания или Турция. Следовательно, регион станет не более, а менее стабильным — при этом не стоит забывать и о том, какие политические режимы могут укорениться в предполагаемых государствах; исламизм редко испытывает пиетет перед государственными границами и какими-нибудь правами наций на самоопределение.

Может ли демократический режим не сопровождаться исламизацией и при этом стабилизировать многосоставные общества Ближнего Востока? В силу сослагательного наклонения дать на этот вопрос однозначный положительный ответ сложно, однако марокканская многопартийность, конфессиональный консоционализм Ливана и устойчивость турецких институтов как минимум не позволяют сделать противоположный вывод. Управляемая трансформация политических систем от авторитарных образцов к демократическим представляется вполне возможной, особенно в том случае, если готовность к такому сценарию (возможно, под влиянием внешних факторов) выражает политическая элита.

Еще до событий «арабской весны» власти Иордании, к примеру, удвоили женскую квоту в парламенте (до 12 мест), а еще дюжину мандатов распределили среди представителей этнорелигиозных меньшинств (христиане, черкесы); после волнений в регионе Абдалла II произвел дополнительные изменения — в 2013 г. парламент получил давно обсуждавшееся право назначать премьер-министра. По оценкам Всемирного Банка (методология WGI), Иордания демонстрирует достаточно высокий уровень эффективности правительства и поддержания правопорядка,

несмотря на все проблемы с палестинской общиной и Фронтом исламского действия.

Несмотря на все проблемы современного Ливана, в нем также были апробированы идеи, которые противостоят риторике «железного закона исламизации»: действующая конституция была принята еще в 1926 г., основные идеи консоционального «конфессионализма» (Национальный пакт) были разработаны в 1943, а политическая борьба в стране происходит не только в латентном секторе, но и в публичном пространстве между влиятельными «мартовскими» коалициями (просирийская «коалиция 8 марта» и антисирийская «коалиция 14 марта»). Бесспорный негативный эффект на политическую систему Ливана оказывают сирийский кризис и события «арабской весны», обостряющие традиционные для региона противоречия, — однако институты Ливана пережили серию гражданских войн и по-прежнему продолжают поддерживать государство в условиях исключительно неблагоприятной внешнеполитической обстановки: ситуация крайне нетипичная для Ближнего Востока.

Несмотря на то, что турецкий пример может показаться далеким от реалий современного Ближнего Востока из-за сниженной роли ислама в политической жизни страны, это не должно вводить в заблуждение — в период президентства в Египте Хосни Мубарака исламский фундаментализм подавлялся пусть и не так интенсивно, как в Турецкой республике при Мустафе Кемале, но все же значительно, и все равно поднял голову спустя несколько десятилетий. В остальном же парламентаризм и другие турецкие институты (включая Конституцию 1982 г.), несмотря на череду переворотов, демонстрировали значительную устойчивость: партийные структуры восстанавливались даже после официального запрета, а армия, не трансформируясь в хунту, выступала гарантом светского характера турецкого государства. Сегодня до 98 % населения страны являются мусульманами, при этом Партия

Исламизм и политические институты Ближнего Востока

справедливости и развития, ставшая реинкарнацией запрещенной Партии благоденствия, вынуждена обращаться к центристской риторике и сталкиваться с достаточно высоким (10 %) избирательным барьером; при этом достаточно серьезные результаты на выборах показывают оппозиционные Народно-республиканская партия (25 % на выборах в июне 2015) и Партия демократии народов (13,1 %).

Марокканский опыт тоже достаточно показателен: в противовес революционным брожениям Египта и Туниса местные исламисты, постепенно набравшие политический вес (13 % голосов на выборах 2002 г. и 23 % на выборах 2011 г.), выступили скорее с реформистских, нежели радикальных позиций. Как указывает Мохаммед Масбах, лозунгом марокканской Партии справедливости и развития фактически стала фраза: «Участие, а не гегемония»; следствием этого стали широко распространенные коалиционные практики, непартийные назначения в правительстве и достаточно гибкая система взаимодействия с гражданским обществом.

Иными словами, демократизация совсем не обязательно способствует эскалации кризисных социальных явлений: и парламентско-республиканская траектория Турции, и конституционно-монархические сценарии алавитов и Хашимитов показывают, что в регионе возможны новые институциональные решения. Вероятно, соглашение по Сирии, достигнутое в конце октября участниками рабочих совещаний в Вене, также может быть аргументом в пользу управляемой трансформации: речь не идет о полноценном военном вмешательстве и полном демонтаже сложившейся ранее системы, а о внешнем мандате на урегулирование имеющегося кризиса. Несомненно, сегодня любые политические реформы (именно реформы, а не революция или слом status quo) в регионе невозможны без внешней поддержки и внешней же легитимации. Тем не менее, это условие должно дополняться и внутренними факторами — подготовленной

бюрократической прослойкой, армейскими структурами, парламентаризмом и, конечно, культурными механизмами, позволяющими, не угнетая приверженцев ислама, препятствовать доминированию в политике религиозного фактора.

Институциональная ловушка: сети против структур

В вопросе институциональной поддержки относительно новой государственности в регионе Ближнего Востока и Магриба есть тонкий момент: по мнению некоторых исследователей, роль скрепляющих институтов могут и должны сыграть как раз исламские сетевые структуры. По сути, именно на этом базируется идеология таких движений, как «Братья-мусульмане», «Хезболла» или «Джамаат-и-Ислами», не говоря об ИГИЛ¹; и именно поэтому стремление дать зеленый свет «политическому исламу» является не менее опасным, чем уверенность в том, что противостоять ему может только авторитарный лидер.

В современной своей версии «политический ислам» давно уже не является социально прогрессивным феноменом, каким он, по всей видимости, мог являться на заре своего формирования посреди кланово-племенных отношений средневекового Ближнего Востока. «Нахда» («возрождение»), как называют нынешний ренессанс исламизма некоторые его адепты, базируется, по сути, на масштабной социальной депривации, шоках новой информационной среды, демографических проблемах и экономическом кризисе; не зря события «арабской весны», вызванные преимущественно именно этими факторами, описываются сторонниками «нахды» как становление нового типа социального самосознания. Бесспорно, исламские объединения, группы и сети являются вполне дееспособными и мощными институтами; однако их задачи представляются консер-

¹ Большинство подобных организаций в России запрещены и признаны террористическими.

вативно-архаичными, фундаменталистскими и способствующими масштабному регрессу ближневосточных обществ. Увы, но «политический ислам», сражающийся сегодня за демократический режим, — это оксюморон, поскольку для него существует лишь демократия исламизма.

Вместе с тем, это не означает, что ислам и мусульманские группы должны каким-то образом преследоваться и подавляться. Задача состоит в том, чтобы в соответствии с установками лаицизма и кемализма создать такое положение, при котором мусульманам не нужно будет отдельное политическое представительство, основанное на причудливой религиозной сепарации. В следовании подобному республиканскому идеалу (с концепцией «разделения сфер идентичности») видится вполне приемлемый выход: исламские традиции в области семьи, частной жизни и пр. будут, несомненно, сохранены, однако выход подобной традиционной идентичности

в электоральную плоскость будет заблокирован. Причем не столько нормативными ограничениями (хотя они и должны иметь место), но, в большей степени, значительной степенью свободы в отправлении религиозного культа.

Резюмируя, можно констатировать, что при внедрении в политическое пространство современные исламские структуры хоть и будут представлять собой эффективно функционирующий институт, но при этом целевая нагрузка института будет представлять собой откровенную архаизацию политического участия. Закрепление же в электоральном пространстве традиционной идентичности, в свою очередь, не позволит модернизировать общества, находящиеся сегодня в постоянно кризисном состоянии. Вероятно, подобная «заморозка» навсегда превратит регион Ближнего Востока и Магриба в «пороховой погреб»; последним же исторически свойственно громко и драматично взрываться.

Литература

1. *Тэйлор Ч.* Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. — М., 2002. — С. 11–37.
2. *Масбах М.* Как Марокко удалось приручить исламистов // Центр Карнеги, 12.04.2015 URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=59750>.
3. *Dowding K., Kimber R.* The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. — Vol. 11. — Issue 3–1983
4. *Kaplan R. D.* The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post Cold War — New York: Random House, 2000.
5. *Полтерович В. М., Попов В. В.* Демократия, качество институтов и экономический рост // Прогнозис. — 2006. — Т. 7. — № 3. — С. 115–132.

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

Аннотация. В статье произведен анализ понятия «культура», рассмотрены основные этапы осмысления культуры в истории философии и социально-политической мысли. Утверждается, что с распадом СССР завершилось идеологическое противостояние двух политических систем, но идеологизация культуры не утратила своей актуальности. Авторы считают, что идеологизация культуры неизбежно ведет к милитаризации культуры и, как следствие, информационной войне. Так как идеологизированная культура стремится к уничтожению культурных и идеологических альтернатив, а информационная война выступает наиболее удобным инструментом для достижения политических целей невоенным путем. Результаты исследования могут быть применены для разработки государственных программ направленных на охранение культурных ценностей человечества и традиций отдельных народов.

Ключевые слова: идеология, культура, ценности, милитаризм, информационная война.

Авторы

Убирия Изабелла Феликсовна,

аспирант кафедры
истории социально-политических
учений факультета политологии
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Горохов Андрей Анатольевич,

кандидат политических наук,
начальник научного отдела
факультета политологии Московского
государственного университета имени
М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

**Теоретическое осмысление понятия
«культура»**

В современном обществе (как в повседневной жизни, так и в научных дискуссиях) круг вопросов, связанных с культурой, поднимается достаточно часто. При этом, необходимо отметить тот факт, что в науке до сих пор не выработано единое понятие культуры, более того, наблюдается тенденция количественного роста определений [1. — С. 54]. Так, с 1871 по 1919 г. было зафиксировано семь определений культуры, в 1952 г. антропологи А. Л. Кребер и К. Клакхон установили только в англоязычной литературе 164 определения культуры. В 2003 г. сотрудники Государственного института искусствознания К. Соколов и В. Жидков утверждали, что культура имеет «500 определений» [2. — С. 7], в словаре «Культура и культурология» под редакцией А. И. Кравченко отмечается, что «к настоящему вр. ученые насчитывают более 500 определений культуры» [3. — С. 450]. Более того, исследователь Института российской истории РАН И. И. Попов в начале XXI в. отмечал: «К концу же XX в., как полагают некоторые специалисты, оно [определение понятия «культура»] приблизилось к тысяче» [4. — С. 73]. Несмотря на расхождение в подсчете количества определений, можно констатировать, что на протяжении XX в. и первых пятнадцати лет XXI в. значительно увеличилось число определений культуры.

Все это приводит к формированию в современной науке подхода, согласно которому представляется невозможным дать единое и всеобъемлющее определение такому понятию, как «культура». Например, на одной из научных конференций было отмечено, что «выработать единственное, абсолютно истинное определение культуры невозможно, поскольку культура является характеристикой или стороной бесконечно сложного феномена — общества в его взаимодействии с человеком и природой» [5. — С. 30]. Схожее мнение выска-

зывает американский антрополог Р. Линтон: «Культура сама по себе неуловима и не может быть адекватно воспринята даже теми индивидами, которые участвуют в ней непосредственно» [Цит. по.: 6. — С. 19]. Но такой подход не является продуктивным с точки зрения познания сущности культуры, так как изначально ориентирует исследователя на отрицательный результат.

Американские психологи в области изучения психического развития и обучения в условиях разных культур М. Коул и С. Скрибнер утверждают, что отсутствие единого определения культуры заставило «многих ученых отказаться от поисков всеохватывающего определения культуры. Вместо этого главное внимание уделялось тем или иным социальным явлениям, важным с точки зрения целей проводимого исследования» [7. — С. 16]. Однако такой методологический подход приводит к тому, что культура познается не как целое, а как совокупность отдельных элементов. Поэтому необходимо учитывать, что отдельные элементы могут не отражать свойства всей системы. Более того, как считает Ю. В. Чернявская, культура двулика: «Она функционирует и как явная норма, правило, закон, и как тончайший намек, непонятный порой даже самим ее носителям» [8. — С. 5]. Тем самым, разделяя культуру на отдельные «элементы», мы познаем только то, что в культуре актуально, то, что явно в данное время, а все, что было и что может проявиться в других исторических условиях, ускользает, и мы не охватываем в своем познании всю культуру в целом.

Несколько иной подход предлагает профессор Н. М. Лебедева, которая считает, что культура — это «абстрактное понятие, теоретическая сущность, которая помогает нам понять, почему мы делаем то, что делаем, и объяснить различия в поведении представителей различных культур» [9. — С. 20–21]. Тем самым мы можем утверждать, что количественный рост определений культуры связан не с тем, что культуру в принципе невозможно определить, а с характеристикой самого объекта познания.

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

На наш взгляд, культура как научная категория прошла несколько этапов своего осмысления. Впервые слово «культура» встречается у основоположника римской литературной прозы, писателя и государственного деятеля Древнего Рима Марка Порция Катона Старшего (234–149 до н. э.) в трактате «De agri cultura» — «О сельском хозяйстве». В переводе с латинского «cultura» означает «возделывание, возвращение». На этом этапе культура — это то, что касается возделывания почвы, сельского хозяйства. Второй этап становления понятия «культура» связан с римским политическим деятелем, оратором, философом и писателем Марком Туллием Цицероном (106–43 до н. э.). Именно Цицерон впервые использовал слово «культура» применительно к сущности человека. Цицерон писал: «Возделывание души — это и есть культура: она выпалывает в душе пороки, prepares души к принятию посева и вверяет ей — сеет, так сказать. Только те семена, которые, вызревают, приносят обильный урожай» [10. — С. 252]. На втором этапе культура — это уже то, что относится к сознанию, к внутренней человеческой деятельности, и что непосредственно влияет на изменение и формирование человека в духовном отношении. В эпоху Средневековья считалось, что «более распространенным, часто употребляемым и анализируемым было понятие „культ“ — этимологически родственное и близкое (в какой-то степени) по значению понятию „культура“ слово» [11. — С. 158]. Это связано с тем, что для Средневековья характерно доминирование религии в культуре.

Третий этап — это процесс использования слова «культура» в качестве научного понятия. Многие исследователи считают, что первым стал использовать понятие «культура» как научное понятие немецкий юрист XVII в. Самуэл Пуфендорф (1632–1694). Пуфендорф относил к культуре все, что существует благодаря деятельности человека. Некоторые исследователи утверждают, что «первым в Европе ввел в обиход слово „культура“ немецкий про-

светитель И. К. Аделунг в книге „Опыт истории культуры человеческого рода“, изданной в 1782 г.» [4. — С. 73]. Большой вклад в становление понятия «культура» внес английский антрополог Э. Б. Тайлор, который в 1871 г. в работе «Первобытная культура» определяет культуру следующим образом: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [12. — С. 18]. Следовательно, на третьем этапе произошло формирование определения «культура» как научного понятия, которое, в свою очередь, стало неотъемлемо ассоциироваться с результатом человеческой деятельности — культурой как результатом созидательной деятельности человека.

На четвертом этапе становления данного понятия, культура представляет собой категорию философского осмысления. На данном этапе большой вклад в развитие понятия «культура» внес немецкий философ И. Кант, который утверждал, что «приобретение разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) — это культура» [13. — С. 464]. Но постановка цели зависит от ценностных установок субъекта, т. е. в зависимости от того, что мы понимаем под ценностями, формируется вектор развития культуры и изменяется ее содержание. Таким образом, И. Кант заложил философскую основу для формирования аксиологического подхода к культуре, согласно которому культура — это только то, что обладает ценностью для человека.

Философское осмысление Кантом культуры как системы ценностей привело к острым дискуссиям среди его последователей. В частности, глава Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд (1848–1915) утверждал, что в эпоху Просвещения возникает культурная проблема, в основе которой лежит потребность ее самоосмысления. При этом процесс са-

моосмысления «кладет начало движению, лозунгом которого стала «переоценка всех ценностей» [14. — С. 475]. Такой лозунг возник в силу сложившейся ситуации, когда «ничего не истинно — все дозволено» [Там же. — С. 487]. Важно отметить, что религия в эпоху Просвещения утрачивает свое доминирующее влияние в определении ценностей человеческой деятельности, в т. ч. целей развития культуры, что приводит к процессу секуляризации культуры.

На следующем этапе развития представлений о культуре вместо религии ценности и цели развития культуры определяет государственная идеология. В связи с этим, пятый этап осмысления обществом понятия «культура» можно назвать политико-идеологическим. Культура становится объектом политического управления.

Идеологизация культуры

По сути, в XX в. происходит осознание того, что развитие культуры по аналогии с преобразованием природы подчинено не только гармоничному развитию человека и общества в целом, но также и определенным политическим целям, выражающимся в конкретной идеологии. Ключевое значение идеологии для развития культуры в 1947 г. отметили представители франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно, которые в работе «Диалектика просвещения» писали: «Идеология, тем не менее, не становится ни менее прозрачной, ни более расслабленной. Как раз ее неопределенность, почти что сциентистская нерасположенность иметь дело с чем-либо, что не поддается верификации, функционирует тут в качестве инструмента утверждения господства. Она превращается в настойчивое и планомерное оглашение существующего порядка вещей» [15. — С. 184–185].

Можно выделить следующие социально-культурные факторы, оказавшие влияние на подчинение культуры идеологии. Во-первых, культура с момента научного осмысления стала рассматриваться как ин-

струмент для достижения определенной цели. Такой подход был уже заложен в работе Тайлора «Первобытная культура», где он вводит в научный оборот понятие «культура». Помимо «описательного» определения культуры, которое мы уже упоминали выше, Тайлор также определяет культуру следующим образом: «С идеальной точки зрения на культуру можно смотреть как на общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия развитию нравственности, силы и счастья человека» [12. — С. 36]. Тем самым, согласно его трактовке, культура является той сферой, используя которую должным образом, можно выработать как в отдельной личности, так и в обществе в целом определенные качества. Таким образом, культура рассматривается как инструмент, в т. ч. для решения определенных политических задач.

Во-вторых, культура стала рассматриваться в связи с определенным — инструментальным восприятием значения разума. Инструментализму свойственно рассмотрение ценности разума, прежде всего, в плоскости «реализации тактики достижения успеха и признания, отказ от постижения основ бытия в пользу отработки методов разрешения проблемных ситуаций, позволяющих наиболее эффективно адаптироваться к изменяющимся социальным условиям» [16. — С. 24]. Тем самым, инструментализм рассматривает культуру именно с точки зрения возможности решения имеющихся проблемных вопросов и поэтому актуализирует ту часть культурного наследия, которая может ответить на вызовы и решить поставленную проблему, в т. ч. политического характера.

В-третьих, большое влияние на развитие европейской культуры оказал процесс секуляризации. В результате секуляризации культуры религиозные ценности, прежде всего христианские, уступили место политическим ценностям.

В-четвертых, идеологизация культуры стала возможна в связи с ценностным

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

релятивизмом. К. Манхейм по вопросу релятивизма писал следующее: «Только в нашем мире с присущим ему стремительным и радикальным преобразованием в социальной и духовной сфере идеи и ценности, рассматривавшиеся раньше как абсолютные, могут обрести такую прозрачность, которая позволит нам видеть все и вся в аспекте идеологичности. До сих пор критике подвергались какие-либо определенные идеи, но тем настойчивее абсолютизировались собственные; теперь же существует слишком много одинаковых по своей ценности и духовному значению позиций, релятивизирующих друг друга» [17. — С. 76]. В условиях ценностного релятивизма воздействие политических субъектов на культуру с помощью идеологии, пропаганды, СМИ может как усилить ценностную значимость культуры, так и низвести ее до минимума.

По сути, идеологизация культуры привела к ее развитию под влиянием политических идеалов или политических целей. Иначе говоря, если признать политическую цель культуры как доминирующую, то, опираясь на определение культуры, сформулированное И. Кантом, идеологизированную культуру можно определить как возможность человека выбирать только те цели, которые сформированы в рамках той или иной идеологии. А если исходить из аксиологического подхода, то культурой становится совокупность ценностей, способствующих достижению политических целей или идеалов.

На наш взгляд, идеологизированная культура может развиваться по-разному.

Во-первых, на базе различных идеологий и даже в какой-то степени при их борьбе. Например, политическое противостояние двух идеологических систем XX в. трактовалось как борьба двух культур. «Основным противоречием духовной жизни современной эпохи является борьба двух идеологий, двух культур — социалистической и буржуазной» [18. — С. 8], — писали в 1979 г. советские идеологи.

Во-вторых, при доминировании одной идеологии, что приводит к подмене мно-

гообразия различных и многообразных ценностей культуры определенной совокупностью ценностей, нашедших свое воплощение в конкретной идеологии. Итогом развития в этом случае становится культура, основанная на единой идеологии. Об этом в свое время писали П. А. Николаев и М. С. Каган. Николаев полагал, что «подлинная культура и есть социализм, как настоящая материальная, духовная, бытовая и нравственная жизнь» [19. — С. 252]. Каган в 1963 г. утверждал, что «коммунистическая культура будет столь же единой по своему идейному содержанию, как единым будет общественное бытие свободного человека» [20. — С. 22].

Необходимо отметить, что в зарубежной социально-политической мысли сложилось схожее убеждение, конструирующее безальтернативное будущее. Это убеждение в том, что только западная либеральная идеология может быть платформой для развития всей человеческой культуры. На наш взгляд, такое восприятие культуры во многом стало следствием творчества американского культуролога и политического философа XX в. Л. Штрауса. Благодаря ему американские неоконсерваторы обнаружили в политическом либерализме абсолютную истину. Не случайно американский философ Ф. Фукуяма в знаменитом эссе «Конец истории?» утверждает, что к завершению XX в. мир подошел «к неоспоримой победе экономического и политического либерализма» [21. — С. 134]. Такая победа, по мнению философа, приводит к господству «универсальной культуры потребления» [Там же. — С. 141].

По сути «универсальная культура» основывается исключительно на экономическом потреблении, в то время как ценности национальной культуры теряют свое значение. Господство такой культуры, по мнению Фукуямы, возможно при условии, что будут «забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития» [Там же. — С. 144]. И это вполне закономерно, так как потребление не предполагает созидания культур-

ных ценностей. Также можно заметить, что выводы Фукуямы схожи с тезисами советских идеологов о возможности замещения многообразной культуры одной идеологией.

В свою очередь, американский аналитик З. Бжезинский вводит понятие «культурное превосходство», которое, по его мнению, является одним из главных факторов «американской глобальной мощи» [22. — С. 38]. Фактором, препятствующим распространению американского влияния, Бжезинский считает наличие в Евразии разных культур, подчеркивая, что Евразийский континент «разнообразен в культурном отношении» [Там же. — С. 48–49]. Сопоставляя «доминирование американской культуры» и «наличие многообразных культур», Бжезинский рассматривает культуру исключительно как инструмент достижения политических целей определенного государства. При этом он не скрывает, что американская культура в целом примитивна и «больше тяготеет к массовым развлечениям, в которых господствуют гедонистские мотивы и темы ухода от социальных проблем» [Там же. — С. 250], а это, в свою очередь, чревато «резким падением в обществе центральной роли ценностей, основанных на религиозных чувствах» [Там же. — С. 251]. Кризисные явления в американской культуре, считает он, подрывают основы для стабильного экономического развития, поскольку потребительский характер культуры приводит к тому, что «темпы экономического роста уже не могут больше удовлетворять растущие материальные потребности» [Там же. — С. 251].

Трезво оценивая все слабые места американской культуры, Бжезинский все же убежден: «Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире» [Там же. — С. 38]. При этом проводником американской массовой культуры выступают телевизионные программы и фильмы, популярная музыка, еда, одежда, глобальная сеть Интернет, американское образование, а также «де-

мократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями» [Там же. — С. 38].

Милитаризация культуры

В XX столетии с распадом СССР завершилось идеологическое противостояние двух политических систем, и идеологизация культуры должна была утратить свою актуальность. Осмысливая изменения, произошедшие на мировой политической арене, С. Хантингтон писал: «С коллапсом коммунизма культура вытеснила идеологию» [23. — С. 208]. Ожидалось, что теперь культура освободится от идеологического влияния и обретет ценность сама по себе. Однако можно констатировать, что в XXI в. начинает доминировать милитаристский подход, согласно которому культура может развиваться при условии того, что она поддерживается военной мощью того или иного государства. Такое мнение мы можем встретить у того же Хантингтона, который писал: «Усиление жесткой экономической и военной власти приводит к росту самоуверенности, высокомерия и веры в превосходство своей культуры или могущество по отношению к другим народам, и привлекает к этой власти иные общества» [Там же. — С. 133]. Согласно такому подходу развитие культуры зависит от эффективности вооруженных сил и экономики общества, которая позволяет содержать сильную армию, поскольку «ослабление экономической и военной власти ведет к неуверенности в собственных силах, кризису идентичности и попыткам найти в других культурах ключи к экономическому, военному и политическому успеху» [Там же. — С. 133].

Современный милитаристский подход к развитию культуры идеологически оформился в конце XX — начале XXI вв. в рамках североамериканского неоконсерватизма. Ввиду того, что неоконсерватизм в США стал идеологией «однополярного мира», закрепляющей гегемонию Штатов,

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

представители данного политического течения «сосредоточены на „однополярной“ силе США и считают использование силы первым, а не последним средством внешней политики... настаивая на оправданности и необходимости упреждающих военных действий» [24. — С. 59]. В связи с этим А. Громыко замечает, что «современный культ милитаризма в США, прославление военной силы, был развит не столько военными идеологами и стратегами, сколько гражданскими, то есть в данном случае неоконсерваторами» [25. — С. 64]. Кстати, об этом еще в 1918 г. писал М. Вебер: «...в Америке зачинщиками войн были американские университеты и прослойки, получившие университетское образование, а не военные поставщики, как в остальных странах» [26. — С. 307].

На наш взгляд, североамериканский неоконсерватизм не может рассматриваться как разновидность консервативной идеологии [См.: 27, 28, 29]. Американский аналитик К. Престовиц в своей работе утверждает: «Имперский проект так называемых неоконсерваторов — это вовсе не консерватизм, а радикализм, эгоизм и авантюризм... истинный консерватизм никогда не был мессианским или доктринерным» [30. — Р. 277]. Более того, Фукуяма в 2007 г. назвал американский неоконсерватизм «ленинизмом», поскольку, по его мнению, «идея ленинизма состоит в том, чтобы, используя силовые методы, ускорить процесс развития и модернизации» [31].

Можно утверждать, что милитаристский подход является идеологическим обоснованием применения военной силы в тех проблемных ситуациях, которые должны решаться через снятие культурных противоречий. Опасность милитаристского подхода состоит в том убеждении, что культурные конфликты нельзя решить без применения военной силы: «культурные вопросы ставят нас перед выбором: да или нет, все или ничего» [23. — С. 193]. В результате такого подхода формируется убежденность, что мировое сообщество, состоящее из разных культур, не может

существовать без военных конфликтов, а национальные культуры могут сохранять свою ценность только при условии обеспечения военного превосходства над потенциальным противником. Иначе говоря, в рамках данного подхода применению военной силы придается легитимный характер, поскольку милитаристский подход не подразумевает, что носители разных культур могут существовать мирно, а при возникновении конфликтных ситуаций разрешать противоречия, не теряя своей культурной идентичности и не применяя военную силу. Война в рамках милитаризма воспринимается как норма международного и культурного взаимодействия. Также необходимо отметить, что вывод Хантингтона о том, что столкновение цивилизаций является неизбежным, приводит к теоретическому обоснованию существования постоянных и неизбежных военных конфликтов. В связи с этим уместно отметить вывод, который сформулировал Е. М. Примаков: «Хантингтон утверждает, с одной стороны, неизбежность таких столкновений, и с другой — рассматривает их в виде основного противоречия, определяющего мироустройство. Именно с этим нельзя согласиться. И именно это льет воду на мельницу тех, кто ратует за объединение сил Запада для борьбы с „агрессивным мусульманским миром“» [32. — С. 89]. Неизбежность конфликтного сосуществования представителей различных религиозных и этнических групп опровергается многовековыми межкультурными и межнациональными взаимодействиями в России и в Евразии в целом.

В итоге можно констатировать, что идеологизация культуры неизбежно ведет к милитаризации культуры и, как следствие, информационной войне. Поскольку идеологизированная культура стремится к уничтожению культурных и идеологических альтернатив, информационная война и есть один из наиболее удобных инструментов для достижения политических целей невоенным путем. Ответом на прояв-

ления информационной агрессии может выступить глубокий анализ политических и исторических предпосылок идеологизации культуры, обращение «потребителя массовой культуры» к культурным ценностям человечества, бережное отношение общества к культурному наследию, духов-

ным ценностям и исторически сложившимся традициям своей страны, а также проведение последовательной государственной политики, нацеленной на возведение культуры в ранг национальных приоритетов.

Литература

1. Васич В. Н., Ширинянц А. А. Политика. Культура. Время. Мифы. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — 129 с.
2. Соколов К., Жидков В. Теория культурной политики: понятийный аппарат и основные определения // Культурная политика. Проблемы теории и практики. Сборник статей / Гос. ин-т искусствознания. Под ред. О. Хлопина. — СПб: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 5–13.
3. Культура и культурология: словарь / Под ред. А. И. Кравченко. — М.: Акад. Проект, 2003 — С. 926.
4. Попов И. И. Культура и культурология // Наука в России. — 2004. — № 4. — С. 72–75.
5. Бондаренко С. В., Гончарова Н. В. О термине «культура» в различных культурологических школах // Материалы II Международной научной конференции «Концепт и культура» (Кемерово, 30–31 марта 2006 г.). Ответственные редакторы: Лушникова Г. И. — Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. — С. 26–30.
6. Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. — СПб: Университетская книга, 2006. — С. 17–49.
7. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. — М.: Прогресс, 1977. — 262 с.
8. Чернявская Ю. В. Культура явная и скрытая // Человек. — 2005. — № 4. — С. 5–12.
9. Лебедева Н. М. Ценности культуры и развитие общества. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. — 527 с.
10. Цицерон М. Т. Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1975. — 320 с.
11. Орлова З. Н. Понятие «культура»: аксиологический аспект // Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки». — 2007. — № 2 (7). — С. 158–163.
12. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. — М.: Политиздат, 1989. — 573 с.
13. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. — М.: Мысль, 1966. Т. 5. — С. 161–529.
14. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. Т. 2. — М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000. — 512 с.
15. Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М. — СПб: Медиум, Ювента. 1997. — 312 с.
16. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. — М.: URSS: КомКнига, 2005. — 350 с.
17. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 7–260.
18. Культура и идеологическая борьба / Под общ. ред. А. И. Арнольдова, Н. В. Новикова. — М.: Мысль, 1979. — 192 с.
19. Николаев П. А. Культура как фактор национальной безопасности. — М.: Русский импульс, 2007. — 320 с.
20. Каган М. С. Коммунизм и искусство. — М.: Издательство «Знание», 1963. — 48 с.
21. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 134–155.

Идеологизация культуры как идейная предпосылка
ее милитаризации в XX–XXI вв.

-
22. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). — М.: Международные отношения, 1998. — 254 с.
 23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.
 24. Кларк Д., Халпер С. Неоконсерваторы: новая политическая группа интересов // Прогнозис. — 2006. — № 2. — С. 57–86.
 25. Громыко А. Метаморфозы американского неоконсерватизма: идеология на излете // Обозреватель. — 2007. — № 8. — С. 56–67.
 26. Вебер М. Политические работы (1895–1919). — М.: Праксис, 2003. — 424 с.
 27. См.: Шириняц А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 568 с.
 28. См.: Горохов А. А. Методологические аспекты анализа консерватизма: идеология, мировоззрение, политическая культура // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование. — 2012. — Том 5. — № 1. — С. 72–78.
 29. См.: Убурия И. Ф. Смена представлений о понятии идеологии в политических концепциях XIX–XX вв. // «Știința politică și societatea în schimbare», conferința științifică internațională (2015; Chișinău). Știința politică și societatea în schimbare: Materialele Conferinței științifice internaționale. CEP USM Chișinău. 2015. — С. 235–244.
 30. Prestowitz C. Rogue Nation: American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: BasicBooks, 2003. — 328 p.
 31. Интервью с Фрэнсисом Фукуяма. США умудрились противопоставить себя всему миру // Издательский дом Коммерсантъ. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocSID=774357> (дата обращения: 01.02.2016).
 32. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М.: ИИК «Российская газета», 2009. — 239 с.

Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

Аннотация. В работе проанализированы риски суверенитета государств на фоне распространения сетевых коммуникаций. Автор изучил специфику «цифрового суверенитета» стран и пришел к выводу о постепенном формировании глобальной «информационной империи», становящейся активным игроком международных отношений.

Ключевые слова: информационная империя, сетевые технологии, информационные войны, международные отношения, колонии, метрополия.

Автор

Федорченко Сергей Николаевич,
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии и права МГОУ
(Москва, Россия).

Мощнейшее развитие Интернета оказывает огромное влияние на современные международные отношения по многим причинам. Появление сетевых коммуникаций открывает новые возможности для различных государств. Это не только интернет-дипломатия и трансграничная интернет-торговля, но и растущий дискурс по самым актуальным политическим проблемам. Но какую роль играют сетевые технологии в системе международной политики: рога изобилия или ящика пандоры? Попробуем в этом разобраться.

Тень империи

Принято считать, что классические имперские образования уже не существуют. Действительно, Британская, Испанская,

Французская и другие империи давно сошли с исторической сцены. Тем не менее, есть некоторые основания для применения категориального аппарата империи, метрополии, колонии, империализма при анализе современной информационной политики. Империй (власть, от. лат. *impeigare* — командовать) раньше обозначал высшую власть магистратов в древнеримской военной и гражданской сфере [10. — С. 35–47], позже терминология стала применяться в отношении монархий с единым политическим центром, имеющих колониальные территории и ведущих соответствующую империалистическую политику — захватнические войны, экономическую и политическую экспансию. На первый взгляд может показаться, что терминология империи довольно архаична, экзотична и малоприменима к современной международной политике, где есть фактор

Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

демократических стран, парламентаризма и партийной конкуренции, препятствующие возведению политического доминирования в степень абсолюта. Вместе с тем, следует помнить, что перечисленные признаки принадлежат яркой, но сравнительно недавно возникшей западной модели демократической политической системы, в то время как история имперских образований насчитывает многие столетия.

Имперские формы приобрели со временем самый разный политический камуфляж. Даже достопамятные античные Афины вскоре после победы над персами установили гегемонию над своими прежними союзниками по Делосскому союзу и превратились в державу, ухитрившись сохранить в самой метрополии демократическое устройство. Также очевидно, что Соединенные Штаты, являясь по сути демократической политией с развитой избирательной формулой, сохраняют военно-политический блок НАТО для усиления и распространения собственного политического господства, защиты и контроля своих геополитических кодов. Демократия, как это ни парадоксально прозвучит, порой отбрасывает малозаметную тень империи.

М. Манн, профессор социологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, открыто называет США первой глобальной империей, указывая на ее мессианско-эсхатологический признак: раньше римляне оправдывали свою политическую экспансию тем, что несут порядок и правосудие, испанцы — слово божие, британцы — свободную торговлю, французы — цивилизацию, теперь американцы обосновывают свое вмешательство распространением демократии [7. — С. 39–40]. Такое понимание Манн выводит на основе своей теории четырех источников власти (идеологического, экономического, военного и политического), одновременно анализируя глобализацию капитализма и изменение статуса национального государства.

Российский профессор С. И. Каспэ предлагает более широкий формат для этого явления, обозначая его как «империя За-

пада». По его мнению, имперский дискурс и соответствующие сакральные ценности никуда не исчезли после краха Западной Римской империи. Действительно, средневековые политии преодолели дефицит своей легитимности, опираясь на историческое прошлое. Феникс империи буквально возрождался из пепла при Карле Великом и Наполеоне. Нынешняя империя Запада (США и Европейский Союз) достигла некой универсальности, опутав мир своими сетями, ценностями и инфраструктурой [5. — С. 148–160]. Каспэ считает степень конфликтности между американской и европейской частью Западной империи излишне преувеличенной — они всегда смогут договориться между собой по общим проблемам, несмотря на латентные противоречия.

Остается вопрос о совместимости признаков подобной империи (как правило, имеется в виду высокая концентрация власти) с кажущейся свободой сетевой коммуникации. Наивно полагать, что Интернет является абсолютно независимым форумом для демократического дискурса. Теория графов говорит обратное [9. — С. 7] — в интернет-коммуникациях учеными хорошо фиксируется явление сетевой централизации. В этом случае власть обнаруживается в так называемых центральных узлах сетевых коммуникаций, контролирующих потоки информации. Центральные узлы (новостные агентства, интернет-порталы, блоггеры, а также связанные с ними медиамагнаты, олигархи и политики) производят, фильтруют и перерабатывают информационный контент, от которого всецело зависят его потребители — периферийные узлы (граждане и различные организации). При этом часто забывается, что роль центрального узла может взять государство или группа стран, ставящих остальных участников международного сообщества в положение зависимых периферийных потребителей. Здесь работает печально известный «принцип Майнота», когда владелец информации занимается ее умышленным сокрытием или искажением для собственной выгоды и

в ущерб интересам, безопасности, правам и свободам граждан.

Исследователи, уделяющие внимание обозначенной проблеме, ссылаются на так называемый информационный империализм [4. — С. 31] как разновидность империализма культурного, характеризующего общее использование политического, экономического и технологического могущества для распространения ценностей и традиций, а также ведущего к ассимиляции или вытеснению национальной культуры. Ничего нового в этом нет — вспоминаются исторические прецеденты масштабной эллинизации и романизации зависящей от греческой и римской культуры ойкумены. Сторонники эволюционного подхода определяют подобное допустимым и закономерным процессом победы сильной культуры над менее приспособленными к новым условиям культурами [15. — С. 38–53]. Оппоненты обвиняют эту модель в социал-дарвинизме, не считая прогрессом замену ценностей хрупкой культуры ценностями культуры более агрессивной группы [16. — С. 47–64].

Информационная империя черпает свое могущество из культурных индустрий, являющихся важными поставщиками контента в развитии коммуникационных технологий. Культурные индустрии (Голливуд, шоу-бизнес, анимация, комиксы, компьютерные игры, современная музыка, литература, мода, искусство и т. п.), сложившиеся в западных странах, фактически превратились в те стандарты, которые определяют аксиологию культурных товаров и услуг в обществе потребления [12. — С. 190]. Можно это называть глобализацией либо вестернизацией, смысл один — навязываемые новыми медиа и средствами пропаганды социальные и политические стереотипы приводят к долгосрочному росту спроса на эти самые культурные товары и услуги.

Расцвет технологий Web 2.0 предоставляет новые возможности не только для демократического транзита, но и для появления замаскированных информационной средой гибридных неоавторитарных практик через разработку необходимых

для властных элит сетевых алгоритмов [13. — С. 985–1002]. Вместе с тем, подавляющая часть населения мира воспользоваться новыми знаниями о самих сетевых технологиях не может, так как просто не понимает терминологию английского языка, на котором эти знания представлены и который практикуют порядка 80 % web-сайтов. Достаточно вспомнить исследование ЮНЕСКО, свидетельствующее, что на долю США сегодня приходится до 65 % потока информации, циркулирующей в сетевых и других мировых коммуникациях [4. — С. 278, 329]. Именно эти ресурсы выступают центральными и союзными узлами информационной империи, товарными стереотипами ее американизированных и вестернизируемых культурных индустрий. Периферийные узлы сетевой коммуникации тонут в информационном шуме из ненужной, ложной и некачественной информации. Кстати, на этом основан американский принцип засекречивания информации, заключающийся в преднамеренном добавлении к ней не только правдоподобных, но и липовых сообщений.

Если исходить из понимания политики не только как politics — процесса борьбы за удержание и завоевание власти, но и как policy — всей деятельности (в том числе информационной) по формированию, обсуждению и реализации властных решений множеством акторов [11. — С. 9–10] (помимо государственных, в том числе и сетевых — блоггеров, пользователей Интернета), то информацию можно рассматривать в качестве мощнейшего властного ресурса, а не лишь пассивного сопутствующего явления. Такой подход позволяет посмотреть на феномен империи как высокой концентрации власти в сети в несколько ином формате. Следует подчеркнуть, что терминология империи в информационном поле, конечно, во многом условна и предполагает весьма приблизительный категориальный аппарат. С большой долей оговорок можно проанализировать информационную империю как глобальный сетевой механизм, включающий информа-

Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

ционную метрополию, информационные доминионы и информационные колонии. Метрополия (в основном, США) выступает ядром этой информационной системы и выстраивает отношения с зависимыми информационными колониями (большинство стран-потребителей контента) с помощью своих ближайших союзников — информационных доминионов. Против тех государств, которые по каким-то причинам не стремятся интегрироваться в данную структуру, как правило, ведутся информационные войны. Фактически, в этом проявляется информационный империализм.

Сеть versus суверенитет

Краеугольным камнем сложившейся системы международных отношений логично назвать суверенитет государств, который закреплен в Уставе ООН. Исходя из этого принципа, все страны равны друг другу, и каждое государство оказывается носителем верховной власти в пределах собственной территории. Соединенные Штаты, как метрополия складывающейся глобальной информационной империи, не могут полностью игнорировать эту международную норму, поэтому они практикуют *soft power* — «мягкую силу» для достижения политического доминирования через новейшие сетевые технологии, которые на деле преодолевают классические границы государств. Сегодняшний глобальный рынок коммуникаций подчинен непропорционально большому контролю со стороны десятка вертикально интегрированных медийных конгломератов, основные из которых находятся в США [6. — С. 88–89].

Soft power информационной метрополии отчетливо наблюдается в том, что отдельные исследователи называют «цифровым суверенитетом», определяя его как возможности государства самостоятельно определять свои внутренние и внешние политические и геополитические интересы в информационной сфере, независимо выбирать курс внутренней и внешней инфор-

мационной политики, распоряжаться собственными информационными ресурсами, а также гарантировать цифровую безопасность гражданина, общества и страны в целом [3. — С. 123]. Устоявшийся стереотип о том, что Интернет — вселенная без границ, не выдерживает критики в свете последних исследований процедур распределения так называемых доменных имен.

Интернет, естественно, не имеет политических границ в классическом понимании, однако он является довольно неоднородным пространством, делящимся на различные зоны. Здесь искажается международная система суверенитета — вся полнота власти над доменными именами сосредоточена у США, остальные страны являются лишь арендаторами своих кибертерриторий (доменов). Последние играют роль уникальных идентификаторов государства в сети (например, для России — .RU, для Австралии — .AU), именно от доменов зависит качество информационной коммуникации, загрузки сайтов и работы электронной почты (неслучайно английское *domain* переводится как «владение», «территория»).

Национальные домены — это еще и символический ресурс, связанный с имиджевыми характеристиками конкретной страны, ее политической и экономической мощью, культурным влиянием. На этом фоне примечательно, что общую координацию над системой доменных имен осуществляет некоммерческая корпорация по присвоению имен и номеров в Интернете — ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers), располагающаяся в Калифорнии и подотчетная Министерству торговли США [1. — С. 307–314]. Корпорация принимает решение о создании новых национальных доменов, удалении существующих и делегировании права их администрирования. Такая ситуация — явное свидетельство фактора информационной метрополии, поэтому нет ничего удивительного в том, что Россия стремилась получить кириллический домен.РФ, а международное сообщество настояло над общей отчетностью ICANN.

Традиционный суверенитет сталкивается с новыми трендами — если в свое время возникновение массового книгопечатания способствовало переходу средневековых политий к модели национальных государств, то в настоящее время активное распространение Интернета подталкивает примат государства-нации, дополняя ее территориальную базу сетевой, не привязанной к определенному пространству. Значение информационной безопасности государства и его цифрового суверенитета актуализируется современными правительствами неслучайно — те государства, которые не задумываются о последовательной государственной информационной политике, превращаются в информационные колонии.

В случае, если население и бизнес не хотят по разным причинам ассоциировать себя с тем государством, где физически существуют, и регистрируются на доменных именах других государств, то информационный суверенитет страны ослабевает. Иными словами, размеры виртуальных двойников государств могут вовсе не совпадать с их реальными прототипами [2. — С. 17]. Это легко определить — у виртуальных стран-гигантов более миллиона регистраций на их доменных именах, тогда как у виртуальных микростран будет весьма скромное количество регистраций пользователей.

Кроме метрополии, создающей «правила игры» в сетевом поле, а также зависимых от ее контента колоний, среди стран можно выделить информационные доминионы. В классическом понимании исторический доминион — это фактически независимое государство в структуре Британской империи, признающее власть метрополии, но сохраняющее определенную автономию. Схожие элементы можно выявить и в структуре информационной империи — США нужны союзники, на которых можно положиться в тех же кибервойнах.

Доказательством активности имперских доминионов разумно назвать программу Five Eyes [14. — С. 51–57], объединяющую пять государств в элитный альянс. Государства в таком альянсе получают воз-

можность обмениваться между собой самыми современными технологиями и информацией более свободно, чем с другими игроками международной политики. Элитная когорта стран представлена Агентством национальной безопасности США (NSA), Центром правительственной связи Соединенного Королевства (GCHQ), Центром безопасности коммуникаций Канады (CSEC), Управлением радиотехнической обороны Австралии (ASD) и Службой безопасности правительственных коммуникаций Новой Зеландии (GCSB). Посредством TEMPORA, XKEYSCORE и других программ страны этой группы фактически нарушают приватность чужой информации, получая к ней широкий доступ.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что существуют государства, которые по уровню развития интернет-коммуникаций очень близки к информационным доминионам Five Eyes. К ним можно причислить Нидерланды, Швецию, Данию, Японию и Южную Корею. Особенно это понятно на основе сопоставления уровня сетевого прогресса по четырем индексам (Рейтинг стран мира по уровню развития электронного правительства, Индекс развития информационно-коммуникационных технологий в странах мира, Индекс развития Интернета в странах мира, Индекс сетевой готовности) [8]. Названные страны постепенно встраиваются в формат информационной империи, а не просто являются союзниками ее метрополии, что видно на примере совместных пропагандистских акций, а также в практике ведения общих информационных войн. Несмотря на их развитую информационную инфраструктуру, цифровой суверенитет этой группы стран также находится под угрозой и зависит от лояльности/оппозиционности по отношению к США. Подобная ситуация отдаленно напоминает отношения Рима с «друзьями и союзниками римского народа».

Подводя итоги, важно заметить, что несмотря на условную терминологию «информационной империи», среди современных акторов международных отноше-

Информационная империя: миф или новый сетевой мир?

ний всегда найдутся недовольные подобной ситуацией. Часть правительств всерьез опасаются новых разновидностей информационных войн, в рамках которых происходят «цветные революции» и другие перевороты. Например, информационному империализму США старается противостоять Китай, политика которого получила название «Великая китайская огненная стена». Принципы этой стратегии подразумевают ответные технологии контроля контента, перенаправления пользователей на другие сайты, замедления интернет-соедине-

ний, рекрутирования лояльных пользователей, защищающих официальный Пекин в сети, а также работу системы «нейкан», фильтрующей конфиденциальные новости [6. — С. 249–267].

Активную цензуру в сети пытаются применять также власти Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кубы, Йемена, Эритреи, Бирмы и других стран, но это не решает проблему рисков для суверенитета современного государства, важнейшим элементом которого все больше становится управление информационными потоками.

Литература

1. *Барина Д. С.* Национальные домены: символы государственных границ и безграничных возможностей // Вестник МГИМО — Университета. — 2010. — № 5. — С. 307–314.
2. *Барина Д. С.* Асимметрия политического пространства Интернета // Международные процессы. — 2011. — № 1 (25). — Т. 9. — С. 17–19.
3. *Дубов Д. В.* Кибермогущество как базис обеспечения «цифрового» суверенитета в современном мире: ключевые подходы // Проблемы национальной стратегии. — 2014. — № 4 (25). — С. 123.
4. Информационная эпоха: вызовы человеку / Под ред. И. Ю. Алексеевой и А. Ю. Сидорова. — М.: РОССПЭН, 2010. — 335 с.
5. *Каспэ С. И.* Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. — М.: РОССПЭН, 2012. — 191 с.
6. *Кин Дж.* Демократия и декаданс медиа. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. — 312 с.
7. *Манн М.* Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом. — М.: Изд. дом. ВШЭ, 2014. — 208 с.
8. Рейтинги стран и регионов. — URL: <http://gtmarket.ru/research/countries-ranking> (дата обращения: 30.03.2016).
9. *Савин Л. В., Федорченко С. Н., Шварц О. К.* Сетецентрические методы в государственном управлении. — М.: «Сам полиграфист», 2015. — 146 с.
10. *Сморчков А. М.* Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. — М.: РГГУ, 2012. — 602 с.
11. *Сунгуров А. Ю.* Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — 383 с.
12. *Тросби Д.* Экономика и культура. — М.: Изд. дом. ВШЭ, 2013. — 256 с.
13. *Beer D.* Power through the algorithm? Participatory web cultures and the technological unconscious // New Media & Society. — 2009. — Vol. 11. — № 6. — P. 985–1002.
14. *Nyst C., Crowe A.* Unmasking the Five Eyes' global surveillance practices // Global Information Society Watch 2014: Communications surveillance in the digital age. Ed. by A. Finlay. August 18, 2014. — P. 51–57.
15. *Rothkopf D.* In Praise of Cultural Imperialism? // Foreign Policy. — 1996. — № 107. — P. 38–53.
16. *Weckert J.* What is New or Unique about Internet Activities? // Internet Ethics. Ed. by D. Langford. — L.: Macmillan Press, 2000. — P. 47–64.

Информационно-коммуникационные технологии в реализации внешнеполитической стратегии США

Аннотация. В статье рассматриваются инновационные информационно-коммуникационные инструменты внешнеполитического влияния Соединенных Штатов Америки. Автор исследует практику применения современных технологий в целях достижения «глобального лидерства» как главного стратегического приоритета США. Широкое внедрение программного обеспечения, высокотехнологичного компьютерного оборудования, электронных платежных систем американского производства сформировали в развивающихся странах своеобразную «цифровую зависимость» от геополитического гегемона. Контроль над социально ориентированными ресурсами сети Интернет, опосредованно осуществляемый властями США через сеть некоммерческих организаций, позволяет формировать глобальную информационную повестку и управлять политическим поведением граждан в любой точке Земли. В данных условиях России следует не только отстаивать свой цифровой суверенитет, но и наращивать собственный информационно-коммуникационный потенциал.

Ключевые слова: «мягкая сила», внешняя политика, политика США, манипулятивные политические технологии.

Автор

Фельдман Павел Яковлевич,

кандидат политических наук, доцент кафедры философии и политологии ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (Москва, Россия).

В современном постиндустриальном обществе залогом стратегического превосходства в военно-политической сфере становится так называемая «умная сила», сочетающая в себе дипломатические, научно-технологические и культурно-информационные аспекты влияния. Констатируемая экспертным сообществом трансформация холодной войны в «гибридную» заставляет пе-

ресмотреть классические подходы к выявлению факторов геополитического доминирования. В данных условиях с высокой долей вероятности можно утверждать, что происходит стирание грани между военным и информационно-технологическим потенциалом государств. Обеспечение национальной безопасности современной России требует оценки соответствующего потенциала ведущих глобальных держав.

Информационно-коммуникационные технологии в реализации внешнеполитической стратегии США

При этом, наиболее пристальное внимание, в силу объективных обстоятельств, следует сконцентрировать на США.

За последние 25 лет Соединенными Штатами Америки был накоплен значительный информационно-технологический потенциал, который применяется в целях обеспечения глобального лидерства. Большинство американских IT-разработок и социальных инноваций имеют не только коммерческое, но и военно-политическое предназначение. Благодаря тому, что значительная доля мирового рынка компьютерной техники, программного обеспечения, интернет-технологий принадлежит американским компаниям, государство и специальные службы США получают широкие возможности в сфере контроля за глобальными коммуникационными процессами. Более того, Америка является крупнейшим в мире производителем и поставщиком информации. Лидерство в сфере науки, технологий и инноваций обозначено как одна из стратегических целей в Доктрине национальной безопасности США 2015 г. В этом программном документе отмечается, что «научные открытия и технологические инновации являются важнейшими факторами глобального лидерства, которые обеспечивают американское превосходство в военной сфере, способствуют развитию экономики, повышают качество жизни граждан» [8].

В конце XX — начале XXI вв. компьютерная техника и программное обеспечение (в том числе антивирусное) американского производства получили чрезвычайно широкое распространение. Данная продукция в равной степени востребована частными пользователями, компаниями и государственными структурами, что обеспечивает технологическое присутствие США практически в каждом кабинете и офисе Земли. Это открывает американским корпорациям и иным структурам потенциальный доступ к персональным данным пользователей, а также к сведениям военно-политического значения. Таким образом, США не только получают воз-

можность сбора и обработки закрытой информации, но и формируют у других государств «цифровую зависимость» от своей продукции. Осознание данного факта уже пришло к властям Китая, которые из соображений безопасности полностью запретили государственные закупки устройств и программного обеспечения компаний Microsoft, Apple, Symantec. Столкнувшись с американской санкционной политикой, Россия в 2014 г. сократила госзакупки системы Windows в 4,4 раза. Весьма вероятно, что в целях обеспечения информационного суверенитета России, будет законодательно запрещена покупка некоторых видов американской IT-продукции на государственные средства.

Инновационное развитие инфраструктуры американской экономики наделило США возможностью отслеживать и координировать глобальные финансовые потоки. Серверы крупнейших платежных систем Visa, MasterCard, American Express, расположенные на американской территории, аккумулируют данные о транзакционных операциях по всему миру. С 2001 г. американские власти под предлогом борьбы с терроризмом получили доступ к информационной базе платежной системы SWIFT. США занимают лидирующие позиции в сфере виртуальной коммерции: на базе американских сервисов PayPal, eBay, Google Wallet, Apple Pay осуществляется значительная доля международных торговых операций в Интернете. Это позволяет США оказывать политическое давление на другие страны, угрожая им отключением от платежных систем и сервисов. Подобное давление ощутила на себе и Россия в 2014–2015 гг.

Цифровая мощь США во многом обуславливается стремительным развитием Интернета, который первоначально создавался американскими специалистами для военных нужд и лишь в начале 1990-х годов стал доступным для рядовых пользователей. Доминирование в глобальной сети, согласно Доктрине национальной безопасности США, является не менее приоритетной задачей, чем контроль над космическим,

водным и воздушным пространствами. При этом Америка считает своей геополитической миссией сохранение за собой статуса мирового интернет-лидера, обеспечивающего доступ в киберпространство всем жителям Земли. Безусловно, подобное целеполагание объясняется не столько гуманистическими соображениями, сколько стремлением вовлечь как можно большее количество людей в поле информационного влияния США, коим на сегодняшний день является «глобальная паутина». Исключительная популярность американских интернет-сервисов косвенно способствует улучшению внешнего имиджа страны, а, следовательно, и росту политического влияния США на мировой арене.

Военно-политические интересы американского правительства тесно переплетаются с коммерческими интересами IT-корпораций и многочисленных НКО. Международная некоммерческая организация ICANN, созданная при активном участии властей США и базирующаяся в Лос-Анджелесе, выполняет функции «главного регулятора Интернета», контролируя вопросы, связанные с присвоением доменных имен и выделением IP-адресов по всему миру. Колоссальный потенциал «мягкого» культурно-информационного воздействия заключают в себе социально ориентированные продукты компаний Google, Yahoo, Facebook и др. Поисковые сайты, почтовые сервисы и социальные сети не попадают под действие национальных законов о СМИ, хотя и предоставляют своим пользователям новостной контент. Благодаря популярности данных ресурсов, США формируют глобальную информационную повестку и транслируют свои политические ценности всему миру. Кроме того, упомянутые сервисы аккумулируют информацию о поисковых запросах пользователей, нередко нарушая принцип конфиденциальности персональных данных. Шпионские скандалы последних лет свидетельствуют о том, что личная информация из сети Интернет зачастую попадает в руки американских

спецслужб. В частности, уже не раз критике экспертов и правозащитников подвергались гаджеты и сервисы компании Apple, которая накапливает в виртуальном хранилище данные о своих пользователях и при необходимости предоставляет их властям США.

Америка раньше других государств начала применять технологии Web 2.0 в целях управления неформальными сетевыми сообществами по всему миру, что стало настоящей революцией в сфере виртуальной политической коммуникации. Такие ресурсы, как Twitter, Facebook, Instagram, YouTube, вовлекли в процесс интернет-социализации миллионы людей. Влияние социальных сетей на политические процессы было наглядно продемонстрировано в период так называемой «Арабской весны», когда с их помощью удалось осуществить демонтаж легитимных режимов в Тунисе, Египте, Йемене и т. д. Кроме того, применение технологий Web 2.0 всячески способствует культурно-информационной экспансии США, поскольку социальные сети представляют собой «благодатную среду» для распространения псевдodemократических ценностей и культивирования суррогатного западного индивидуализма в обществах традиционного типа. Для этого широко применяются и так называемые «Wiki-технологии». Крупнейшая сетевая энциклопедия Wikipedia, принадлежащая калифорнийской «благотворительной организации», сегодня претендует на роль главного источника знаний для рядовых интернет-пользователей всего мира. Подобные коммуникационные инновации открывают широкие возможности для применения технологий «цветных революций» и «управляемого хаоса».

Инновационные манипулятивные технологии активно разрабатываются Агентством передовых оборонных концепций Министерства обороны США (DARPA). На сегодняшний день Агентство занимается внедрением механизмов контроля за восприятием и интерпретацией обществен-

Информационно-коммуникационные технологии в реализации внешнеполитической стратегии США

но-политической информации индивидами. Данный метод, сочетающий в себе новейшие достижения нейробиологии и коммуникативистики, основывается на генерировании специфических нарративов (новостных сообщений, видеоматериалов, высказываний), которые способны направить человеческую мысль по заранее запрограммированному пути. Благодаря использованию данной технологии в сети Интернет и СМИ искусственно создается виртуальная политическая реальность, претендующая на объективность и истинность. Таким образом пишется отвечающая американским геополитическим интересам псевдоистория, в которой украинские неонацисты выступают борцами за демократические ценности, а Россия предстает в качестве агрессора и угрозы для западной цивилизации. Применение технологий Web 2.0 в сочетании с механизмами нарративного манипулирования постепенно превращает социальные сервисы Интернета в «нарративные сети», осуществляющие идеологический контроль над своими пользователями. Очевидно, что информационно-технологический потенциал США легко конвертируется в политический, а цифровое лидерство наделяет американское правительство «монополией на истину».

В начале XXI в. США при помощи широкого арсенала инновационных технологий стараются сделать глобальное информационное пространство зоной своего военно-политического влияния. В данных условиях России необходимо выработать систему адекватных контрмер, направленных на обеспечение технологического, политического и культурно-информационного суверенитета страны. Необходимо комплексное импортозамещение американской IT-продукции и программного обеспечения (особенно в государственном секторе), а также динамичное развитие отечественных интернет-сервисов, платежных систем и средств массовой коммуникации.

Литература

1. Манойло А. В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос. Мировая политика. — 2015. — № 1. — С. 66–80.
2. Манойло А. В. Геополитические процессы в условиях «управляемого хаоса». Геополитический журнал. — 2013. — № 2. — С. 2–8.
3. Най Дж. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения. — URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm (дата обращения: 10.05.2016).
4. Нейматов А. Я. Современные цветные революции в контексте научно-технологического подхода. Международные отношения. — 2016. — № 1. — С. 106–110.
5. Филимонов Г. Ю., Карпович О. Г., Манойло А. В. Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. — М.: РУДН, 2015. — 528 с.
6. Филимонов Г. Ю. Внешняя политика США: технологии формирования параллельной реальности. Геополитический журнал. — 2014. — № 7. — С. 2–10.
7. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. — М.: Новое издательство, 2005.
8. National Security Strategy of the USA. — URL: https://whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf.

Европейский союз как политический миф

Аннотация. Европейский союз является одним из самых удачных политических мифов современности. Миф «Европейский союз» спроектирован элитой для достижений конкретных политических целей с помощью создания отдельного дискурса «ЕС», нарративной матрицы, поддерживающей данную коммуникативную легенду, и технологий инсценирования произведенного мифа (символическая политика, имиджевая политика и других инструментов).

В статье предпринята попытка проанализировать основополагающие элементы медийно-политического дискурса «ЕС», составляющие суть мифа «Европейский союз», определить ключевые нарративы данного дискурса, а также сформулировать основы символической политики ЕС, реализуемой с целью внедрения мифа о Европейском союзе.

Ключевые слова: Европейский союз, политический миф, символическая политика, имиджевая политика, имиджевый дискурс, медийно-политический дискурс, «мягкая сила», имиджевые роли ЕС.

Автор

Хауер-Тюкаркина Ольга Михайловна,
преподаватель факультета политологии
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Есть такие социальные и политические феномены, которые могут быть легитимированы только посредством мифа... миф „рационализирует“ даже то, что само по себе является абсурдным...

С. П. Поцелуев [З. — С. 41].

Универсум человека — это мир символов, через призму которых происходит формирование индивидуальной и коллективной картины мира. Символы¹ выполняют функ-

цию редукции, предлагая реципиентам готовый к восприятию отрезок реальности, обработанный согласно принципам когнитивной экономии.

Управление символами, включающее в себя их создание, модификацию, деконструирование, является элементом **власти**. Иными словами, актер, создающий символ и активно использующий его в коммуника-

ционных элементах, несущих смысловую нагрузку: лингвистические знаки, экстралингвистические феномены, визуальные символы (пиктограммы, картины и пр.), аудитивные символы и пр.

¹ Под «символом» в контексте данной статьи понимается все многообразие семио-

ях, располагает властью делать это, производя определенный эффект на реципиента.

Мифы — это один из самых древних символов, используемых в различных культурах. Современные политтехнологии часто обращаются к инструменту **мифологизации** для производства смыслов, легенд и образов — иными словами, для производства необходимых **дискурсов**.

Цель политического мифотворчества — получение власти и легитимация этой власти для ее дальнейшего удержания. При этом, как отмечает отечественный исследователь С. П. Поцелуев, легитимация посредством мифа возможна только в том случае, если она производится «настоящим мифом, а не PR-легендой» [3. — С. 41].

Европейский союз является одним из самых удачных политических мифов современности. Это *настоящий* миф, существовавший веками в качестве мифа о «единой Европе», возрожденный после окончания Второй мировой войны европейской элитой для сплочения европейских государств с целью недопущения последующих ресурсных войн на континенте и стремящийся в настоящее время превратиться в миф о европейской наднациональной державе, готовой бороться с глобальными проблемами современности.

Политическая мифология Европейского союза строится на основании дискурсов, культивируемых элитой и лояльными европейскими СМИ. Эта мифология заменяет необходимость существования самого ЕС, который *не существует* как естественно образовавшегося геополитического конструкта. Существует континент Европа, европейское культурно-цивилизационное пространство, но не Евросоюз, являющийся организацией, а не сверхгосударством. Однако верить в единство искусственно созданной организации, размышлять об абстрактном европейском гражданском сообществе гораздо сложнее, чем думать о едином «европейском доме ЕС». Сложность в восприятии ЕС состоит в его эфемерности, расплывчатости

и абстрактности. Несмотря на то, что ЕС пытается копировать габитус «естественного» государства, создавая аналогичные органы и структуру управления, а также стремясь к оформлению своих юридических основ по образу государственных (конституция), ЕС продолжает быть абстрактностью, некой организацией со штаб-квартирой в Брюсселе. Для упрощения восприятия Союза, а также для того, чтобы целевые аудитории поверили в идею о «единой Европе», был создан миф — миф «ЕС», призванный усилить четкость восприятия ЕС и даже заменить абстрактную идею на конкретную и осязаемую.

Итак, существует реальный миф «Европейский союз», спроектированный элитой для достижения конкретных политических целей с помощью создания отдельного дискурса «ЕС», нарративной матрицы, поддерживающей данную коммуникативную легенду, и технологий инсценирования данного мифа (символическая политика, имиджевая политика и других инструментов).

В статье предпринята попытка проанализировать основополагающие элементы медийно-политического дискурса «ЕС», составляющие суть мифа «Европейский союз», определить ключевые нарративы данного дискурса, а также сформулировать основы символической политики ЕС, реализуемой с целью внедрения мифа о Европейском союзе.

Медийно-политический дискурс «ЕС»

Дискурс — это то, то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть...

М. Фуко [6]

Само понятие «дискурс» является расплывчатым, его смысловые границы зачастую определяются конкретно той научной дисциплиной, в рамках которой используется данный термин. Истоки понятия «дискурс» связаны с трудами лингвистов, работавших в начале XX в. В лингвистиче-

ском плане дискурс трактуется как некий лингвосоциальный конструктор, состоящий из текста (письменного или устного), реализованного в коммуникативной среде.

В основе современных общенаучных трактовок «дискурса» лежит понятие коммуникативного действия, разворачивающегося в некой социальной среде с помощью лингвистических (текст) и паралингвистических (мимика, жесты, другие способы визуализации) средств. Цель подобного коммуникативного действия — воздействие на ментальные установки реципиента для формирования новых установок или модификации старых, а также для культивации тех или иных образов, формирующих восприятие реальности.

Изначальный смысл слова дискурс (от лат. *discursus* — бежать в разные стороны, разбегаться, распадаться, рассеиваться) состоит в некотором динамичном действии, предполагающем подвижность, рассеивание. Это живой процесс, а не финальный результат. «Дискурс как языковая деятельность [...] способен сообщать знания, влиять на эмоциональное состояние, побуждать к действию. Основной целью дискурса является координация деятельности людей в обществе, а средствами достижения этой цели выступают изменения ментальных состояний реципиента: его знания, оценок и ценностей, волевых импульсов» [1. — С. 111].

Интересна трактовка «дискурса» в философской традиции французских структуралистов и постмодернистов (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-П. Сартр, Ж. Делез, М. Пеше). Для М. Фуко дискурс — это некое образование, которое производится одними членами общества для осуществления **контроля** над другими. Таким образом, дискурс выступает **инструментом власти**: дискурс «...это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть [...] ... в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется,

подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновесной, такой угрожающей материальности» [6].

Производство дискурса обусловлено волей к власти со стороны производителя дискурса и волей к истине со стороны реципиентов. Производство протекает по определенным правилам и техникам (например, техника умолчания или табуирования), а производитель дискурса выступает в роли, как пишет Фуко, дискурс-полицейского, осуществляющего контроль над дисциплиной: «Дисциплина — это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил» [6. — С. 69].

ЕС и его институты устанавливают данные правила. «Автором» дисциплины является сложная система, реализующая коммуникационную политику ЕС. Ее структура выглядит согласно Схеме 1.

Далее предлагается рассмотреть функции, которые выполняет медийно-политический дискурс «ЕС»:

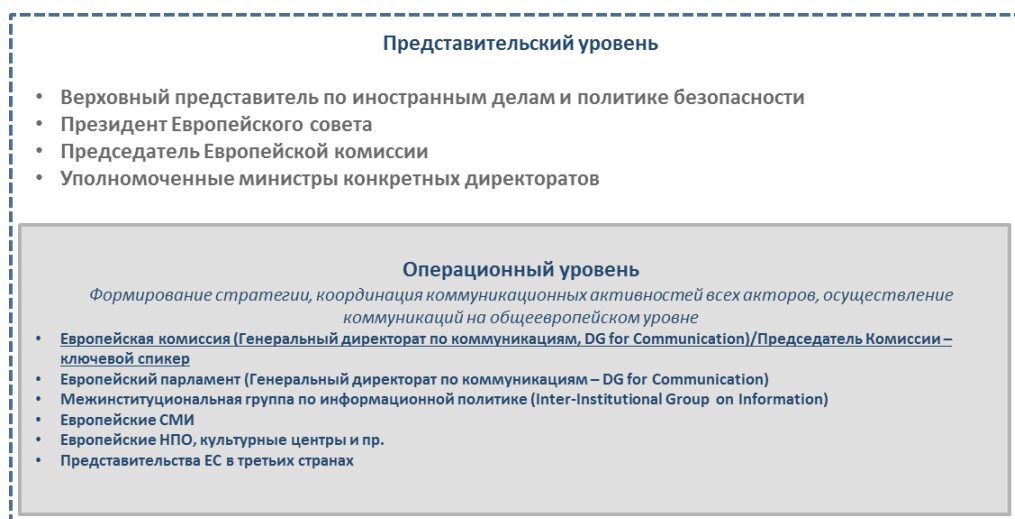
- *Функция аккумуляции власти.*

Центральным понятием в дискурсологии является феномен власти индивида, группы или института как способа реализации контроля. Исследователи отмечают, что доступ к некоторым формам и жанрам дискурса сам по себе является проявлением власти. Иными словами, ЕС, обладая прерогативой в формировании политических посланий, обладает данным властным ресурсом, направленным на формирование необходимых установок (в конкретном случае — позитивного восприятия мифа «Европейский союз»).

- *Легитимирующая функция.*

Дискурс «ЕС», благодаря которому формируются новые смыслы, создает новую

Схема 1. Система коммуникаций ЕС

политическую и социальную реальность. Отец-основатель теории символических политических актов (symbolic political acts) М. Эдельман отмечал: «В то время как принуждение и запугивание помогают проверить степень сопротивления во всех политических системах, ключевой стратегией всегда оставалось производство смыслов (evocation of meanings), которое легитимизирует предпочитаемые образы действия или же запугивают людей или отговаривают их от активности, а также воодушевляют их оказывать поддержку или же просто бездействовать» [10].

• *Функция контроля.*

С помощью созданного дискурса можно контролировать допустимые границы интерпретации культивируемого мифа, создавая определенные правила восприятия и ретрансляции мифа.

Контроль подразумевает не только формирование дискурса и его элементов, но и контроль над доступом разных лиц и структур к возможности формировать данный дискурс. Основным институтом, осуществляющим данную функцию со стороны ЕС, являются вышеперечисленные уполномоченные органы на европейском и национальном уровне, а также лояльные ЕС СМИ. Существует лагерь «оппонентов»,

например, СМИ других государств, не являющихся лояльными с точки зрения безоговорочной поддержки культивируемых дискурсов. Такие СМИ формируют зачастую **контрдискурс**, который нивелирует капитал исходного дискурсивного образования и представляет угрозу для существования политического мифа. Вопрос состоит только в том, какой дискурс является более стойким. Стойкость дискурса определяется такими факторами, как правдивость, реалистичность, аутентичность, соответствие реалиям повседневности, подкрепленность «делом».

• *Регулятивная функция.*

Дискурс, лежащий в основе мифа и являющийся тем самым символом, позволяющим воспринимать реальность в упрощенном виде, регулирует габитус целевой аудитории. Это происходит благодаря воздействию на когнитивную матрицу реципиента, воспринимающего предлагаемый символ.

• *Информационная функция.*

• *Репутационная функция* (укрепление репутационного капитала мифа — его аутентичности, правдивости, естественности).

• *Манипулятивная (пропагандистская) функция.*

Структура медийно-политического дискурса «ЕС»

Дискурс «ЕС» создается в двух модусах:

- Упорядоченный модус: речь идет о культивировании дискурса на официальном уровне со стороны ЕС и подконтрольных институтов;
- Стихийный модус: дискурс ЕС, создаваемый СМИ других государств, третьими сторонами, акторами, организациями. ЕС не имеет непосредственного влияния на данный дискурс, образующийся стихийно, т. е. без контроля со стороны ЕС.

Ранее отмечалось, что ключевым элементом дискурса является власть, в том числе *власть над дискурсом*. В данной статье речь идет об упорядоченном модусе дискурса «ЕС» — т. е. том конструкте, который является продуктом сознательной деятельности европейских политиков.

Коллективное тело текстов, создающее дискурсивную формацию «ЕС» (в упорядоченном модусе), можно классифицировать:

- 1) По жанру
 - Официальные речи и выступления европейских чиновников и представителей ЕС
 - Пресс-релизы
 - Сообщения в СМИ, инициируемые коммуникационными институтами ЕС
 - Интервью с официальными представителями ЕС
 - Официальные документы
- 2) По типу
 - Массмедиаальный дискурс
 - Публичный дискурс
 - Политический дискурс
 - Экономический, культурный, правовой, военный и пр.
 - Имиджевый дискурс

Структуру дискурса «ЕС», поддерживающего миф о Европейском союзе, можно представить следующим образом:

Медиаально-имиджевый дискурс «Европейский союз»

1. Дискурсивные нарративы (смысловые группы с ядром и периферией)

а. Суб-нарративы

2. Оппозиционные имиджевые дискурсивные парадигмы (ОИДП)

Автор предлагает использовать понятие «оппозиционные имиджевые дискурсивные парадигмы», суть которого заключается в осознанном использовании коммуникатором бинарных оппозиционных парадигм, основанных на культурно-цивилизационном факторе, с целью усиления контрастности в восприятии своего имиджа, отличного от имиджа других. В качестве примера может выступать академический дискурс Запада, сформированный сначала политической элитой, а затем СМИ для усиления парадигмального мышления целевых аудиторий и формирования «нужных» паттернов восприятия.

В основе данного подхода лежит теория бинарного противопоставления «мы» vs «они», составляющая суть «политического» у Шмитта, а также описанная в философских трудах других авторов, в которых рассматривается проблематика «другого» (Ж.-П. Сартр, Э. Гуссерль, Ж. Дерриды, Ш. Муфф и пр.¹).

Принцип бинарной оппозиции делает дискурсивную парадигму легкой для восприятия, доступной для интерпретации, односложной и не требующей дополнительных спекуляций. В бинарной оппозиции срабатывает принцип «*Tertium non datur*», что делает ее востребованным инструментом для создания манипулятивных посланий.

Содержание дискурса «ЕС» и определение имиджевых ролей Евросоюза

Для определения основных смысловых элементов дискурса «ЕС» предлагается провести контент-анализ двух знаковых деклараций, выпущенных политической

¹ Исследование философского феномена «другого» произведено, например, в диссертации: Смоляк О. А. Европейский дискурс другого: культурологические модели ориентирования человека в современном жизненном мире : дисс. ...кандидата культурологии: 24.00.01. — Пермь, 2004.

Европейский союз как политический миф

Схема 2. Контент-анализ Декларации Р. Шумана

Нарратив «Миссия Европы»	Нарратив единства	Экономический нарратив	Правовой нарратив	Нарратив толерантности	Ценностный нарратив
вклад Европы — поддержание мирных отношений	сплочение народов, разделяемых кровавой борьбой	создание общих экономических основ для объединения			мир во всем мире
служить миру	создание экономической организации — первый шаг на пути к европейской федерации, существующей для сохранения мира	экономическое развитие			повышение уровня жизни
восстановление Европы (после войны)		создание производственного союза, открытого всем странам			
устранение разногласий между Францией и Германией (залог европейского единства)		закладка фундамента экономического объединения			
создание единой организации, в которую позже смогут вступать другие европейские страны		экономический союз			
развитие африканского континента					
создание управленческих структур экономического сообщества					

элитой и сторонниками проекта единой Европы с целью трансляции общей публичке. Контент-анализ проводится для выделения основных семиотических полей и смысловых цепочек, которые являются основой официальной нарративной матрицы ЕС. Данные смысловые цепочки основаны на принципе «семейного сходства», автором которого является австрийский философ Людвиг Витгенштейн.

Перед проведением контент-анализа выделяются ключевые нарративные элементы, характерные для дискурса «ЕС» на современном этапе:

- Нарратив «Миссия Европы»
- Нарратив единства (или объединения)
- Экономический нарратив
- Правовой нарратив

- Нарратив толерантности

- Ценностный нарратив

Данные нарративы являются дискурсообразующими, они активно используются во всех видах *официальной* коммуникации ЕС (речи, выступления, декларации, договоры, проекты основных документов, информационные тексты, представленные на официальных источниках о ЕС). Важно подчеркнуть, что речь идет о коммуникации, реализуемой непосредственно ЕС и ответственными за коммуникацию органами. Иными словами, это те послания, которые ЕС активно поддерживает и транслирует с целью формирования нужного вектора дискурса «ЕС».

Первый источник для анализа — Декларация Шумана от 9 мая 1950 г. [9]. Фран-

цузский министр иностранных дел Роберт Шуман, впечатленный идеями Жана Моне, презентовал в 1950 г. свои идеи, которые легли в основу проекта единой Европы. День, когда Роберт Шуман выступил с декларацией, сегодня принято считать Днем Рождения Европейского союза.

Анализ (Схема 2) показал приоритетность следующих нарративов:

Нарратив «Миссия Европы» являлся на том этапе ключевым, так как речь шла непосредственно о формировании единого экономического сообщества. Шуман выступил своего рода «послом» идеи единой Европы и артикулировал необходимость создания единого экономического сообщества, которое ляжет в основу будущей европейской федерации. Цель — объединение ресурсов и экономик для дальнейшего недопущения войн.

В своей речи Шуман делает акцент на устранении противоречий между Францией и Германией, так как именно здесь заложен основной потенциал угрозы миру в Европе.

Данный нарратив полностью отображает суть реалий послевоенной Европы. Шуман не стремится сильно развить тему глобального европейского единства. Он выбирает «тактику салями», концентрируясь на конкретном шаге — создании экономического союза, прежде всего, между Францией и Германией.

Второй по важности нарратив — **экономический**. Экономика была призвана стать связующим звеном, локомотивом европейского объединения.

Нарратив единства представлен не так ярко выражено. Пока речь идет об экономическом единстве, которое может стать основой для политического объединения.

Остальные нарративы отсутствуют в данной речи и в документах данного периода. Дискурс единой Европы формировался на нарративах экономического единства, поддержания мира и стабильности в Европе, а также сплочения европейских стран перед лицом коммунистической угрозы. Создаваемый политиками конструкт единой Европы был призван отграничить мир-

ную единую Европу от всего, что связано с войной, а также отграничить капиталистическую Европу от коммунистической.

Основные **оппозиционные имиджево-дискурсивные парадигмы** того времени были следующие:

Мир vs. война. Единая Европа призвана стать оплотом мира, противостоящим силовым акциям. За несколько десятилетий Европе пришлось пережить две кровавые войны, которые заставили задуматься о необходимости предотвращения подобных событий в будущем. Послевоенная Европа становится воплощением мирной жизни, в которой постоянно растет уровень социальной обеспеченности граждан. Все, что находится за рамками Европы (а затем и ЕС) — коммунистический лагерь, Африка и прочие неевропейские государства, является потенциальным источником военной и силовой угрозы.

Запад vs. Восток. Данная линия разлома является одним из ключевых идентичностных нарративов Европы. Отсталый Восток — просвещенный Запад — именно так мыслили европейцы на протяжении многих веков.

Дискурс «другого» является одним из ключевых для европейской философской мысли. Отец феноменологии Э. Гуссерль пишет о «данности» другого, постулируя тот факт, что другой дается нам непосредственно, и «его» (я, субъект познания) создает бытие другого согласно содержанию своего опыта. Другой устанавливает границы «меня самого» и позволяет отделить «я» от «не я». Процедура создания другого содержит два шага: полагание чистого другого его, еще не наделенного мирообразующим смыслом, а также восприятие на основе внешнего опыта тела другого по аналогии с собственным восприятием [5].

Именно второй шаг — прояснение опыта — является ключевым звеном, над формированием которого работают институты, формирующие медиальные дискурсы, выступающие «лекалом» для формирования образа воспринимаемого.

Европейский союз как политический миф

В этой связи невозможно не упомянуть произведение известного политолога Э. Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока», в которой автор утверждает, что Восток не является «инертным фактом природы», это рукотворный конструкт, это «идея, имеющая историю и традицию мышления, образный ряд и свой собственный словарь, обусловившие их реальность и присутствие на Западе и для Запада» [4. — С. 13–14].

Восток был ориентализирован Западом для того, чтобы подчеркнуть отношение силы и господства, отделяющее могущественный Запад от немощного и темного Востока. Ориентализм стал системой знаний о Востоке, выступавшей «признанным фильтром, через который Восток проникал в западное сознание» [4. — С. 15]. В основе ориентализма лежит стратегия гибкого позиционного превосходства, которой пользовался Запад при определении своих отношений с Востоком.

Продолжением бинарной оппозиционной парадигмы «Запад vs. Восток» — или даже ее производными — являются парадигмы «**прогресс vs отсталость**» и «**процветание vs. нищета**». Процветающая Европа, в которой удалось достичь высокого уровня жизни для граждан, и в которой постоянно ведется работа по выравниванию жизненных стандартов в отдельных европейских странах, является символом экономического прогресса и социальной стабильности. Полемика «богатый Север — бедный Юг», сформированная неомарксистами, лучше всего выражает сущность парадигмального мышления, связанного с восприятием ЕС как успешного экономического игрока, а остальных стран как экономически ущербных.

Европейская экономическая модель долгое время представляла собой образец успешного ведения экономики нескольких стран. Успешность данной модели была поставлена под сомнение только в XXI в., когда кризис Еврозоны пошатнул веру во всесильность евро и непоколебимость европейских финансовых институтов. Од-

нако несмотря на текущие экономические вызовы ЕС продолжает поддерживать имидж прогрессирующего образования, в котором граждане могут чувствовать себя в полной безопасности. Дискурс прогресса, процветания, стабильности и защиты граждан является на современном этапе одним из ключевых. Это связано с падением уровня доверия граждан к ЕС, а также с необходимостью возврата репутационного капитала, растроченного из-за экономического и общего интеграционного кризиса ЕС.

Либерализм vs. Коммунизм в определенной мере является продолжением темы «мир vs война», а также «процветание vs отсталость». Сплочение либеральных стран Европы проходило, как утверждали многие западные политики, перед лицом общей угрозы — коммунизма. Данная оппозиционная цепочка активно форсировалась в общеевропейской и американской полемике с целью формирования образа общего врага.

Второй источник для контент-анализа — Декларация по случаю 50-летнего юбилея с момента подписания Римских соглашений [9]. Декларация является знаковым документом, положившим начало формированию Евросоюза. Выбор источника объясняется не только важностью документа, но и тем фактом, что источник относится к современности, что позволяет проследить динамику развития дискурса «ЕС» (Схема 3).

Основным нарративом является **нарратив единства**. Это связано с тем, что в последнее время появилась острая необходимость усиливать интеграционные связи стран-членов, мотивировать государства поддерживать единство на европейском уровне, формировать единое европейское сообщество. Эти задачи особенно актуальны в условиях наметившихся дезинтеграционных тенденций, вызванных кризисом Еврозоны.

Во всех официальных текстах (письменных и устных) ЕС активно использует нарратив единства, чтобы укрепить саму идею единства. Говоря о «единстве», ЕС «объ-

единяет» — граждан европейских стран в единое европейское гражданское сообщество, европейские государства — в единый экономический, политический и культурный союз, европейские страны в единое геополитическое пространство.

Сегодня мы являемся свидетелями углубляющейся политической интеграции ЕС. ЕС активно копирует габитус национального государства не только с точки зрения внутреннего устройства, но и с точки зрения развития ключевых направлений политической деятельности (например, общая внешняя политика, оборонная политика).

Вторым важным нарративом является **«миссия Европы»**. ЕС позиционируется как активный политический актор, решающий проблемы глобального уровня — борьба с терроризмом, нелегальной миграцией, преступностью. Кроме того, ЕС выступает как *ответственный* политический актор, заботящийся об охране окружающей среды и прочих проблемах, с которыми сталкивается глобализирующийся мир. Данное позиционирование помогает ЕС обосновывать свою значимость, свой вклад. С помощью заявленной миссии ЕС дает понять, что действия ЕС носят эффективный характер и направлены на решение проблем, с которыми ни одно государство не в состоянии справиться в одиночку.

Интересно отметить, что **экономический нарратив**, лежащий в основе европейского дискурса фактически до момента подписания Маастрихтских соглашений, уступает место **нарративу ценностей**. ЕС не позиционируется как чисто экономическая организация, напротив, ЕС — это единое культурно-историческое и даже цивилизационное пространство, элементы которого (страны — члены ЕС) разделяют единые ценности.

Нарратив ценностей — это своего рода символический капитал ЕС, который лежит в основе идеи единства. Ведь для обоснования единства чисто экономической компоненты в современном мире недостаточно. Важно искать новые основания — в культуре, истории, традициях. Такими ос-

нованиями стали **нарратив права** (ЕС как правовое пространство), толерантности (здесь можно выделить политику «мультикультурализма» и концепцию «Единство в многообразии», выражающую суть подхода ЕС к различным культурам, интегрированным в общую европейскую культурную матрицу), демократии и прочих ценностей, заявляемых как исконно европейские.

Имперский дискурс или дискурс сверхдержавы поддерживается ЕС не столь активно. ЕС позиционирует себя как единого политического актора, при этом статус «сверхдержавности» не является ключевым в коммуникации. ЕС трезво оценивает свое положение, во многом все еще определяемое как «экономический гигант и политический карлик». ЕС не стремится к сверхдержавности, навязываемой иностранными СМИ с целью медийного нагнетания и создания оппозиционной парадигмы «сверхдержава vs государства — вассалы ЕС».

ЕС делает ставку на **дискурс «нормативной державы»**, который поддерживается **правовым нарративом**. Евросоюз концептуализируется как актор, обладающий нормативной силой, т. е. способностью «формировать нормы, на основе которых функционирует политическое сообщество» [2. — С. 5]. Важно отметить, что феномен «нормативной державности» находит отражение не только в политической стратегии и политическом «габитусе» ЕС, но и в особенностях восприятия себя и последующего позиционирования себя как нормативной державы.

Технологии дискурс-строительства и культивирования мифа «ЕС»

К основным инструментам можно отнести следующие технологии:

- Символическая политика ЕС
- Коммуникационная политика ЕС
- Имиджевая политика ЕС
- Политический маркетинг и политический PR
- Региональный маркетинг и маркетинг мест
- (Новая) публичная дипломатия, культурная дипломатия

Европейский союз как политический миф

Схема 3. Контент-анализ Декларации по случаю 50-летнего юбилея с момента подписания Римских соглашений.

Нарратив «Миссия Европы»	Нарратив единства	Экономический нарратив	Правовой нарратив	Нарратив толерантности	Ценностный нарратив
преодоление трудностей	чувство сообщества	экономический успех	верховенство права	взаимоуважение	усиление демократии
ответ глобальным вызовам	европейское объединение		права личности	солидарность	личность — главный элемент
социальная ответственность	ненатуральное разъединение Европы теперь в прошлом		равноправие мужчин и женщин	справедливость	достоинство личности
борьба с терроризмом, организованной преступностью и нелегальной иммиграцией	европейская интеграция			баланс между странами-членами	многокультурность
борьба с расизмом и ксенофобией	мы живем вместе, что раньше невозможно			равноправие	развитие стран
мирное разрешение конфликтов	объединение во благо граждан			сохранение идентичностей стран	открытость
защита окружающей среды	уникальный способ жить и работать вместе				стабильность
	цели, которые можно достичь только сообща				мир
	европейское сообщество				понимание
	единая Европа — мечта предыдущих поколений				мир и процветание
	единая Европа — наше общее будущее				

Последние пять инструментов подробно рассмотрены автором в монографии «Современная имиджевая политика Европейского союза» [7].

В рамках данной статьи хотелось бы более подробно рассмотреть символическую политику как инструмент культивации мифа «ЕС».

С. П. Поцелуев, глубоко исследовавший феномен «символическая политика», следующим образом определяет данный концепт: символическая политика — это «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [12. — С. 9]. Дискурс «ЕС» является одним из таких устойчивых смыслов, внушаемых посредством политических коммуникационных технологий на основании выстроенной стратегии.

Символическая политика используется политической элитой, производящей необходимые смыслы — или же дискурсы — для легитимации власти. Можно выделить следующие элементы символической политики ЕС [8]:

Символический уровень

Флаг ЕС — основной коммуникационный элемент. Помимо самого флага в коммуникациях могут быть использованы его элементы в отдельности. Так, например, звезды, выстроенные в круг, являются узнаваемым символом ЕС.

Схема 4. Пример использования флага как основного визуального маркера ЕС

Гимн (Ода «К радости»).

Евро — единая европейская валюта — это венец эффективной экономической интеграции, не знающей прецедентов. Евро является одной из самых стабильных валют, а пространство еврозоны — одним из крупнейших валютных пространств.

Девиз «Единство в многообразии» призван показать, что европейские культуры уникальны и неповторимы, но едины в своем начале (это вера в единую судьбу, в единый европейский дух, в греко-рим-

ское культурное наследие, вера в демократию, просвещение и гуманизм).

«Сделано в ЕС» — маркер продукции, произведенной в ЕС.

9 мая — День Европы (День Декларации Роберта Шумана) — праздник мира и единства в ЕС, приуроченный к дате 9 мая 1950 г., когда основателями Союза было предложено создание Европейского Объединения угля и стали (ЕОУС), положившее начало истории европейской интеграции.

Событийный уровень

Политические и социальные акции, события и политический «хеппенинг», проводящиеся на общеевропейском уровне.

Знаковые события и мероприятия для ЕС. Например, празднование 50-летия Римских соглашений в 2007 г. позволило всем странам — участницам ЕС переосмыслить роль единой Европы, ее ценности и основные политические задачи.

Культурные события, выставки, перформансы, дни памяти, дни европейской культуры и прочие символические активности. Например, программа «*Культурные столицы Европы*», целью которой является привлечение внимания со стороны мировой общественности к той или иной культурной столице, повышение туристической привлекательности, сохранение общеевропейского культурного многообразия.

Другой пример — «**Знак Европейского Наследия**» (European Heritage Label), учрежденный в 2010 г. с целью повышения значения роли культурных объектов, которые играли ключевую роль в строительстве единой Европы.

Политико-правовой уровень

Ключевые документы, декларации, соглашения (например, Римские соглашения). Европейская конституция могла бы стать важнейшим символом единства ЕС, однако она не была принята. В настоящий момент конституция заменена Лиссабонским договором, который призван внести изменения в действующее соглашение о Европейском союзе.

Европейский союз как политический миф

Европарламент, избираемый европейским народом, является vox populi — голосом европейского народа и важнейшим символом демократии.

Европейское гражданство, обеспечивающее право свободного передвижения по ЕС, проживания, трудовой деятельности, право быть избранным в Европарламент и пр.

Личностный уровень (послы бренда «ЕС»)

Введение позиций высокого представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности, а также поста Председателя Европейского совета позволяет персонализировать проводимую политику с конкретными личностями, которые являются официальными послами бренда «ЕС».

Лингвистический (семантический) уровень

Символический язык Европейского союза, специальные аббревиатуры, неологизмы и речевые обороты, введенные с целью фиксирования на лингвистическом уровне новых социальных реалий. Например, «евро», «Корепер», «ECOFIN», «Эразмус Мундус» и т. д. Все эти слова создают отдельный языковой пласт, формирующий чувство общности (или приобщенности к единым социальным реалиям, включенности в единый политический процесс).

Информационно-коммуникационный уровень

Телеканал Euronews можно считать одним из самых успешных коммуникационных проектов не только в европейском, но и в мировом масштабе: информационно-познавательная направленность рубрик и передач делает передаваемые сообщения актуальными для различных стран ЕС и мира.

Телевизионная межинституциональная информационная служба ЕС Europe by Satellite (Ebs) предоставляет локальным, региональным и международным

СМИ как сырые материалы, так и готовые программы, репортажи и хроники, в которых речь идет о релевантных для ЕС вопросах. Основная идея данного сервиса «Мы даем вам картинку и звук, а вы (СМИ) делаете из них историю».

Официальный веб-сайт Европейского союза «Европа» (www.europa.eu), на котором в краткой и доступной форме рассказывается о принципах работы ЕС.

Евробарометр — основной инструмент мониторинга общественного мнения о ЕС, проводимой политике и пр.

Телевизионный веб-канал Europarl TV (European Parliament's Web-television). Цель канала — информирование граждан ЕС об активностях парламента, о происходящих изменениях в ЕС, а также о тех законах, которые влияют на жизнь граждан.

Европейская радиосеть EURANET — объединение международных, национальных и региональных радиовещательных компаний в единый пан-европейский консорциум с целью освещения ключевых событий ЕС не с национальной, а с общеевропейской позиции.

Странички главных органов ЕС в социальных сетях.

Все вышеперечисленные инструменты выступают инструментом формирования и управления социальной реальностью, обусловленной существованием мифа «Европейский союз».

Постулат о том, что «Европейский союз — это миф» позволяет переосмыслить роль данной организации в глобальном политическом процессе, что особо актуально в условиях наметившегося экономического и интеграционного кризиса ЕС, одним из исходов которого некоторые исследователи считают самоликвидацию Союза.

Миф о единой Европе, впоследствии ставший мифом «ЕС», является одним из самых успешных политических мифов, построенных европейской элитой с целью аккумуляции властных ресурсов и леги-

тимации политических действий на общеевропейском уровне. Созданный миф успешно поддерживается с помощью различных инструментов, технологий и инсценировок, которые помогают политической элите ЕС и лояльным европейским СМИ производить дискурс «ЕС» во всем многообразии его нарративов и умело управлять им.

Однако несмотря на то, что миф ЕС является успешным и эффективным, а еврооптимисты активно работают над тем, чтобы дискурс соответствовал социальным и политическим реалиям, а не был исключительно декларативным, для многих европейских стран ЕС перестал быть *conditio sine qua non* благосостоятельной и мирной Европы.

Американский писатель Эдуарг Далберг говорил о том, что мифы — это коллективные сны наяву. Возможно, ЕС следует освободиться от мифического сна, чтобы предложить гражданам ЕС новое видение миссии Союза, отвечающее представлениям европейцев и способное быстро реагировать на изменяющиеся реалии современности.

Литература

1. Дорожкин А., Шибаршина С. Философский дискурс как форма коммуникации / Человек в системе коммуникации: сборник научных трудов / Под ред. Е. П. Савруцкой. — М., 2014.
2. Кузнецова Е. Е. Европейский союз как нормативная держава: принципы теоретического моделирования и политического проектирования : дисс. ...кандидата политических наук : 23.00.02. — Нижний Новгород, 2009.
3. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта / Символическая политика: сборник научных трудов / Под ред. Малинова О. Ю. — М., 2012.
4. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. — СПб, 2006.
5. Смоляк О. А. Европейский дискурс другого: культурологические модели ориентирования человека в современном жизненном мире : дисс. ...кандидата культурологии: 24.00.01. — Пермь, 2004.
6. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М., 1996.
7. Хауер-Тюкаркина О. М. Современная имиджевая политика Европейского союза. — М., 2015.
8. Хауер-Тюкаркина О. М. Бренд Европейский союз // Бренд-менеджмент. — 2015. — № 1.
9. Declaration on the occasion of the 50th anniversary of the signature of the Treaties of Rome. OA-77-07-268-EN-D. — URL: <http://bookshop.europa.eu/en/declaration-on-the-occasion-of-the-50th-anniversary-of-the-signature-of-the-treaties-of-rome-pbOA7707268> (дата обращения: 22.04.2016).
10. Edelman M. Political Language and Political Reality // PS. — 1985, Winter. — Vol. 18. — № 1. — P. 10–19. — URL: <http://www.jstor.org/stable/418800> (дата обращения: 01.05.2016).
11. Дорожкин А., Шибаршина С. Философский дискурс как форма коммуникации / Человек в системе коммуникации: сборник научных трудов / Под ред. Е. П. Савруцкой. — М., 2014.
12. Символическая политика: сборник научных трудов / Под ред. Малинова О. Ю. — М., 2012. — С. 9.

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия «свобода совести и религии» в документах Организации Объединенных Наций

Аннотация. Число и неоднородность документов, в рамках которых ООН занимается свободой совести и религии, следует признать внушительными. Тем не менее, это богатство связывается с созданием все новых терминов, которые не очень ясно называют религиозные явления, а в особенности определяют права и свободы, связанные с религией, а также угрозы и нарушения этих прав и свобод. Более того, многие термины эмоционально сильно окрашены, создают запутанную сеть, которая с большим трудом подвергается связной интерпретации. Это способствует ситуации, в которой международные учреждения не используются эффективно для разрешения конфликтов на почве религии или убеждений.

Ключевые слова: свобода совести и религии, свобода совести и религии в документах ООН, непрозрачность понятия «свобода совести и религии», диффамация религии.

Автор

Хордецки Бартош,

PhD (political science), PhD (law) адъюнкт
Департамента медийных систем и права СМИ
Факультета политических наук и журналистики,
Университета им. Адама Мицкевича в Познани
(Познань, Польша).

1. Введение

Число и неоднородность документов, в рамках которых Организация Объединенных Наций занимается свободой совести и религии, следует признать внушительными. Богатство актов свидетельствует об особом внимании, которое ООН — зачастую в сотрудничестве со специализированными организациями — сосредотачивает на проблематике защиты отдельных

лиц и общин по религиозным соображениям [5].

Тем не менее, обилие норм и деклараций также представляет определенные трудности. Можно отметить, что в течение нескольких лет понятие свободы совести и религии, которыми оперирует ООН в своих документах, подвергалось многочисленным трактовкам. Эта ситуация вызывает беспокойство, поскольку отсутствие прозрачности в терминологии способствует непониманию и интерпретационным конфликтам.

2. Создание ООН системы защиты свобод совести и религии в 1945–1981 гг.

В ООН всегда принимался принцип, согласно которому религия не может быть причиной для дискриминации. В Уставе Организации Объединенных Наций среди ее целей перечислены «поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии»¹.

Тем не менее, отношение основателей ООН к религии следует считать консервативным, на что обратил внимание Роберт Ф. Дринан. Автор заметил, что Устав ООН, по правде говоря, пятикратно упоминает о правах человека, но ни разу не говорит о свободе религии, основанной на совести [1]. По его мнению, тем, что повлияло на позицию ООН, была травма, вызванная не только Второй мировой войной, но и религиозными войнами, которые на протяжении столетий разоряли Европу. Эту позицию, кажется, подтверждают *expressis verbis* фундаментальные документы ООН². Кроме того, в соответствии с мнением Р. Ф. Дринана, трудность обозначения религиозных вопросов в Уставе ООН возникала из-за разногласий по сути, а в особенности, по вопросу содержания свободы в делах веры. В частности, исламские страны не соглашались признать, что эта свобода включает в себя также свободу обращения в веру.

Осторожная тенденция продолжалась и в последующие годы — участники системы ООН, казалось, понимали, что слишком подробные дискуссии о свободе совести и религии должны привести к антагонизму. Вместе с их углублением могло бы оказаться, что попытка унификации взгляда

ООН на религиозные свободы привела бы к дезинтеграции их универсальной системы защиты. Тем не менее, 10 декабря 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ), которая несколько конкретнее обозначала права личности в области религиозных вопросов. В Декларации утверждается, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения [7]. Кроме того, введена ст. 18, в которой подчеркивается право смены религии. Следует также подчеркнуть, что такое решение — если судить о его убедительном успехе — имело сильные и слабые стороны. Вводя ст. 18, ООН объявила, что свобода мысли, совести и вероисповедания не является только неопределенным лозунгом, но включает в себя конкретные полномочия. С другой стороны, могло возникнуть впечатление, что каталог подробных полномочий, сформулированный в ВДПЧ, имел замкнутый характер, особенно потому, что в тексте не хватает формулировки «в частности»³.

Процесс осторожного определения ООН в понимании свободы совести и вероисповедания продолжался в 1960-е годы, в частности, с принятием юридически обязательных Пактов о правах человека. Таким образом, упрочивались определения договоренности ВДПЧ, которая не имела характера международного соглашения (хотя широко распространенным является суждение, что с течением времени она приобрела характер международного обычного права). Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) подразумевал под собой,

¹ Устав Организации Объединенных Наций, ст. 1. См. также ст. 55, п. с и ст. 76 п. 3. Эти записи свидетельствуют о том, что к религии создатели Устава отнеслись как к опасному явлению, которое может создавать и часто создает угрозу.

² Прежде всего Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека.

³ Сверх того, тематика, связанная с религиозной свободой в ВДПЧ, была поднята в ст. 19 и ст. 26.

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

что государства-участники должны гарантировать, чтобы упомянутые в нем права выполнялись без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства¹. В свою очередь, Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП) относился к религиозным вопросам гораздо шире, внося значительный вклад в уточнение и развитие значения «свободы совести и религии». Ст. 2 п. 1 этого документа была эквивалентом ст. 2 п. 2 МПЭСКП. В свою очередь, ст. 4 привносила существенное *novum*, а именно, гарантировала, что среди неотсроченных решений обсуждаемого регулирования находится ст. 18. Согласно последнему, каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отпавлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении. Кроме того, в пункте 2 признано, что никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору². Таким образом, в Пакте подчеркивается, что индивидум может не только сохранить существующую веру, но также отречься от нее и перейти, либо не переходить в другую. Положение 3, в свою очередь, касается ограничений, которым могут подчиняться проявления религии или убеждений. Такие ограничения должны выполнять два условия, т. е. быть «установленными законом» и быть необходимыми для защиты общественной безопасности,

порядка, здоровья, и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Следует подчеркнуть, что в этой записи авторы ссылаются на мысль, согласно которой свобода совести и религии имеет сложный характер, т. е. охватывает *forum internum* (свобода убеждений и управления ими в своем собственном сознании) и *forum externum* (свобода проявления убеждений и оперирования ими в общественной жизни). В результате, в соответствии с положениями Пакта, в качестве обязательной принята концепция, согласно которой часть прав в области свободы совести и вероисповедания — это права абсолютные, неприкосновенные, однако остальные — наоборот. Разумное оперирование этим разделением, несомненно, может сгладить социальные конфликты на религиозной почве.

Следует признать, что Пакт выполняет важную интеллектуальную функцию, т. е. создает аргументированное поле, внутри которого легко оправдывается умеренная интерпретация положений о свободе совести и религии. Эта интерпретация означает баланс между свободами отдельных лиц и общин. Конечно, следует подчеркнуть, что такое сбалансированное толкование — это единственный шанс, возможность, исходящая из Пакта. Однако на практике пользователи документа, международное сообщество, государства-участники и их жители решают, будет ли оно на самом деле применяться в конкретных ситуациях³.

3. Многозначность системы защиты свободы совести и религии ООН в 1981–1999 гг.

Очень хорошим примером эмоционализации документов ООН является Декларация ООН 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (ДНДРУ). Следует подчер-

¹ См. также ст. 13 п. 3 Пакта. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.

² Там же.

³ Существенны, с точки зрения регулирования религиозных вопросов, также ст. 19, 20, 24, 26, 27. Ibidem.

кнута, что до того, как документ был принят на форуме ООН, велся живой спор, должен ли составляемый акт иметь лишь декларативный характер или быть международным договором. Было принято решение о декларации, что, с одной стороны означало, что он не имеет обязательного характера и налагает или констатирует обязанности не строго юридические, но моральные и политические. Тем не менее, такое решение позволило усилить язык, которым воспользовались создатели документа.

Преамбула напоминает о положениях Устава ООН и ВДПЧ, в свете которых свобода мысли, совести, религии и убеждений являются важным элементом системы прав человека. В ней также утверждается, что игнорирование и нарушение прав человека и основных свобод, в частности, права на свободу мысли, совести, религии или убеждений любого рода, являются прямо или косвенно причиной войн и тяжелых страданий человечества, особенно когда они служат средством иностранного вмешательства во внутренние дела других государств и приводят к разжиганию ненависти между народами и государствами. Также признано фундаментальное значение религии и убеждений в жизни человека [10].

Текст состоит из 8 статей, сформулированных с помощью патетического и возвышенного языка. В нем использованы выражения, предназначенные для стимуляции крайних ощущений. Типичный язык для юридических текстов смешивается в нем с языком морального и даже священного дискурса. Присутствуют формулировки, мобилизующие к действию и одновременно создающие из декларации своеобразный мировоззренческий манифест.

Статья 3 составляет наиболее риторизированный фрагмент декларации. Используемые в нем формулировки заставляют вспомнить усердие религиозных институтов, созданных для защиты чистоты веры. Речь в этом фрагменте текста идет о том, что дискриминация людей на основе религии или убеждений является **оскорблением** достоинства человеческой личности и

отрицанием принципов Устава Организации Объединенных Наций и **осуждается как нарушение** прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека и подробно изложенных в Международных пактах о правах человека, и как **препятствие для дружественных и мирных отношений между государствами** [10]

В общей оценке следует сказать, что Декларация является документом перенасыщенным идеалистическим мышлением и даже идеологизированным. Об этом уже свидетельствуют пропорции этого акта (почти половина текста — это преамбула). Кроме того, основой Декларации является тезис о том, что на самом деле до сих пор предупреждение нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений было не слишком эффективным. Тем не менее, может стать таковым, если международное сообщество будет развивать правовые инструменты, служащие для защиты отдельных лиц и групп в этом направлении. Это предположение привело к созданию текста, который с риторической точки зрения характеризуется определенной двойственностью и даже праксеологической противоречивостью. С одной стороны, подробные формулировки Декларации показывают, что ее авторам важна была точность, направленная на облегчение равномерной интерпретации документа, которая полностью защищала бы отдельные лица и группы. В то же время, они не могли отказаться от эмоционально сильно окрашенного языка, а это не только не снижает многозначность, но умножает ее.

Другой документ, который определяет права, охватываемые свободой совести и религии, это Декларация ООН 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Этот документ был создан в связи со ст. 27 МПГПП [9].

Документ утверждает, что разнообразие является ценностью и что человек реализует себя не только, как индивид, но и в качестве члена группы. Этот акт являет-

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

ся выражением развития дискурсов идентичности. Они осуществляются с помощью новой риторики, которая признает и ценит отличие, самобытность, разницу. Она усиливается вместе с развитием некоторых современных методологий в гуманитарных науках (например, постструктурализме, постмодернизме) и новых идеологических движений (например, феминизме, коммунитаризме).

Следует подчеркнуть, что ООН хорошо понимает собственные проблемы с однородной интерпретацией документов, возникших и функционирующих в рамках этой системы. В итоге нередко на форуме ООН различные коалиции государств пытаются противодействовать различным интерпретациям, особенно мотивированным желанием ограничения свободы и прав, принадлежащих индивидам. Желая исключить или, по крайней мере, ограничить подобные действия по отношению к свободе мысли, совести и религии, Комитет ООН по правам человека в 1993 г. издал Замечание общего порядка № 22 по ст. 18 МПГПП¹.

Авторы Замечания высказались за широкое понимание права на свободу мысли, совести и религии (включая свободу убеждений). Они подчеркнули, что это понятие охватывает свободу мысли по всем вопросам, а также воззрения человека и приверженность религии или убеждениям, исповедуемым как единолично, так и сообща с другими. Важно также, что свобода мысли и свобода совести подлежат такой же защите, как свобода религии и убеждений. Они имеют основополагающее значение, так как не могут быть при-

остановлены ни в коем случае, о чем говорит ст. 4 п. 2 МПГПП [12].

В свете замечаний Комитета, свобода мысли, совести, религии или убеждений не то же самое, что свобода манифестации религии или убеждений. Манифестация, в отличие от свободы мысли или религии, а также свободы следования определенной религии, или бытия последователем данных убеждений, не имеет абсолютного характера и не подлежит безоговорочной защите. Тем не менее, она может быть осуществлена «как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком», охватывая широкий спектр действий в области молитвы (*worship*), ритуалы (*observance*), практику (*practice*) и обучение (*teaching*) [12].

Комитет по правам человека также подчеркнул, что свобода владения или принятия религии/убеждений включает в себя свободу в их выборе, в том числе, с отказом от предыдущей религии, принятием другой, принятием атеистических взглядов, равно как правом сохранения предыдущей религии/предыдущих убеждений. Его авторы также старались привести примеры действий, нарушающих п. 2 комментируемой статьи [12].

В документе также припоминается, что в соответствии со ст. 20 МПГПП, свобода религии или убеждений не дает права на пропагандистскую войну, на поощрение ненависти на национальной, расовой или религиозной почве, представляющую собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию. Более того, государства-участники обязаны принять закон, который запрещал бы такие действия [11].

В обсуждаемом тексте прокомментирован также вопрос ограничений, которым может подвергаться свобода религии или убеждений и которые определены в ст. 18 п. 3 МПГПП. Очень важно, что их нельзя применить к свободе по принуждению в вопросе принятия религии или убеждений, а также к свободе родителей или законных опекунов в области обеспечения детям религиозного или морального образования [12].

¹ По данному вопросу см.: Замечание общего порядка № 22 по ст. 18 МПГПП; *Gołda-Sobczak M., Sobczak W., Zakres przedmiotowy swobody sumienia i religii w systemie prawnym ONZ // Dylematy praw człowieka*, ред. Gardocka T., Sobczak J. — Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2008, стр. 312–320; *Michałowska G. Ochrona praw człowieka w Radzie Europy i w Unii Europejskiej*. — Warszawa: WaiP, 2007. — С. 62–63.

По мнению Комитета по правам человека, не следует забывать, что есть много моральных систем, внедренных в различные религиозные или философские традиции. По этой причине защита нравственности не может быть основана на принципах, исходящих только из одной традиции, например, христианской, исламской или иудейской.

Признание какой-либо религии в качестве государственной, официальной или традиционной, а также тот факт, что последователи любой религии или системы убеждений составляют большинство населения, не может привести к нарушению каких-либо полномочий, указанных в МПГПП, а также дискриминации в отношении кого-либо [12].

В Замечании достаточно последовательно применен союз «или» между словами «религия», «убеждение». Таким образом, это позволяет избежать путаницы относительно того, выступают ли «свобода религии» и «свобода мысли» совместно или по отдельности. Основываясь на важности логического союза альтернативы, следует предположить, что эти свободы различны, но могут сосуществовать. Изредка авторы документа использовали также традиционную, хотя логически неоднозначную, формулировку «Право на свободу (sic!) мысли, совести и религии» (*the right to freedom of thought, conscience and religion*) [12].

Во время чтения документа трудно удержаться от впечатления, что Комитет по правам человека затронул казуистику, умножая конкретные случаи осуществления свободы вероисповедания или религии, их нарушений, а также ситуаций в соответствии со ст. 18 МПГПП. Лейтмотивом Замечания следует считать желание освещения того, что на основании самого Пакта казалось, или, по крайней мере, могло показаться, неопределенным. Текст свидетельствует о том, что его создатели, на основании большого багажа опыта, понимали, что МПГПП, из-за своей лапидарности, может быть риторически злоупотребляем. Тем самым охарактеризованный документ свидетельствует о том, что развитие системы ООН, как и многих других, если не все правовых

систем, подвергается логике реагирования на чрезмерную интерпретацию и предотвращение чрезмерной интерпретации [6].

Тем не менее, положение Комитета по правам человека следует считать настолько особенным, что в своем лаконичном утверждении Пакту сопутствует хотя бы обсуждаемая уже обширная ДНДРУ. Этот текст, как показано, гораздо более украшенный и от этого многозначней, чем МПГПП. Это приводит к тому, что Комитет по правам человека вынужден постоянно входить в роль переводчика, который придает смысл формулам эмоционально волнующим, но непонятным.

4. Дискуссия вокруг вопроса о «диффамации религий»

Последние три десятилетия характеризуются значительным приростом нового типа документов, которые уже не обращаются к правам, единичным или коллективным, выводимым из принципа свободы совести и религии. В эти годы предметом интереса ООН и специализированных учреждений все чаще становилась и становится религия как таковая. В результате усилилась тенденция к эмотивизации актов ООН, касающихся религии или убеждений.

Так, 18 декабря 1994 г. в ходе конференции «Вклад религии в культуру мира», организованной 12–18 декабря в Барселоне Каталонским центром ЮНЕСКО, была принята Декларация о роли религии в содействии культуре мира [8].

Стиль декларации особенно декоративен — можно даже рискнуть предположить, что только узорчатость (*ornatus*) была для авторов тем слоем текста, которому посвятили наибольшее внимание. Важно отметить, что многочисленные словесные процедуры, особенно используемые в тексте метафоры, почерпнуты из языков религии. Проникновение оборотов этого типа в сферу политики или права не ново. Тем не менее, документы, разработанные под эгидой государственных организаций уни-

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

версального характера, редко заимствуют их таким выразительным способом. Как правило, отслеживается, чтобы эти тексты были автономными, что проявляется также, а, возможно, прежде всего, в использовании своеобразной терминологии, специфического языка. В связи с этим декларация является уступкой политико-правового мира религиозно-идеологическому пространству. Однако возникает сомнение, не является ли это слишком глубоким поклоном. Ведь уважение к религиозной жизни не требует переноса ее элементов в сферу деятельности ЮНЕСКО. На самом деле можно предположить — и это по силам самому тексту — что за счет заимствования авторы стремились проиллюстрировать тезис, согласно которому религия благотворна, если не подвергается политизации. Тем не менее, действуя так, де-факто использовался религиозный язык, чтобы усилить тон документа политического характера. Таким образом, текст Декларации становится обремененным внутренним противоречием, то есть является аутофагическим текстом. Дополнительно он способствует приглушению дискуссии, касающейся эмоций, которые ООН может и должна испытывать в отношении различных религий мира. Другими словами, из-за формы языка текст провоцирует аргументацию, согласно которой религия должна составлять не только предмет интереса ЮНЕСКО, но также вдохновение для деятельности этой организации. Ссылаясь на документ, можно даже утверждать, что организация не столько принимает религиозную активность, сколько поддерживает и продвигает ее.

В свою очередь, 30 апреля 1999 г. в ходе 62-го заседания Комиссии по правам человека принята Резолюция 1999/82. Этот акт, принятый без голосования, инициировал ряд документов подобной тематики [17].

В резолюции радостно сообщалось, что Генеральная ассамблея ООН запланировала, что 2001 г. будет Годом диалога между цивилизациями. Авторы документа отметили, что во многих местах по всему миру совершаются акты нетерпимости, дискри-

минации и насилия, основанные на религии или убеждениях. Они нередко мотивировались религиозным экстремизмом [17].

Самое главное, в тексте признано, что он является выражением глубокого беспокойства по причине негативной стереотипизации религии. Авторы текста выразили протест против частых и ошибочных ассоциаций ислама с нарушениями прав человека и терроризмом. Также они выразили мнение о том, что беспокойство вызывает каждая ситуация, в которой с помощью СМИ общество подстрекается к актам насилия, ксенофобии, нетерпимости и дискриминации в отношении ислама или любой другой религии [17].

Представленный в резолюции диагноз, как и сформулированные в нем рекомендации, свидетельствует об обострении конфликтов на религиозной почве в современном мире. Используемую в тексте риторику можно описать определением «риторика обиженных». Этот документ, безусловно, весьма убедителен, что однако составляет реакцию на эмоционально сильно окрашенные медиа-сообщения. Его принятие привело к поляризации позиций в рамках ООН. Часть государств подвергло его серьезной критике, другие посчитали, что он был очень нужен. Основное обвинение критиков сводилось к тезису о том, что защита религии, в частности, ислама против «клеветы» на практике означает чрезмерное ограничение свободы совести и религии. В ответ на это обвинение было высказано мнение о том, что религиозная свобода не дает права поносить чью-либо веру или мировоззрение. Впоследствии, однако, дебаты о религии на форуме ООН очень заострились, часто побуждая к экстремальной реакции. В результате развернулась острая, многолетняя квазифилософская дискуссия, ориентированная в действительности на реализацию политических целей. В ее рамках говорилось и говорится о сущности религии, о сходствах и различиях религиозных течений, о том, что они вызывают позитивное или негативное влияние на общество, противоре-

чат или не противоречат демократии, что способствуют или препятствуют соблюдению прав человека. Этот спор в значительной мере подвергся догматизации и, таким образом, стал утомительным. Но что особенно важно, в результате него лишь умножились сомнения, касающиеся смысла таких основных свобод, как свобода мысли, совести, религии, убеждений [2].

В свете резолюции 13/16 Совета по правам человека ООН под названием «Борьба против диффамации религий», принятой 25 марта 2010 г., оценен вклад всех религий в современную цивилизацию. В этом тексте также заявлено, что благодаря религиям «диалог между цивилизациями может внести серьезный вклад в достижение более глубокого осознания и понимания общих ценностей, разделяемых всем человечеством» [16]. Тем не менее, авторы текста «с глубокой озабоченностью» относились к «случаям проявления нетерпимости, дискриминации и актов насилия по отношению к последователям определенных религий, которые происходят во многих частях мира, включая случаи, мотивированные исламофобией, антисемитизмом и христианофобией» [16].

Однако следует отметить, что значительный сдвиг в обсуждении «диффамации религии» произошел в 2011 г.. В то время ООН отказалась от голосования за последующие резолюции против диффамации религии. Изменение, главным образом, связывалось с острым протестом европейских и американских государств, которые никогда не терпели подобных проектов, утверждая, что они способствуют сохранению и принятию негуманных регуляций в правовых системах стран-участниц. Исламские государства — главные проводники борьбы против диффамации религии — в конце концов согласились отказаться от кампании на форуме ООН, однако предупредили, что вернутся к ней, если сочтут это необходимым.

В результате среди последних актов привлекает внимание резолюция 16/13 Совета по правам человека ООН по вопро-

су свободы религии или убеждений от 24 марта 2011 г. Этот документ содержит заявление, согласно которому сегодня нет части мира, которая была бы свободной от религиозной нетерпимости, дискриминации и насилия [18].

Авторы текста представили в нем широкий перечень нарушений этой свободы [18]. В Резолюции отмечено, что «ни одна религия не должна ассоциироваться с терроризмом, поскольку это может иметь вредные последствия в области осуществления права на свободу религии или убеждений всех членов религиозных общин, к которым относится этот вопрос».

Кроме того, на 102 сессии Комитета ООН по правам человека 11–29 июня 2011 г. было принято Замечание общего порядка № 34 к ст. 19 МПГПП: Свобода мнений и их выражения. В документе содержится утверждение, в свете которого запреты на разные формы неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений, в том числе, законы о богохульстве, признаются несовместимыми с Пактом за исключением отдельных случаев, предусмотренных в пункте 2 статьи 20 Пакта.

Такие запреты, как следует из Замечания, должны также строго соответствовать требованиям пункта 3 статьи 19, а также статьям 2, 5, 17, 18 и 26». Это означает, например, что было бы неприемлемо, чтобы какой-либо из таких законов дискриминировал или фаворизировал какую-либо религию или религиозную систему, ее сторонников, последователей или противников. Точно так же было бы неприемлемым, если бы такие запреты были использованы для предотвращения критики или наказания за критику, которая была бы направлена против религиозных лидеров, религиозной доктрины или принципов веры¹.

¹ Замечание общего порядка № 34: Свобода мнений и их выражения (статья 19); см. также: Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 2012 г.; Резолюция, принятая Советом по правам человека 22/31 «Борьба с нетерпимостью, формированием

Вокруг проблем с непрозрачностью понятия свобода совести и религии в документах Организации Объединенных Наций

5. Выводы

Правила ООН, касающиеся свободы совести и вероисповедания многочисленны. Количество документов связывается с созданием все новых терминов, которые обозначают религиозные явления, а в особенности определяют права и свободы, а также угрозы и нарушения этих прав и свобод. К сожалению, обилие терминов не способствует прозрачности документов. Многие термины, эмоционально сильно окрашенные, создают запутанную сеть, которая с большим трудом подвергается связанной интерпретации. Это способствует ситуации, в которой международные учреждения не используются эффективно для разрешения конфликтов на почве религии или мировоззрения. Они скорее подчиняются чрезмерной политизации и нередко рассматриваются как форумы, на которых отдельные государства или их группы лоббируют свои партикулярные позиции.

Анализ выбранных текстов приводит к заключению, что ООН избегает выделения негативных аспектов религиозного многообразия человечества. Религии считаются значительной экстраполяцией человеческой деятельности, хотя трудно распознать, относятся ли они к части культуры или скорее к элементу вне сферы культуры. Часто также подчеркивается, что развитие религиозной жизни оказывает положительное влияние на состояние индивидов и общества. Иногда авторы этих документов подчеркивают, что ненависть на религиозной почве не раз приводила к большим конфликтам и трагедиям. Тем не менее, авторы тут же спешат с замечанием, что ни одна религия не призывает к ненависти.

В более старых документах, касающихся религиозных вопросов, ощущается травма, являющаяся результатом Второй мировой войны. Представляется, что эти

негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений».

тексты в значительной степени мотивированы страхом повторного пробуждения раздоров по религиозным мотивам. По этой причине в них часто повторяются стандартизованные, весьма расплывчатые фразы, сформулированные в стремлении никого не обидеть. Кроме того, эти тексты сообщают о единичных свободах и не связаны со сравнениями или характеристикой религиозных общин и их верований.

Тем не менее, очевидно, что в течение нескольких десятилетий своего существования система документов ООН, касающихся защиты свободы совести и религии, изменила свой характер. Внимание постепенно переключилось с прав личности на права меньшинств, а потом занялось религией как феноменом, а также касающимися ее высказываниями. Это привело к ужесточению дискуссии и впоследствии языка, при помощи которого формулируются международные документы.

Несомненно, самой зрелищной причиной сильной эмоционализации дискуссии ООН, касающейся религиозных свобод, следует рассматривать интенсификацию терроризма. Кроме того, особенно в евроатлантическом мире с течением времени прогрессирует процесс забывания о временах тоталитаризма, изобилующих отсутствием уважения к человеческому достоинству, а также основанных на нем индивидуальных прав и свобод. Весомую роль также играет бурное технологическое развитие, которое вынуждает пересмотреть существующие суждения о человеке и, как следствие, того, что для него важно и необходимо.

По этим и другим причинам, особенно в первом десятилетии XXI в., в ООН велась горячая полемика по поводу диффамации религий. В этом споре государства делились чаще всего согласно культурным и цивилизационным критериям. Эту ситуацию лишь немного смягчает факт условного отступления исламских государств от форсирования «антидиффамационных резолюций».

Оговоренные феномены усложняют политику в области свободы совести и ве-

роисповедания также на национальной основе. Государства — члены разных коллегий — становятся все более запутанными и неуверенными в выбранном направлении, в котором развивается международная защита прав человека, включая свободы религиозные или идеологические. Очевидно, что международное право весьма неуверенным образом намечает стандарты, в свете которых следует создавать и применять правила внутреннего распорядка. Та-

ким образом, возрастает роль последних в процессе урегулирования религиозно-философских конфликтов. Поскольку они точны и сбалансированы в согласии с местной политической культурой, они могут помочь в сглаживании напряженности. В противном случае, правила внутреннего распорядка становятся скорее фактором, дестабилизирующим околотрансцендентальные отношения.

Литература

1. *Drinan R. F.* Can God and Caesar Coexist? Balancing Religious Freedom and International Law. New Haven-London: Yale University Press, 2004.
2. *Gliszczyńska-Grabias A.* Znieważanie religii — dyskusja na forum ONZ // Prawne granice wolności sumienia i wyznania, ред. Wieruszewski R., Wyrzykowski M., Kondratiewa-Bryzik J. — Warszawa: Wolters Kluwer, 2012.
3. *Gołda-Sobczak M., Sobczak W.* Zakres przedmiotowy swobody sumienia i religii w systemie prawnym ONZ // Dylematy praw człowieka, ред. Gardocka T., Sobczak J. — Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2008.
4. *Michałowska G.* Ochrona praw człowieka w Radzie Europy i w Unii Europejskiej. — Warszawa: WAIp, 2007.
5. *Scalabrino M.* International Code on Religious Freedom. Leuven-Paris-Dudley. — MA: Peeters Publishers, 2003.
6. *Winczorek J.* Zniknięcie dwunastego wielbłąda. O socjologicznej teorii prawa Niklasa Luhmanna. — Warszawa: LIBER, 2009.
7. Всеобщая декларация прав человека.
8. Декларация о роли религии в содействии культуре мира.
9. Декларация ООН 1992 г. о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам.
10. Декларация ООН 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений (ДНДРУ).
11. Замечание общего порядка № 11: запрещение военной пропаганды и подстрекательства к этнической, расовой или религиозной ненависти.
12. Замечание общего порядка № 22: по ст. 18 МПГПП.
13. Замечание общего порядка № 34: свобода мнений и их выражения (статья 19).
14. Международный пакт о гражданских и политических правах.
15. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.
16. Резолюция 13/16 Совета по правам человека ООН «Борьба против диффамации религий».
17. Резолюция Комиссии по Правам Человека ООН 1999/82.
18. Резолюция Совета по правам человека ООН 16/13: «Свобода религии или убеждений», принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 2012 г..
19. Резолюция, принятая Советом по правам человека 22/31: «Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилием в отношении лиц на основе религии и убеждений».
20. Устав Организации Объединенных Наций.

Факультет политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

Декан — профессор Шутов Андрей Юрьевич

Традиция преподавания политических наук в Московском университете существует с 1755 г.: среди первых десяти кафедр, созданных по предложению М. В. Ломоносова, была кафедра политики. В первой половине XIX в. в составе Московского университета работал факультет нравственных и политических наук, где велась подготовка студентов по отдельным специализациям: политике, дипломатике, политической экономии и др.

Современная политология в МГУ преподается с 1989 г. — со времени введения дисциплины в реестр специальностей вузов страны. Около двух десятилетий подготовку политологов осуществляло

отделение политологии философского факультета. В 2008 г. приказом ректора Московского университета на основании решения Ученого совета МГУ был создан факультет политологии, в задачу которого входит фундаментальная подготовка специалистов на основе классических университетских традиций, с учетом современного международного опыта и в сочетании с инновационными исследованиями практической политики.

Факультет политологии готовит высококвалифицированных специалистов по направлению подготовки «Политология», которые имеют возможность профилироваться на семи кафедрах.

Вручение дипломов выпускникам факультета политологии. 2013 г.

*На фото: Председатель Совета Федерации Федерального Собрания России В. И. Матвиенко
и ректор МГУ, академик РАН В. А. Садовничий*

**Кафедра истории и теории политики
(заведующий — доктор исторических наук, профессор А. Ю. Шутов)**

Кафедра истории и теории политики является преемницей кафедры теоретической политологии, открытой в Московском университете в 1990 г. Расширение научной специализации кафедры, введение исторического компонента в политологическое знание стало естественным ответом на требования времени: исторические предпосылки современного политического процесса зачастую играют в нем определяющую роль. Ориентация кафедры на теоретический аспект в научных изысканиях подра-

зумевает использование не только общего теоретико-методологического инструментария политической науки, но и разработку специальных политологических концепций, методическое оснащение эмпирических исследований, нацеленных на выявление тенденций и закономерностей политической динамики и политического процесса. На кафедре ведется подготовка по следующим профилям: история политики, теория политики, политический анализ и прогнозирование, отраслевые направления политики.

*Встреча представителей факультета
с Министром здравоохранения Российской Федерации В. И. Скворцовой 2016 г.
На фото: В. И. Скворцова (слева), декан факультета, профессор А. Ю. Шутов (справа)*

**Кафедра истории социально-политических учений
(заведующий — доктор политических наук, профессор А. А. Ширинянц)**

Современная традиция преподавания в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова истории — сначала социалистических, а затем — социально-политических учений — насчитывает почти сорок лет. Кафедра истории социально-политических учений является продолжателем этих традиций. На кафедре разработан и читается будущим специалистам-политологам общий курс истории социально-политических учений, по объему, фундаментальности и инновационному характеру не имеющий аналогов в мире. В рамках этого курса, впервые в истории отечественного образования, наряду с историей зарубежных социально-политических учений, студентам в течение четырех семестров преподается история социально-политических учений России X–XX вв.

Наряду с общим курсом, студентам читаются разнообразные по содержанию и по форме специальные курсы.

В последнее время новым направлением в деятельности кафедры стала политическая текстология — это прикладная политологическая дисциплина, изучающая приемы поиска и обработки информации, правила создания оригинальных социально-политических текстов; приемы и методы анализа текстов уже созданных социально-политических произведений (теоретико-аналитических, публицистических, программных) в целях их критики и издания. Традиционной и ожидаемой многими специалистами стала проводимая раз в два года кафедрой и факультетом международная конференция «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений».

*Международная научная конференция «Политическая текстология как наука и учебная дисциплина: проблемы становления». Москва, 2016 г.
На фото профессор кафедры истории социально-политических учений С. В. Перевезенцев (слева) и заведующий кафедрой, профессор А. А. Ширинянц (справа)*

Кафедра российской политики**(заведующий — доктор философских наук, профессор В. И. Коваленко)**

Кафедра российской политики свою историю ведет с 1991 г. Кафедра — единственное структурное подразделение в университетах России, где осуществляется предметная разработка проблем отечественной политической истории, современного российского политического процесса. Основные специализации — политическая история России, политические отношения и политический процесс в современной России, политическая регионалистика и этнополитология, отраслевые направления политики. Читаемые кафедрой курсы позволяют подготовить специалиста-политолога, способного работать в органах власти и управления, аналитических, экспертных и консалтинговых центрах страны, чья специализация связана с проблемами рос-

сийской политики в ее федеральных, региональных и этнополитических измерениях.

Кафедра имеет широко разветвленные профессиональные связи с крупными учебно-научными и научно-исследовательскими центрами страны и мира, профессора и преподаватели представлены в руководстве наиболее авторитетных политологических ассоциаций и объединений России. Студенты и аспиранты кафедры неоднократно становились победителями и призерами различных профессиональных молодежных конкурсов. В числе выпускников кафедры депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, видные политические деятели, авторитетные аналитики.

*Заведующий кафедрой российской политики, профессор В. И. Коваленко (слева),
заместитель декана А. Л. Демчук (справа)*

**Кафедра социологии и психологии политики
(заведующий — доктор философских наук, профессор Е. Б. Шестопал)**

Кафедра политической психологии была создана в 2000 г. на отделении политологии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В 2008 г. кафедра вошла в состав вновь образованного факультета политологии и была переименована в кафедру социологии и психологии политики. Студенты кафедры привлекаются к участию в исследовательских проектах кафедры. Работы студентов и аспирантов публикуются в научных журналах, монографиях и сборниках кафедры. Перспективное развитие кафедры связано с такими научными направлениями и темами, как «Образ России в стране и в мире», «Человеческий капитал политической элиты в России», «Новые формы полити-

ческой коммуникации», «Проблема формирования национально-государственной идентичности современной российской молодежи», «Политический менталитет в современной России».

На кафедре проводятся исследовательские проекты, поддерживаемые грантами РГНФ, РФФИ, АНО «ИНО-Центр». Преподаватели кафедры принимают участие в российских и международных конференциях, в том числе в Ежегодных собраниях Международного сообщества политических психологов (ISPP) и Ежегодных конференциях Британской ассоциации славянских и восточно-европейских исследований (BASEES). С 2000 г. на кафедре было подготовлено более 35 кандидатов политических наук.

*В ноябре 2015 г. кафедра социологии и психологии политики презентовала новую книгу
«Путин 3.0. Общество и власть в новейшей истории России»*

Кафедра сравнительной политологии**(заведующий — доктор политических наук, академик РАН Ю. С. Пивоваров)**

Сравнительное изучение политических институтов и процессов различных стран, проблем мировой политики и международных отношений ведется в Московском университете уже многие годы. Еще в советский период (середина 1970-х гг.) в МГУ была создана кафедра, на которой велось изучение глобальных и региональных политических процессов. В период перестройки (конец 1980-х гг.) возникла свободная от идеологических ограниче-

ний кафедра мирового политического процесса. В начале 2010 г. на факультете была создана кафедра сравнительной политологии, которая объединила ученых со значительным опытом преподавания и исследования сравнительной политологии и политической глобалистики. Курсы по политической глобалистике в отечественной практике политологического образования впервые разработаны политологами-международниками факультета.

Открытая лекция на факультете политологии МГУ имени М. В. Ломоносова члена Валдайского клуба, профессора Карлтонского университета (Канада) Петра Дуткевича

**Кафедра государственной политики
(заведующий — доктор политических наук В. И. Якунин)**

Уже более десятилетия специализация «государственная политика и управление» развивается сначала в рамках отделения политологии философского факультета МГУ, а сегодня — в рамках факультета политологии. Подготовку по этой специализации неизменно выбирают многие студенты-политологи, формируется научная школа изучения государственной политики. На кафедре планируется предметное

изучение целостной системы государственной политики России, ее отраслевых направлений.

Учебно-научный процесс на кафедре охватывает также такие направления, как политическая аксиология, сравнительное изучение цивилизаций, политическая конфликтология, экономическая политика, политический менеджмент, избирательные системы и избирательный процесс.

Заседание кафедры государственной политики. 2015 г.

На фото: заместитель заведующего кафедрой, доцент М. Г. Абрамова (слева), заведующий кафедрой, доктор политических наук В. И. Якунин (справа)

**Кафедра международных отношений
и интеграционных процессов
(заведующий — доктор экономических
наук Л. Э. Слуцкий)**

Изучение и преподавание мировой политики и международных отношений на факультете политологии с самого начала его самостоятельного развития стало одной из приоритетных учебных и научных задач. На кафедре преподают видные ученые-международники, разработаны и читаются уникальные курсы по теории международных отношений и мировой политике. Особое внимание в рамках спецкурсов кафедры уделяется интеграционным процессам в различных регионах мира.

Помимо подготовки политологов факультет также осуществляет обучение бакалавров по направлению подготовки «Конфликтология». Студенты, обучающиеся по данному направлению, приобретают уникальные навыки и компетенции, позво-

ляющие им заниматься практической деятельностью в самых разных сферах современного общества. На факультете политологии также реализуются магистерские программы по направлению подготовки «Политология»:

- общая политология;
- российская политика;
- международные отношения и внешняя политика современной России;
- лидерство в социальной и политической сферах;
- государственная политика в области здравоохранения;
- избирательные системы и избирательный процесс;
- политическая экономия;
- политическое конструирование будущего: теория и практика.

На факультете политологии также реализуются программы подготовки исследователей в аспирантуре по укрупненной группе направлений «Политические науки и регионоведение».

*Кафедра международных отношений
и интеграционных процессов*

Контакты

- 119991, Москва, ГСП-1, МГУ, Ломоносовский проспект, д. 27, корпус 4. Факультет политологии
- <http://polit.msu.ru>
- <https://facebook.com/polit.msu>
- E-mail: info@polit.msu.ru

Кафедры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

**Кафедра философии политики и права
философского факультета**

(заведующий — доктор политических наук, профессор Е. Н. Мощелков)

Кафедра создана на философском факультете решением Ученого совета МГУ в ноябре 2008 г.

Для студентов отделений философии, культурологии, религиоведения, рекламы и связей с общественностью кафедра читает учебные курсы «Философия политики и права», «Политология». Ряд учебных курсов читается преподавателями кафедры на образовательной программе «Стратегическое управление и экономическая политика». Специализирующимся на кафедре студентам читается модуль из 15 учебных курсов: «Университетское образование в России: философия — политика — право (XVIII — нач. XX вв.)»; «Конституционализм в России: историче-

ские, философские и политико-правовые аспекты»; «Политическая наука в XXI в.: институты, школы, направления»; «Философия и методология политического планирования»; «Право, государство, религия»; «Интеллектуалы и политика»; «Власть и народ в зеркале политической философии»; «Философия войны»; «Современная философия власти» и другие.

На кафедре обучаются аспиранты по ряду специальностей в области политических наук.

Проводится ежегодная Всероссийская научная конференция с международным участием «Панаринские чтения» и выпускается ежегодник научных работ «Философия политики и права».

**Кафедра истории общественных движений
и политических партий исторического факультета**

(заведующий — доктор исторических наук, профессор Л. С. Леонова)

Истории общественных движений и политических партий на историческом факультете МГУ всегда уделялось большое внимание. Подготовку по этой проблематике прошли сотни студентов, аспирантов и стажеров, сейчас успешно работающих в вузах, научно-исследовательских институтах, в органах государственного управления, в политических партиях и общественных объединениях, консалтинговых и PR-структурах, а также в средствах массовой информации.

На кафедре истории изучается широкий спектр проблем, связанных с историей общественных движений и политических партий России и других стран в контексте мирового политического процесса. Интересы преподавателей и студентов кафедры сосредоточены на изучении партийных и политических систем,

идеологий, общественно-политической мысли, политической и идейной борьбы, политической теории. Профиль кафедры носит в значительной степени междисциплинарный характер, соединяя в себе историю и политологию, среди преподавателей — обладатели ученых степеней в области как исторических, так и политических наук. Для чтения лекций студентам приглашаются известные ученые из российских и зарубежных научно-образовательных центров.

Студенты кафедры проходят практику в различных структурах законодательных и исполнительных органов власти, политических партий, архивах.

В последние годы на кафедре проходили стажировку специалисты из США, Франции, Германии, Китая, Финляндии, стран СНГ.

*Кафедра истории общественных движений
и политических партий исторического факультета*

Знания выпускников кафедры, получивших фундаментальное историческое образование, профессионально ориенти-

рующихся в политической истории, теории и практике, широко востребованы на современном рынке труда.

**Кафедра теории государства и права и политологии
юридического факультета**

(заведующий — доктор юридических наук, профессор М. Н. Марченко)

Кафедра была создана в 1943 г. после восстановления юридического факультета. С 1942 по 1984 г. заведующим был профессор Денисов Андрей Иванович. С 1985 г. по настоящее время — профессор Марченко Михаил Николаевич, заслуженный деятель науки.

Основные направления научной работы кафедры: методологические проблемы теории государства и права; актуальные проблемы теории государства и права, в том числе проблемы правопонимания и правообразования, источников права, юридической ответственности, прав и свобод человека; сравнительное правоведение (общая часть).

Учебные дисциплины кафедры: теория государства и права; история политических и правовых учений.

Спецкурсы кафедры: право и экономика: теоретические аспекты; сравнительное правоведение; теоретические

аспекты происхождения, содержания и решения проблемы прав личности.

Ежегодно на кафедру привлекаются в качестве соискателей преподаватели и научные сотрудники вузов различных городов России.

Систематически в рамках кафедры проводятся научные конференции, заседания научно-практических кружков, организуются встречи с видными политиками, государственными деятелями и представителями научных кругов. Иницируются широкие обсуждения кафедральных учебников среди преподавателей, студентов, аспирантов и соискателей кафедры.

В рамках кафедры работает научно-исследовательская лаборатория политологии, которая занимается разработкой приоритетных научных направлений, ведет непосредственную научно-исследовательскую деятельность.

С кафедрой сотрудничали такие ученые, как М. Баймаханов, и многие другие выдающиеся специалисты.

Область применения знаний, полученных в данном пространстве теории государства и права, велика и многогранна.

Специалисты — выпускники кафедры теории государства и права и политологии — могут быть востребованы как в государственных структурах, так и в международных организациях. Огромна сфера применения знаний и в гражданском секторе.

**Кафедра политологии Востока
Института стран Азии и Африки**

(заведующий — доктор исторических наук, профессор И. И. Абылгазиев)

Кафедра политологии Востока основана в 1991 г. вследствие реорганизации кафедры социально-политического развития стран Азии и Африки, существовавшей в Институте с 1972 г. В течение многих лет руководил кафедрой доктор исторических наук, профессор, заместитель министра иностранных дел СССР (1982–1987), директор Института востоковедения РАН СССР (1987–1994) Михаил Степанович Капица, научный потенциал и личностные качества которого и сегодня имеют большое значение для развития кафедры.

С 1991 по 2015 г. кафедру возглавляла доктор исторических наук, профессор Мария Федоровна Видясова, ведущий специалист по странам Северной Африки и Арабскому Востоку.

В настоящее время кафедрой руководит доктор исторических наук, профессор Абылгазиев Игорь Ишеналиевич.

Коллектив кафедры политологии Востока хранит и продолжает научные традиции отечественного востоковедения. На кафедре бакалавры, магистранты и аспи-

ранты получают знания в области политической теории и истории, современной политики и международных отношений, сравнительной политологии, политической психологии, политического анализа и прогнозирования. Наряду с изучением специальных дисциплин студенты кафедры получают знания в области экономики, социологии, права, иностранных языков.

За время существования кафедры произошли многие социально-политические изменения в странах Азии и Африки. Масштаб трансформаций и их осмысление предъявляет высокие требования к политической науке и подготовке кадров политологов-востоковедов. На кафедре исследуются актуальные темы: политический аспект современных миграций; сирийский кризис; проблема терроризма; энергетическая безопасность как фактор региональной стабильности; политические проблемы развития КНР — и многие другие темы, характеризующие особенности современного развития стран Африки и Азии.

Кафедра политологии Востока Института стран Азии и Африки

**Кафедра политического анализа
факультета государственного управления
(заведующий — доктор политических наук, профессор А. И. Соловьёв)**

Институционально кафедре политического анализа, учрежденной в 2000 г., предшествовало создание кафедры политической социологии в сентябре 1988 г. — первой в СССР, Москве и Московском университете кафедры данного профиля. Кафедра политического анализа поддерживает политический профиль подготовки специалистов в области государственного управления по трем основным направлениям: политико-административные процессы и технологии, политическая коммуникативистика и международные процессы и организации в управлении государством. Среди курсов, представленных в учебном плане фа-

культета государственного управления, немало уникальных дисциплин, которые читаются только преподавателями кафедры: «Принятие государственных решений»; «Политический анализ»; «Глобальное управление»; «Политические коммуникации»; «Политико-административные сети в государственном управлении»; «Политико-административные рынки»; «Государственно-управленческое проектирование»; «Государственное управление международными проектами» и др. Одновременно на кафедре разрабатываются новые курсы: «Управление мегаполисами»; «Управление политическими рисками» и др.

**Кафедра политического анализа
факультета государственного управления**

**Кафедра стратегического планирования и экономической политики
факультета государственного управления
(заведующий — доктор экономических наук, профессор Е. Н. Ведута)**

Кафедра стратегического планирования и экономической политики была открыта в 2003 г. на философском факультете МГУ. В связи с новыми задачами, которые ставит руководство страны по модернизации российской экономики на базе стратегического планирования, Ученым Советом МГУ в 2011 г. было принято решение о переводе кафедры экономической политики на факультет государственного управления.

Учебный план образовательной программы «Экономическая политика», разработанный под руководством экономистов-кибернетиков, академика Н. Я. Петракова и д. э. н. профессора Е. Н. Ведуты

с участием ведущих ученых России и экспертов органов государственной власти, является уникальным. Его специфика заключается в ориентации преподавания всех дисциплин, предусмотренных государственным стандартом по специальности «политология», на разработку и внедрение в стране стратегического планирования экономических и политических процессов.

Научная деятельность кафедры нацелена на решение задачи модернизации России на основе внедрения динамической модели межотраслевого баланса, разработанной отечественным ученым-кибернетиком Н. И. Ведутой.

*Кафедра стратегического планирования и экономической политики
факультета государственного управления*

**Кафедра политологии и социологии политических процессов
социологического факультета
(заведующий — доктор философских наук, профессор Н. С. Федоркин)**

Кафедра политологии и социологии политических процессов социологического факультета была создана в соответствии с решением Ученого Совета МГУ 19 февраля 1990 г. Заведующим кафедрой был назначен профессор Н. С. Федоркин.

Первоначально кафедра обеспечивала учебный процесс по трем дисциплинам: истории социально-политических учений, политологии, политической социологии и более десяти авторским специ-

альным курсам для студентов, специализирующихся по проблемам политической социологии. В период становления кафедры ряд преподавателей прошли стажировки в зарубежных университетах (США, ФРГ), изучали опыт работы департаментов политических наук в университетах Канады и Японии. В этот период кафедра поддерживала относительно продолжительные деловые отношения с департаментами политических наук канадских

университетов Мак-Мастер и Гуэлф. На базе кафедры, например, была организована «летняя школа» (рук. профессор Н. С. Федоркин, доцент А. А. Дегтярев) по обмену опытом организации учебного и научного процесса по дисциплинам политологического цикла. Преподаватели и группы студентов (от 80 до 120 человек) нескольких университетов Канады, студенты и аспиранты социологического факультета в течение трех лет принимали участие в работе этой школы. Интересным и плодотворным на этом этапе становления кафедры было тесное сотрудничество с классиком современной политической науки Дэвидом Истоном.

В настоящий момент кафедра обеспечивает учебный процесс по дисциплинам политологии и политической социологии и специальным курсам по выбору для бакалавров. Кафедра осуществляет научное руководство магистерской программой «Социология электорального менеджмента» (руководитель, профессор Н. С. Федоркин). Большинство курсов учебного плана магистерской программы кафедра обеспечивает самостоятельно. Это учебные курсы: Политический менеджмент; Социология электорального

менеджмента; Социология политических партий; Социология лоббизма (на англ. языке); Социология процесса принятия политических решений; Социология политической культуры; Социология политического урегулирования конфликтов.

Первоначально на кафедре были определены две темы научных исследований: «История, теория и методология политической науки» и «Становление парламентаризма в Российской Федерации». В настоящее время в соответствии с приоритетными направлениями научных исследований МГУ кафедра скорректировала тему научных исследований. Сейчас она определяется так: «Социология политических процессов российского общества: власть, демократия, личность».

По кафедре постоянно специализируются около тридцати студентов. Студенты старших курсов на базе курсовых и дипломных проектов имеют возможность готовить и издавать первые научные статьи, которые на конкурсной основе публикуются в материалах научных студенческих конференций и в двух научных журналах, издаваемых социологическим факультетом.

*Кафедра политологии и социологии политических процессов
социологического факультета*

Summary

1. RUSSIA IN A MULTIPOLAR WORLD: FOREIGN POLICY AND BILATERAL COOPERATION

Yevgeny Maksimovich Primakov about a multipolar world of the XXI century

Abstract: the article is dedicated to the great public official of the USSR and Russia Yevgeny Primakov. The article analyzes a multipolar system of the international relations, promoted in his works. A multipolar system, according to Primakov, does not set the trend towards the confrontation between poles and centers of power in the world. The reasons for this trend are the integration processes between the countries and transnationalization of business activities.

Key words: Russia, Y. M. Primakov, a multipolar world, USA, China, India, unilateralism.

Author:

- *Gorokhov Andrey Anatolyevich*, Ph. D. in Political Science, Head of the Scientific Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The image of Russia in the system of international relations: the content of the image strategy

Abstract: the analysis of evolution of the image of Russia in the system of international relations has shown that the image of Russia has been dynamically changing throughout its history. On the one hand the image of Russia is determined by peculiarities of the citizens' attitude to the state and, on the other hand, by the state's international prestige. The results of the general political research show that for Russian people the image of the national state is associated with the President of the country, strong power, and the greatness of the country. Abroad, the Russian state is perceived as a superpower with a rich history, but however, a number of foreign states perceive Russia as a country with high levels of corruption.

Key words: international relations, image of state, image strategy, Russian government, Russia.

Authors:

- *Efanova Elena Vladimirovna*, Ph. D. in Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Volgograd Institute of History, International Relations and Social Technologies (Volgograd, Russia)
- *Glazkov Arkadiy Alekseevich*, Student of the Department of Political Science, Volgograd Institute of History, International Relations and Social Technologies (Volgograd, Russia)

Russia in the competitive space of the Great Silk Route

Abstract: the article deals with the question of revival of the Great Silk Route (GSR). In its competitive space, there is an interaction of the Chinese concept of the Great Silk Route, the American concept of the New Silk Road (NSHR), the Russian concept of the Eurasian Economic Union and a multilateral concept of the Shanghai Organization of Cooperation. In these circumstances, the question of finding of optimal foreign policy and foreign economic strategy, allowing to avoid an open confrontation with the main centers of power, as well as efficient use of the potential of cooperation between them becomes the most urgent for Russia.

Key words: Silk Road, New Silk Road, Russia, China, USA, European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organization.

Author:

- *Kosorukov Artem Andreevich*, Ph. D. in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Analysis, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Mexico — Russia: the prospects of relations

Abstract: the United Mexican States and the Russian Federation have a long history of interstate cooperation. During 125 years of collaboration, the moments of both ups and downs took place. However, almost always, the governments sought not to forget about the existence of each other. The article highlights the status and prospects of relations between the two countries.

Key words: Mexico, Russia, international relations, world politics.

Authors:

- *Perus Marcos Agustin Cuervo*, Professor, Ph. D. in Political Science, Department of Political and Social Sciences, National Autonomous University of Mexico
- *Dashkina Irina Vladimirovna*, Postgraduate student, Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Chinese foreign policy and Sino-Russian relations in a multipolar world

Abstract: in Chinese and foreign academic communities there are different opinions about whether we already live in a multipolar world, or the world is still at the stage of transition to multipolarity. The author is inclined to believe that the unipolar and multipolar worlds exist in parallel, they interact, establish a system of mutual restraints and balances. In the current complex and constantly changing international situation, China's foreign policy switches from the concept of «hide your abilities and wait for the appropriate time» to the concept of «enthusiasm in work is the key to success». Facing American containment policy, the question of transition to allied relations between Russia and China is actively discussed. The Chinese government and most Chinese researchers tend not to join the unions and support the position of «partnership without unions». As important poles of a multipolar world, Russia and China make a wise decision to keep balance and focus in the foreign policy: based on equality, mutual benefit and mutual respect, relations of comprehensive strategic partnership and cooperation should acquire greater development.

Key words: multipolarity, China's foreign policy, Sino-Russian relations; partnership without unions.

Author:

- *Cui Zheng*, Ph. D. in Political Science, Research Scientist, Research Centre of Economy and Politics of the Countries with Transitional Economies, Liaoning University (Dalian, China)

2. PROBLEMS OF INTERNATIONAL SECURITY AND SUSTAINABLE WORLD DEVELOPMENT

Islamic organizations of Central Asia

Abstract: the article deals with the study of Islamic organizations in Central Asia. The author considers the development of Islamic teachings of different origin on the territory of Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Turkmenistan. Categorical-conceptual analysis of the term «Is-

lamism» and the main transformations of its perception are presented. In the article the case scenarios of Islamist organizations in Central Asia (recruiting base extension, structural changes) are researched. Particular importance is given to the impact of these organizations on foreign and domestic policy, as well as the security and national interests of the regional states.

Key words: Islamism, Central Asia, Uzbekistan, Russia, Islamic Jihad Union, Al-Qaeda, Taliban, Islamic State (organizations banned in Russian Federation).

The paper was written as part of the grant 15-07-00001 «International relations in the context of global processes and security and counter-terrorism issues».

Author:

- *Vasetsova Elena Sergeevna*, Associate Professor, Department of Political Science of the East, The Institute of Asia and Africa, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Polycentric world order and formatting of the regulators of violence

Abstract: the author examines the concept of a polycentric world order and the main factors, which ensure its relative stability. Particular attention is given to the analysis of the diffusion of power, the crisis of international law, the impact of international alliances and blocs on international relations and world politics.

Key words: world order, polycentric world, diffusion of power.

Author:

- *Kapitsyn Vladimir Mikhailovich*, Doctor of Political Science, Professor of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Models of the «soft power» of networking terrorist organizations (using the example of the «Islamic state», al-Qaeda, the Taliban and the «Muslim Brotherhood»)

Abstract: the article is dedicated to the comparative political analysis of models of the «soft power» of networking terrorist organizations using the example of terrorist organizations and groups prohibited in the Russian Federation: «Islamic state», al-Qaeda, the Taliban, and the «Muslim Brotherhood» (organizations banned in Russian Federation). The object of study is the soft power. The subjects of the research are the forms, methods, models and technologies of the soft power of terrorist organizations (for example, «Islamic state» (IS), al-Qaeda, the Taliban and the «Muslim Brotherhood»). The author draws attention to the fact that terrorists of various transnational organizations and groups in their ideological and propaganda activities use the soft power in order to unite extremists, to involve new members into terrorist activities and to conduct information war with their ideological enemies (with the governments of various countries fighting against international terrorism and their direct competitors among the extremists, terrorists and Islamists). Thus, the soft power of terrorists does not repeat the forms and methods of soft power of the USA, known from the works of the American neoliberals (John. Nye, R. Kohan etc.), and which has its own model, existing in the form of a specific set of versions adapted to the ideology of each particular international terrorist group. So, the ISIS, the Taliban, al-Qaeda, the «Muslim brotherhood», each has its own model of soft power and these models are quite different from each other even in their underlying basis.

Key words: soft power, terrorism, Islamic State, control of terrorism, politics, security.

Author:

- *Manoylo Andrey Viktorovich*, Doctor of Political Science, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Images of the world order after the cold war

Abstract: the article examines the political structure of Europe after the end of the cold war. The author believes that in 25 years of the cold world (1989–2014), the Europeans did not approach to the establishment of security on the continent. The article proposes three basic principles that, at their realization in international relations, can create a more secure Europe. Such principles, according to the author, are: equality, transcendence and pluralism. The article argues that today it is necessary to make certain efforts to find out political processes and institutions that will help to shape a new policy of reconciliation in Europe.

Key words: world order, cold war, European Union, Europe, safety.

Author:

- *Richard Sakwa*, Professor of Russian and European Politics at the University of Kent (Great Britain)

Political aspects of formation of polycentric world in conditions of «hybrid wars»

Abstract: the article researches the political aspects of the formation of a polycentric world today. The idea of a new polycentric system of international political discourse of Russia, the USA and the European Union is examined. The intensification of the global geopolitical, geo-economic and informational competition between international political actors is analyzed. The author comes to the conclusion that competition policy of the key actors of world politics, which is realized in the strategies of «hybrid wars» and counter-strategies, becomes a long-term factor in world political dynamics which can have a significant impact on the transformation of world order, reinforcing its polycentricism.

Key words: polycentric world, «hybrid war» strategy, discourse.

Author:

- *Stoletov Oleg Vladimirovich*, Ph. D. in Political Science, Senior lecturer, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Islamism and political institutions of the Middle East

Abstract: the article discusses the prospects of development of political regimes in the Middle East under conditions of growing instability and trend of a political Islamization. The author estimates the institutional dimension of the existing regimes and tries to consider the transformation experience of the Middle East and the Maghreb countries through the prism of contemporary theories of democratization and political stability.

Key words: Islam, political regime, the Middle East, political stability, democratization.

Author:

- *Telin Kirill Olegovich*, Ph. D. in Political Science, Research Fellow of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

3. CONTEMPORARY PROBLEMS OF WORLD POLITICS AND INFORMATIONAL TECHNOLOGIES

The ideologization of culture as the ideological background of its militarization in the XX–XXI centuries

Abstract: the article analyzes the concept of «culture», describes the main stages of the comprehension of culture in the history of philosophy and socio-political thought. It is argued that

with the collapse of the Soviet Union ended the ideological confrontation between two political systems, but the ideologization of culture has not lost its relevance. The authors state that the ideologization of culture will inevitably lead to the militarization of culture and, as a consequence, to the information war. As far as ideologized culture tends to destruction of cultural and ideological alternatives, an information war is the most convenient tool to achieve political goals by non-military means. The results of the study can be applied for development of state programmes aimed at protection of cultural values of the mankind and traditions of certain nations.

Key words: ideology, culture, values, militarism, a media war.

Authors:

- *Ubiriya Izabella Feliksovna*, Postgraduate student, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University
- *Gorokhov Andrey Anatolyevich*, Ph. D. in Political Science, Head of the Scientific Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The informational empire: a myth or a new network world?

Abstract: the paper analyzes the risks of the sovereignty of states on the background of the expanding network communications. The author studies the specifics of the «digital sovereignty» of countries and comes to the conclusion about the gradual growth of a global «informational empire», becoming an active player in the international relations.

Key words: informational empire, network technologies, informational war, international relations, colonies, metropolis.

Author:

- *Fedorchenko Sergey Nikolaevich*, Ph. D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, MRSU

Information and communication technologies in the implementation of foreign policy strategy of the United States

Abstract: the article discusses innovative information and communication tools of influence used in foreign policy of the United States of America. The author examines the practice of modern technologies application in achieving of «global leadership» as the main strategic priority of the United States. The widespread use of software, high-tech computer equipment, and electronic payment systems of American manufacturing has formed in developing countries a kind of «digital dependency» from a geopolitical hegemon. Control over social resources of the Internet, indirectly carried out by the US authorities through a network of non-profit organizations, allows to generate the global information agenda and control the political behavior of citizens throughout the world. In these conditions, Russia should not only defend its digital sovereignty, but also develop its own information and communication capacities.

Key words: «soft power», foreign policy, US politics, the manipulative political technologies.

Author:

- *Feldman Pavel Yakovlevich*, Ph. D. in Political Science, Associate Professor of the Department of Philosophy and Political Science, the Academy of Labour and Social Relations (Moscow, Russia)

The European Union as a political myth

Abstract: the European Union is one of the greatest political myths of our time. The myth of the «European Union» is designed by the elite for the achievement of specific political purposes through the creation of a separate discourse of the EU, the narrative matrix that supports this communicational legend and the technologies of staging the myth (the symbolic policy, image policy and other tools).

The article attempts to analyze the fundamental elements of the EU media-political discourse, making up the essence of the myth of the European Union, to identify key narratives of this discourse and formulate the foundations of the symbolic EU policies implemented with the aim of introducing the myth of the European Union.

Key words: European Union, political myth, symbolic politics, image politics, image discourse, media and political discourse, soft power, image roles of the EU.

Author:

- *Hauer-Tukarkina Olga Mikhaylovna*, Ph. D. in Political Science, Lecturer of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

On problems with the ambiguous concept of the freedom of conscience and religion in the United Nations documents

Abstract: the number and heterogeneity of the UN documents concerning freedom of conscience and religion is impressive. This multiplicity accounts for the creation of new terms, which do not clear define religious phenomena, particularly, concerning the rights and freedoms as well as threats and violations of these rights and freedoms. Moreover, many terms have strong emotional connotation and create a tangled network preventing their coherent interpretation. This leads to the situations when international organizations are not used effectively to resolve conflicts on the ground of religion or belief.

Key words: freedom of conscience and religion, freedom of conscience and religion in UN documents, the opacity of the concept of «freedom of conscience and religion», defamation of religion.

Author:

- *Hordecki Bartosz*, Ph. D. in Political science, PhD in Law, Adjunct Professor of the Department of Media Systems and the Rights of the Media, Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poznan, Poland)

4. POLITICAL SCIENCE IN RUSSIAN UNIVERSITIES

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Тема следующего номера журнала: «Политические выборы: история и современность». Данный номер журнала планируется посвятить изучению избирательных кампаний в России и за рубежом. С одной стороны, интересен опыт прошедших выборов в России, и не только федеральных кампаний 2016 г. и ранее, но и опыт проведения выборов на региональном и муниципальном уровнях. Также представляют большой интерес политические выборы в других странах мира. Например, одними из актуальных выборов 2016 г. является избирательная кампания по выборам Президента США.

Осветить электоральные процессы мы приглашаем всех, кто занимается изучением данной проблематики, а также сам принимает участие в данном процессе, в т. ч. в качестве технологов и сотрудников избирательных штабов.

Примерные разделы следующего номера:

- 1) выборы в России;
- 2) выборы в других странах мира;
- 3) технологический аспект выборов;
- 4) история выборов.

Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru не позднее 1 декабря 2016 г.

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения: *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 1 авторский лист (40 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Допускаются только **затекстовые** библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок **не допускается**.

5. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках.

Допустимые обозначения: [1. — С. 196] [2. — С. 330–332] [3] [4; 5; 7].

6. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su/uploads/Metodika2015.pdf>.

7. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

8. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

9. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

10. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

11. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЁВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БАРЫШНИКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований (SCHOLA.SU), эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — начальник научного отдела факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры политологии института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗВЯГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — старший преподаватель кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

САЖИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА — доцент кафедры управления в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, руководитель отдела внеаудиторной работы со студентами факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат социологических наук

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, иностранный эксперт-преподаватель Сямэньского университета КНР, эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук (КНР)

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, начальник отдела учебно-методической работы факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани, PhD (political science), PhD (law) (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

КАРАБАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

ВОЛОШИН АНДРЕЙ — выпускающий редактор

КАРАБАЕВА МАЙЯ — корректор

ПЕНКИНА АНФИСА — ответственный редактор англоязычной версии журнала

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

БОЛДИН ВЛАДИМИР — советник по взаимодействию с российскими и международными системами научного цитирования

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник по вопросам международного взаимодействия

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77 - 66809

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77 - 66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Типография	«Новые печатные технологии». Адрес: г. Москва, 2-й Котляковский переулок, вл. 18
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№1, 2016 год
Подписано в печать	04.11.2016
Цена	Бесплатно

Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 - 67389

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77 - 67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология - Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А. А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д.71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№1, 2016 год
Подписано в печать	04.11.2016
Цена	Бесплатно

© 2016 «Русская политология — Russian political science».

При цитировании обязательна ссылка на журнал
«Русская политология — Russian political science»